

Алексей Адольфович Герцензон

УГОЛОВНО-ПРАВОВАЯ ТЕОРИЯ Жана Поля МАРАТА

М.: Государственное издательство юридической литературы. 1956

Веб-публикация: библиотека Vive Liberta и Век Просвещения, 2009. Орфография оригинала сохранена. Расположение авторских ссылок изменено. Дополнительные примечания даны нами.

Введение

Глава I. Общая характеристика прогрессивных уголовно-правовых теорий перед французской буржуазной революцией XVIII века

Глава II. Краткий очерк жизни и научно-политической деятельности Марата

Глава III. Уголовно-правовая теория Марата в дореволюционный период

Глава IV. Развитие уголовно-правовой теории Марата в годы революции

Глава V. Марат и разоблачение контрреволюционных преступлений

Глава VI. Марат о революционной законности и о революционных мерах подавления сопротивления врагов народа

Заключение. Социально-политическая оценка уголовно-правовой теории Марата

Указатель имён (с нашими ссылками на подборки материалов из электронных библиотек)

Основные даты жизни и деятельности Жана Поля Марата

Материалы, близкие по тематике (даны редакторами Vive Liberta)

Ф. Сантьяк. Гражданское законодательство Французской революции

В. Волгин. Развитие общественной мысли во Франции в XVIII вв.

К. Беркович. Процесс Людовика XVI (полная подборка документов)

Прения о Конституции, май 1793 г.

А. Олар. Политическая история французской революции: из главы IV «Конституция 1793 года»

А. Гордон. Классовая борьба и конституция 24 июня 1793 г.

Документы и исследования, относящиеся к личности и деятельности Ж.-П. Марата

Проект декларации прав человека и гражданина с последующим планом справедливой, мудрой и свободной конституции

ПАМФЛЕТЫ (1789-1793 гг.)

ПИСЬМА 1776-1793 гг. (часть 1, часть 2)

Марат о 4 августа 1789 г. («Друг народа» № II)

Из газеты Марата «Друг народа» (1792 г.)

Марат в августе 1792 г.

Речь Марата по поводу суда над Людовиком XVI

Ц. Фридлянд. Марат до Великой французской революции

галерея портретов Марата

Я. Старосельский. Проблемы якобинской диктатуры

С. Моносов. Очерки по истории Якобинского клуба

Марат в гостях у Дюмурье

13 июля. Идеолог Террора и террористка-одиночка

Ж. Мишле. Корделььеры и Дантон

О. Старосельская-Никтина. Очерки по истории науки и техники в период Французской буржуазной революции

Братья Мараты: господин де Будри, подданный Российской короны

Т. Солтановская. Ж.-П. Марат и «бешеные» весной 1793 г.

П. Гениффе. Марат - идеолог Террора

Г. Цвераева. Марат как естествоиспытатель

С. Лозинский. Очерки Великой французской революции: Мирабо, Дантон, Марат, процесс Людовика XVI

Товарищ У. Also sprach Marat

А. Гордон. Падение жирондистов

Журналист о журналистах: взгляд Власа Дорошевича из Великой октябрьской в Великую французскую

Ж. Жорес. Марат и аграрный вопрос. Марат и пролетарии (из «Социалистической истории Великой французской революции»)

Ю. Попов. Публицистика Марата

ВВЕДЕНИЕ

Задачи исследования. Социально-политические предпосылки развития прогрессивные уголовно-правовых теории во Франции перед буржуазной революцией XVIII века. Две классовые линии в развитии этих теорий

Жан Поль Марат, выдающийся деятель французской буржуазной революции XVIII века, один из вождей якобинцев, являвшихся «представителям самого революционного класса XVIII века, городской и деревенской бедноты»¹, одновременно был и выдающимся теоретиком уголовного права. Еще в дореволюционное время он создал теорию уголовного права, направленную на защиту интересов трудящегося и эксплуатируемого народа и тем самым весьма существенно отличавшуюся от всех прогрессивных теорий уголовного права идеологов идущей к власти буржуазии. В годы революции Марат дальше развивает свою революционную теорию. Он разоблачает преступления врагов народа, призывает народные массы к революционной бдительности, требует введения революционного террора против контрреволюционеров, неутомимо вскрывает реакционный, антнародный характер уголовных законов и деятельности судов в эпоху Национального и Законодательного собраний

Уголовно-правовое наследство Марата до сих пор не систематизировано и не изучено. В буржуазной уголовно-правовой литературе теория Марата освещена лишь в самой общей форме, при этом, как правило, в совершенно искаженном виде

В советской уголовно-правовой литературе теории Марата до последнего времени не было уделено должного внимания

Настоящая работа имеет целью восполнить этот пробел в советской юридической литературе и систематически осветить революционную теорию уголовного права, созданную и развитую Маратом².

* * *

Научно-политическая деятельность Марата развернулась во второй половине XVIII века, в условиях расцвета французского Просвещения, материалистической философии и утопического социализма, представленных именами Монтескье и Вольтера, Гельвеция, Гольбаха и Дидро, Мабли, Мелье и Морелли, являвшихся носителями новых, передовых идей и теорий, отражавших интересы новых выходящих на политическую арену классовых сил. Эти идеи и теории отражали вновь возникшие потребности общественной жизни, и их источником явились новые условия материальной жизни общества, в котором на смену обветшалому феодальному базису приходил новый, капиталистический базис³. Ломка старого, феодального базиса происходила в условиях ожесточенной борьбы между отживающими феодальными силами и растущим капитализмом. Эта борьба нашла свое непосредственное выражение и в области идеологии. Одним из проявлений этой борьбы явилось создание новых, прогрессивных теорий в области уголовного права, своим острием направленных против феодального уголовного права.

Несоответствие между развивающимися производительными силами и существующими производственными отношениями приобретало в XVIII веке во Франции все более острые формы. Развитие промышленности, рост внутренней и внешней торговли, проникновение капиталистических отношений в область сельского хозяйства — все это служило свидетельством громадного переворота в экономических условиях жизни общества

Феодальные производственные отношения являлись уже тормозом для дальнейшего развития производительных сил: рост промышленности тормозился вследствие существовавших остатков крепостного права, цеховых ограничений и привилегий; развитие торговли тормозилось стеснениями и ограничениями деятельности торговцев со стороны королевской власти. Всеми правами и привилегиями, установленными феодальным строем, пользовалось дворянство и духовенство — первое и второе сословия. Третье же сословие, которое возглавляла буржуазия, находилось в угнетенном положении — оно не обладало самыми элементарными правами

¹ В.И.Ленин, Соч., т.25, стр.41.

² При написании настоящей работы автор пользовался прежде всего изданиями произведений Марата, опубликованных при его жизни (коллекция этих изданий собрана в библиотеке Института Маркса—Энгельса—Ленина—Сталина), собраниями произведений Марата, изданных в XIX—XX веках во Франции, а также частично переведенных на русский язык Библио-графический указатель трудов Марата приведен во второй главе. Указатель специальной литературы приводится в каждой главе.

³ К.Маркс, Капитал т.1, 1949, К.Маркс и Ф.Энгельс, Избранные письма, 1948, К.Маркс и Ф.Энгельс, Манифест Коммунистической партии, Избранные произведения, т.1, 1948, К.Маркс, Восемнадцатое брюмера Луи Бонапарта, Избранные произведения, т.1, 1948 К.Маркс, Послесловие к «Критике политической экономии». Избранные произведения, т.1, 1948, Ф.Энгельс, Анти-Дюринг, 1948, В.И.Ленин От какого нас наследства мы отказываемся, Соч., т.2, В.И.Ленин, Что такое «друзья народа» и как они воюют против социал-демократов, Соч., т.1.

личности.

Буржуазия, сложившаяся в недрах феодального общества, явилась тем наиболее активным классом, который для завоевания своих прав должен был привлечь на свою сторону широкие народные массы, ибо без участия этих масс буржуазия была бы не в состоянии разрушить здание феодального строя. Именно в силу этого буржуазия, стремясь к достижению своих классовых целей, выступала не только от своего имени, но и от имени всего угнетенного феодализмом общества.

В процессе этой ожесточенной борьбы создаются и развиваются многочисленные политические, философские и юридические учения, направленные против феодального строя.

* * *

В уголовном праве Франции XVII—XVIII веков очень ярко проявились основные черты феодальной надстройки предреволюционной эпохи. Его острие было направлено против трудящегося и эксплуатируемого народа, малейшие попытки сопротивления которого беспощадно подавлялись мечом феодальной репрессии. Феодальное «правосудие» было представлено совокупной карательной деятельностью сеньоральных, королевских и церковных судов. И если больше всего от этой системы террористической репрессии страдали трудящиеся массы города и деревни, то и городская буржуазия нередко испытывала на себе весьма чувствительные удары карательной машины.

Между экономическим положением буржуазии и ее юридическим положением наблюдался весьма существенный разрыв. Из-за отсутствия элементарных прав и гарантий личности буржуазия, относившаяся к третьему сословию, не могла быть уверена в прочности своего положения: в любой момент буржуа мог быть обвинен в «оскорблении величества», в принадлежности к какой-либо «ереси», брошен в застенок и подвергнут пыткам. Применение пыток к подозреваемым, а равно и к свидетелям в подавляющем большинстве случаев обеспечивало «признание», за которым следовала смертная казнь и конфискация имущества.

Уголовные законы были крайне расплывчатыми, кроме того, они подвергались произвольному толкованию судей. Неопределенность уголовного законодательства еще более увеличивалась благодаря системе арестов без конкретного обвинения и системе королевского помилования лиц привилегированных сословий.

«Составы преступлений» характеризовались крайней неопределенностью: понятие «оскорблении величества» как государственного преступления было настолько широко, что позволяло осудить к смерти за малейшее нарушение установленного порядка; понятие «религиозных преступлений» было еще более широким. Смертная казнь устанавливалась за большинство этих преступлений: она могла быть применена в 115 случаях, предусмотренных законами, но фактически применялась значительно чаще.

Наказания характеризовались исключительной жестокостью. Применение наказания осуществлялось в зависимости от сословно-классовой принадлежности осужденного: вся тяжесть репрессии падала на трудящиеся массы, а представители привилегированных сословий подвергались более мягким наказаниям, если вообще не оставались безнаказанными.

В уголовном процессе царила теория формальных доказательств, весь процесс был построен на системе уточненных пыток как главного способа получения признания подозреваемого. Обвиняемый был лишен самых элементарных гарантий личности, в особенности, если он принадлежал к неимущим классам.

Против этой системы кровавого уголовного законодательства и карательной политики выступили единым фронтом передовые мыслители XVIII века. Жестокость, несправедливость, бесчеловечность уголовного права XVII—XVIII веков были настолько очевидны, что не было ни одного прогрессивного мыслителя той эпохи, который не останавливался бы на критике действовавшей карательной системы.

* * *

Идеологи восходящего класса буржуазии, выступая от имени той части общества, которая страдала под игом феодализма, представляли собой в тех конкретно исторических условиях прогрессивные силы. Они развивали новые, передовые для своего времени идеи, направленные на скорейшее уничтожение старых производственных отношений.

Характеризуя идеологов идущей к власти буржуазии, Энгельс указывал на то, что они выступали крайне революционно, стремясь ниспровергнуть все устои старого феодального общества. «Великие люди, которые во Франции просвещали головы для приближавшейся революции, сами выступали крайне революционно. Никаких внешних авторитетов какого бы то ни было рода они не признавали. Религия, понимание природы, общество, государственный порядок — все было подвергнуто самой беспощадной критике, все должно было предстать перед судом разума и либо оправдать свое существование, либо отказаться от него. Мыслящий рассудок стал единственным мерилом всего существующего»⁴.

⁴ Ф.Энгельс, Анти-Дюринг, 1948, стр.

Идеологи идущей к власти буржуазии, стремясь ниспровергнуть устои феодального общества и основать новое общество, рисовали картины счастливой жизни людей в обществе, где царит свобода, равенство и собственность. Они стремились разработать принципиальные основы общества, опирающегося на царство разума и справедливости. Раскрывая классовое содержание идей и теорий, созданных в XVIII веке идеологами восходящей буржуазии, Энгельс указывал, что «вечный разум» просветителей XVIII века являлся идеализацией буржуазного рассудка. Поэтому, когда буржуазия опрокинула феодальный строй, в новых условиях капиталистического строя созданные общественные и политические учреждения «оказались злой, вызывающей горькое разочарование карикатурой на блестящие обещания просветителей»⁵.

Таким образом, пришедшая к власти буржуазия использовала идеи просветителей как своего рода идеологическую завесу для маскировки действительной классовой сущности капиталистического строя. Это делалось для того, чтобы, замаскировав истинную сущность капитализма, снискать популярность у трудящегося и эксплуатируемого народа и тем самым укрепить свое господство над народом. «Мы знаем теперь, — писал Энгельс, — что это царство разума было не чем иным, как идеализированным царством буржуазии, что вечная справедливость нашла свое осуществление в буржуазной юстиции, что равенство свелось к буржуазному равенству перед законом, а одним из самых существенных прав человека провозглашена была — буржуазная собственность. Разумное государство, — «общественный договор» Руссо, — оказалось и могло оказаться на практике только буржуазной демократической республикой Великие мыслители XVIII века, так же как и все их предшественники, не могли выйти из рамок, которые им ставила их собственная эпоха»⁶.

Таков в конечном счете классовый смысл идеологии идущей к власти буржуазии. Таков же, как будет показано далее, классовый смысл и проповедуемых ею уголовно-правовых теории.

Подчеркивая, что мыслители XVIII века не могли выйти из рамок своей эпохи, что их взгляды обусловливались конкретно исторической обстановкой и были в дальнейшем использованы пришедшей к власти буржуазией в ее узоклассовых интересах, нельзя вместе с тем ставить знак равенства между революционными мыслителями XVIII и буржуазными апологетами XIX и тем более XX веков.

В работе «От какого наследства мы отказываемся» В.И.Ленин писал по поводу слова «буржуа»: «...у нас зачастую крайне неправильно, узко, антиисторично понимают это слово, связывая с ним (без различия исторических эпох) своекорыстную защиту интересов меньшинства. Нельзя забывать, что в ту пору, когда писали просветители XVIII века (которых общепризнанное мнение относит к вожакам буржуазии), когда писали наши просветители от 40-х до 60-х годов, все общественные вопросы сводились к борьбе с крепостным правом и его остатками. Новые общественно-экономические отношения и их противоречия тогда были еще в зародышевом состоянии. Никакого своекорыстия поэтому тогда в идеологиях буржуазии не проявлялось; напротив, и на Западе и в России они совершенно искренно верили в общее благодеяние и искренно желали его, искренно не видели (отчасти не могли еще видеть) противоречий в том строе, который вырастал из крепостного»⁷.

Эти указания В.И.Ленина имеют решающее значение для оценки мировоззрения просветителей XVIII века и, в частности, для оценки их уголовно-правовых взглядов. Именно под этим углом зрения необходимо рассмотреть уголовно-правовые взгляды Монтескье и Вольтера, Гольбаха и Гельвеция и многих других мыслителей XVIII века, в произведениях которых содержится политическое, философское, а также юридическое обоснование новых идей в области уголовного права. Эти идеи в большей или меньшей мере были использованы во время Французской буржуазной революции 1789 года в законодательной деятельности Национального и Законодательного собраний, а после завершения революции и победы капиталистического строя явились одним из орудий маскировки буржуазией классового содержания установленного ею уголовного права.

В дореволюционную эпоху уголовно-правовые теории этих мыслителей, несомненно, глубоко изучались Маратом и не могли не найти своего отражения в его политических и юридических взорваниях,

Хотя идеологи идущей к власти буржуазии выступали как бы от имени всего страдающего человечества, угнетенного феодализмом, это не означало, что у трудящихся и эксплуатируемых масс не было своих собственных классовых интересов и требований, с которыми бы они не выступали в наиболее острые моменты классовой борьбы. По этому поводу Ф.Энгельс писал: «...Хотя в общем и целом буржуазия в борьбе с дворянством имела известное право считать себя также представительницей различных трудящихся классов того времени, тем не менее при каждом крупном буржуазном движении вспыхивали самостоятельные движения того класса,

⁵ Там же, стр.241.

⁶ Ф.Энгельс, Анти-Дюринг, 1948, стр.17.

⁷ В.И.Ленин, Соч., т.2, стр.473.

который был более или менее развитым предшественником современного пролетариата»⁸. Так, например, когда буржуазия выдвинула требование осуществить формальное равенство всех людей, идеологи трудящегося и эксплуатируемого народа выдвинули требование осуществления подлинного, а не формального равенства; когда буржуазия потребовала уничтожения сословно-классовых привилегий, идеологи трудящегося народа потребовали уничтожения самих классов. Если идеологи буржуазии XVIII века, говоря о причинах преступности, указывали на бедность, нищету, «излишнее богатство», отсутствие просвещения, дурное законодательство и т.д., то идеологи трудящегося и эксплуатируемого народа выявляли не только эти производные причины преступности, но уже делали попытки объяснить существование преступности самой природой эксплуататорского строя, существованием частной собственности, делением общества на эксплуататоров и эксплуатируемых. Если первые, говоря о реформе уголовного законодательства, главным образом рассчитывали на «просвещенных монархов» и стремились ограничить реформу уголовного законодательства внесением в него элементарных гарантий прав «личности», то вторые не останавливались на этом, а рассчитывали на революционные выступления народа, на революционное изменение законодательства, стремились обеспечить не только формальные, но и реальные гарантии личности, при этом не личности «вообще», а личности трудящихся и эксплуатируемых людей. Если первые стремились лишь ограничить всеобъемлющее понятие «государственного преступления», то вторые, разоблачая безнаказанные преступления эксплуататоров и тиранов, стремились создать основанное на революционном правосознании понятие «преступного», соответствующее интересам народа.

Таким образом, при рассмотрении прогрессивных уголовно-правовых теорий XVIII века необходимо проводить разграничение двух принципиально отличных линий — линии идеологов восходящей буржуазии и линии идеологов трудящегося и эксплуатируемого народа. Первая линия и вторая линия в дореволюционный период нередко перекрециваются, ибо у трудящегося и эксплуатируемого народа еще далеко не полностью определились и выявились его собственные классовые интересы. Но во время революции, в особенности ко времени якобинской диктатуры, эти линии резко расходятся, получая и в области уголовного права свои собственные, прямо противоположные пути развития. Первая линия воплотилась в жирондистской уголовно-правовой теории Бриссо, вторая линия получила свое наиболее яркое выражение в уголовно-правовой теории Марата, нашедшей свое конкретное воплощение в карательной деятельности якобинского Конвента.

ГЛАВА I. ОБЩАЯ ХАРАКТЕРИСТИКА ПРОГРЕССИВНЫХ УГОЛОВНО-ПРАВОВЫХ ТЕОРИЙ ПЕРЕД ФРАНЦУЗСКОЙ БУРЖУАЗНОЙ РЕВОЛЮЦИЕЙ XVIII ВЕКА

Монтескье, Беккариа, Вольтер, Гельвеций, Гольбах, Дидро, Руссо, Мельье, Морелли, Мабли.
Французская прогрессивная уголовно-правовая литература XVIII века

В формировании прогрессивных уголовно-правовых теорий XVIII века исключительно важную роль сыграли в первую очередь произведения виднейших представителей «старшего поколения» просветителей. С изложения их уголовно-правовых взглядов необходимо начать обзор прогрессивных предреволюционных уголовно-правовых теорий¹.

А. А. Герцензон

УГОЛОВНО-ПРАВОВАЯ ТЕОРИЯ ЖАНА ПОЛЯ МАРАТА

М.: Государственное издательство юридической литературы. 1956

Vive Liberta и Век Просвещения, 2009

⁸ Ф.Энгельс, Анти-Дюринг, 1948, стр.18.

¹ Монтескье, О духе законов, русский перевод, 1900, Беккариа, О преступлениях и наказаниях, русский перевод, 1939, Вольтер, Избранные страницы, русский перевод, 1914, Вольтер — «Commentaire sur le livre des debts et des peines», Oeuvres completes, 1785, t.34 «Prix de la justice et de la humanite», там же Гельвеций, Об уме, русский перевод, 1938, Гельвеций, О человеке, его умственных способностях и его воспитании, русский перевод, 1938, Гольбах, Система природы или о законах мира физического и мира духовного, русский перевод, 1940, Дидро, Соч., тт.2, 7, 10, Руссо, Рассуждение о происхождении и основах неравенства, русский перевод, 1907, Руссо, Об общественном договоре или принципе положительного права, русский перевод, 1938, Мельье, Завещание, русский перевод, 1937; Морелли, Кодекс природы, или истинный дух ее законов, русский перевод, 1947; Мабли, О законодательстве, или принципы законов, русский перевод, 1950; Бриссо — «Bibliotheque philosophique du legislateur, du politique, du junsconsulte», 1782—1785 (тт.1—10). Сводные обзоры уголовно-правовой литературы XVIII века — см. в указанных ниже работах Герца, Эсмена, Чубинского, Гернета. В советской уголовно-правовой литературе — см. проф.Б.Утевский, История уголовного права буржуазных государств, М., 1948, и проф.А.Герцензон. К изучению истории уголовно-правовых теорий XVIII—XIX вв.М, 1947.

В числе представителей французского Просвещения XVIII века одно из первых мест принадлежит Монтескье, произведения которого сыграли значительную роль в формировании уголовно-правовых взглядов идущей к власти буржуазии. Основное произведение Монтескье, в котором он формулирует свои взгляды на общество, государство и право, в том числе и на уголовное право, — трактат под названием: «О духе законов, или об отношениях, в которых законы должны находиться к устройству каждого правления, к нравам, климату, религии, торговле и т.д., к чему автор прибавил новые исследования о законах римских, касающихся наследования, о законах французских и о законах феодальных»². Этот трактат был опубликован в 1748 году.

Политический смысл этого трактата довольно точно был сформулирован самим Монтескье: в нем он стремится доказать, что «дух умеренности должен быть духом законодателя». Монтескье — противник всяких крайностей, революционных переворотов, тиранического правления и т.д. Он критикует феодальные порядки, деспотическое правление, беззаконие и всячески стремится доказать преимущества умеренного образа правления, твердой законности, твердого правопорядка, хорошо организованного правосудия. Являясь горячим сторонником института частной собственности, Монтескье высказывается вместе с тем против «чрезмерного» неравенства состояний.

Монтескье различает двоякого рода законы: законы в широком смысле слова, к которым относятся законы природы, и законы положительные, создаваемые правительствами. Признавая существование закономерного развития общества, Монтескье считает важным создание такого законодательства, которое находилось бы в соответствии с основными факторами жизни людей. Законодательство должно соответствовать физическим свойствам страны, ее климату, качествам ее почвы, ее положению и величине, образу жизни народа, степени свободы людей, их религии, их богатству, развитию торговли и т.д. Эта мысль о соотносительности между законодательством и совокупностью физических и социальных условий жизни людей является центральной в учении Монтескье, и он использует ее, в частности, при решении уголовно-правовых вопросов.

В деспотических государствах наказания являются устрашающими, жестокими, ибо в основе правления в этих государствах лежит страх. Иначе обстоит дело в монархиях и республиках, которые основаны на чести и добродетели: здесь наказание не столько карает преступление, сколько его предупреждает. «Хороший законодатель», по мнению Монтескье, «постарается не столько карать, сколько улучшать нравы». Монтескье развивает положение о том, что наказание должно быть не жестоким, а неотвратимым; сама по себе жестокость наказания не содействует борьбе с преступлениями. Критикуя феодальное уголовное право, Монтескье стремится показать не только его жестокость, но и бесцельность этой жестокости: она приводит к дальнейшему огрублению нравов, что в свою очередь вызывает еще большее ожесточение наказания.

Если первым принципом уголовного права Монтескье называет гуманность и неотвратимость наказания, то вторым его принципом он считает установление точного соответствия между преступлением и наказанием. Одну из глав своего труда Монтескье посвящает этому вопросу. Он пишет: «Необходимо, чтобы между преступлениями и наказаниями была взаимная гармония, так как лучше избежать большего преступления, чем меньшего; того, что более наносит ущерб обществу, чем того, что менее вредит ему» (стр.95). Третий принцип уголовного права Монтескье формулирует так: «...законы обязаны карать одни только внешние действия» (стр.196). Монтескье имеет в виду этим принципом обуздать произвол феодального уголовного права, которое карало не только за конкретные действия лица, но и за произнесенные слова и даже за мысли (убеждения) человека.

Четвертый принцип уголовного права, выдвигаемый Монтескье, состоит в осуществлении твердой законности при отправлении правосудия. Люди в своем «природном состоянии» рождаются равными; однако они не удерживаются в состоянии равенства, ибо общество отнимает у них равенство, которое может быть им возвращено лишь на основе мудрых законов. «Свобода есть право делать все, что дозволено законами; и если бы гражданин мог делать то, что этими законами запрещается, то у него не было бы свободы, так как то же самое могли бы делать и прочие граждане». Для установления и сохранения свободы нужны, следовательно, законы, которые точно установят, какие действия - являются преступными и наказуемыми.

В своем трактате Монтескье уделяет внимание выяснению причин существования пороков и преступлений. Он связывает их со всей совокупностью факторов жизни людей: с физическими свойствами страны, с климатом, с качеством почвы, с величиной страны и численностью населения, с образом жизни народа, с формой правления, с религией, с богатством народа, с развитием торговли, с распространением роскоши и нищеты, с характером законов.

Монтескье много говорит о роскоши как о причине недостатков в обществе. Отмечая, что «роскошь всегда пропорциональна неравенству состояний», Монтескье говорит о желательности уравнения распределения богатств. Однако он ни в малейшей степени не посягает на институт частной собственности, а стремится здесь, как и везде, проводить принцип «умеренности». Он

² Монтескье, О духе законов, русский перевод, 1900.

считает, что государство обязано обеспечить всем гражданам средства к жизни, пищу, одежду и создать такие условия жизни, которые не вредили бы здоровью. Выясняя причины бедности, Монтескье видит их в том, что бедняк не работает: кто, не имея имущества, работает, тот живет не хуже того, кто имеет доход, но не работает...

Представляют интерес взгляды Монтескье на преступления религиозные и государственные.

Монтескье решительно выскаживается против внесения в уголовные законы ответственности за религиозные преступления. Этим Монтескье, несомненно, выступал против одного из устоев феодального уголовного права. С другой стороны, он решительно выступал против предоставления церкви права судить поступки людей, не связанные с религией. Этим Монтескье выступал против широчайшей юрисдикции церкви, столь характерной для эпохи феодализма. «Не следует делать предметом постановлений божественного закона то, что относится к законам человеческим, ни разрешать на основании постановлений человеческого закона то, что подлежит разрешению законов божественных. Эти два ряда законов отличаются один от другого своим происхождением, своей целью и своей природой» (стр.475). Критикуя феодальное уголовное право за то, что оно карает несуществующие преступления (колдовство) или преступления, крайне неопределенные в своем составе (ереси), или преступления, трудно устанавливаемые, — и при том карает самыми суровыми наказаниями, например, сожжением, — Монтескье тем самым выражает свое отношение к одной из существеннейших сторон феодального правопорядка.

Рассматривая государственные преступления, Монтескье считает необходимым резко ограничить понятие «оскорбление величества», под которое подводились самые разнообразные поступки людей, признававшиеся королевской властью и судом преступными. По этому поводу Монтескье пишет: «Одного неясного определения преступления оскорблении величества уже достаточно, чтобы правительство выродилось в деспотизм» (стр.194). Развивая эту мысль, Монтескье приходит к выводу, что распространение понятия оскорблении величества на совершенно иные преступления, как это имеет место в жизни, приводит к тому, что утрачивается ужас, вызываемый таким преступлением, как оскорбление величества.

«Персидские письма» Монтескье, изданные в 1721 году, содержат ряд высказываний по вопросам уголовного права. Из сопоставления этого произведения Монтескье с его основным трудом «О духе законов», опубликованном спустя 27 лет, видно, что основные идеи в области уголовного права были определены им еще в «Персидских письмах».

Монтескье в иронической форме разоблачает инквизицию, инквизиционный процесс. Он пишет: «Иные судьи заранее предполагают невинность обвиняемого, а эти всегда заранее считают его виновным. В случае сомнения они принимают за правило руководствоваться строгостью, очевидно, потому, что считают людей дурными. Но, с другой стороны, они имеют такое хорошее мнение, что никогда не считают их способными лгать, потому что придают значение свидетельским показаниям смертельных врагов обвиняемого, женщин, ведущих дурную жизнь, людей, занимающихся скверными профессиями. В своем приговоре они говорят ласковые слова людям, одетым в серную рубашку, и заверяют, что им очень досадно видеть их в такой плохой одежде, что они кротки, ужасаются крови и в отчаянии от того, что осудили их; но чтобы утешиться, конфискуют в свою пользу все имущество этих несчастных»³.

Монтескье в «Персидских письмах» формулирует принцип гуманности наказания и соотносительности степени соровости наказания и тяжести преступления в связи с образом правления, принятого в государстве. Он пишет: «...более или менее жестокие наказания, налагаемые каким-нибудь государством, не содействуют большему повиновению законам. Последних также боятся в тех странах, где наказания умеренны, как и в тех, где они тираничны и ужасны. Мягко ли правительство или жестоко, везде существуют разные степени наказания: за более или менее тяжкое преступление налагается более или менее тяжкое наказание. Воображение само собой приспособляется к нравам данной страны: восьмидневное тюремное заключение или небольшой штраф так же действуют на европейца, воспитанного в стране, где управление мягко, как потеря руки устрашает азиата. С известной степенью наказания они связывают известную степень страха, но каждый испытывает этот страх по-своему: француз придет в отчаяние от бесчестия, связанного с наказанием, на которое он осужден, между тем как у турка мысль о таком наказании не отняла бы и нескольких минут сна» (стр.174—175). Развивая эти мысли, Монтескье указывает, что в самих государствах, основанных на жестоком образе правления, страх наказания, даже самого сурогого, не является средством предотвращения преступления.

В «Персидских письмах» Монтескье не раз останавливается на вопросе о пропорциональности наказаний и преступлений. «Наказание должно быть пропорциональным вине», «измерять наказание размером преступления — закон, которого никакие суды не могли избегнуть», пишет Монтескье (стр.201). Он указывает на отрицательные последствия, наступающие в тех странах, которые не знают соразмерности наказания тяжести совершенного преступления: в этих странах, где тяжкое и легкое преступление равно караются сурогейшими

³ Монтескье, Персидские письма, М., 1936, стр.66.

наказаниями, люди предпочитают совершить тяжкое преступление (стр.216).

В осторожной форме Монтескье критикует преступления, совершаемые государствами и их министрами против народа. Приводя пример из английской революции, Монтескье указывает, что «оскорбление величества» рассматривалось во время революции как оскорбление государством народа, а не наоборот (стр.220). Эта мысль была позднее подхвачена и развита Маратом как обоснование его уголовно-правовой теории.

Уголовно-правовые взгляды Монтескье получили свое дальнейшее развитие и конкретизацию в трактате итальянского юриста Беккариа «О преступлениях и наказаниях»⁴.

В отличие от Монтескье, излагавшего свои уголовно-правовые взгляды попутно с освещением общих философских и политических проблем, он посвятил свою работу специально проблемам уголовного права. Хотя, казалось бы, освещение взглядов Беккариа выходит за пределы настоящей работы, посвященной уголовно-правовой теории Марата, однако это представляется совершенно необходимым по двум причинам. Во-первых, трактат Беккариа получил самое широкое распространение в дореволюционной Франции и оказал свое влияние на уголовно-правовые взгляды многих прогрессивных мыслителей той эпохи. Во-вторых, и это особенно важно для настоящей работы, при написании «Плана уголовного законодательства» Марат, несомненно, детально знакомился с трактатом Беккариа, воспринимая некоторые из его положений, отвергая другие и делая совершенно иные политические выводы из третьих. Кроме того, буржуазные фальсификаторы Марата немало потрудились над тем, чтобы доказать «неоригинальность» идей Марата и наличие якобы прямых заимствований у Беккариа в его «Плане».

Беккариа в своем трактате уделяет большое внимание критике и разоблачению феодального уголовного права, его жестокости и несправедливости. Он разоблачает варварские законы, мучительные наказания, пытки. Он критикует недостатки общественного устройства, которые способствуют росту преступности и обуславливают необходимость применения наказаний. Описывая историю уголовного права, Беккариа обрушивается на суеверия, на жадность и честолюбие царей, на коварство и тиранию аристократов, на церковнослужителей, обагряющих свои руки кровью.

В своем трактате Беккариа исходит из договорной теории: люди пожертвовали частью своей свободы для того, чтобы, живя в обществе, обеспечить себе спокойное существование. Но для того, чтобы эти условия существования не были у них похищены, необходимо издать справедливые законы, которые удержат от посягательств на права людей. Однако те законы, которые ныне существуют в обществе, по мнению Беккариа, не способны обеспечить общие интересы людей. Законы служат интересам незначительного меньшинства людей, в обществе царит неравенство между сословиями: «...большая часть законов — не что иное, как привилегии, т.е. подать, наложенная на всех в пользу немногих» (стр.395).

Беккариа всесторонне обосновывает принцип строгой законности; он выдвигает требование равенства всех людей перед законом и обеспечения необходимых гарантий личности. В этой связи он выступает противником предоставления суду права толкования законов. Суд должен руководствоваться буквой закона, и он не вправе карать за деяние, если оно прямо не предусмотрено законом. «По поводу каждого преступления судья должен построить правильное умозаключение. Большая посылка — общий закон, малая — деяние, противное или согласное с законом; заключение — свобода или наказание» (стр.208). Признавая некоторые практические неудобства от запрещения суду толковать законы, Беккариа видит в этом прочную гарантию законности. На этих же основаниях Беккариа выступает против предоставления государствам права помилования. Обращаясь к исследованию преступления, Беккариа определяет основной критерий, характеризующий преступление: истинным мерилом преступлений является вред, наносимый ими обществу. Развивая принципы общественной пользы, Беккариа полагает, что наказания за преступления должны соразмеряться с причиненным ими вредом обществу.

Беккариа придавал особое значение предупреждению преступлений, которое он видел в обеспечении целой системы мероприятий: ясные, простые и мудрые законы, равные для всех людей; хорошее воспитание людей; устранение нищеты и т.д. Беккариа не предлагал каких-либо коренных изменений общественного устройства. Правда, он вскользь называет право собственности «ужасным и, может быть, не необходимым правом», но эту мысль нигде более не развивает и не связывает с какими-либо положениями уголовного права.

Представляет интерес речь преступника-бедняка, которую Беккариа вводит в свой трактат для того, чтобы доказать жестокость и несправедливость действующих уголовных законов. Мы приводим большую выдержку, которая представляет еще и тот интерес, что Марат в своем

⁴ Беккариа, О преступлениях и наказаниях, русский перевод, М., 1939. См. также электронные тексты: История политических и правовых учений. 10. Политические и правовые учения немецкого и итальянского Просвещения XVII-XVIII вв. § 3. Правовая теория Ч.Беккариа (<http://feelsophy.narod.ru/leist/L103.HTM>); Л.Вениро. Чезаре Беккариа и Александр Радищев: о совершенствовании правовых основ общества (<http://magazines.russ.ru/vestnik/2006/17/ve17.html>).

«Плане» воспользовался этой формой — воображаемой речью преступника — для развития своих взглядов и пришел к выводам, значительно отличающим его понимание уголовного права.

«Что это за законы, которые я должен уважать и которые целой пропастью отделяют меня от богатого? Он отказывается подать мне грош, который я у него прошу, и оправдывает себя тем, что посыпает меня на работу, которой сам не знает. Кто создал эти законы? Сильные и богатые, которые никогда не удостоили своим посещением печальную хижину бедняка, которым никогда не приходилось делить кусок заплесневелого хлеба под крик ни в чем неповинных голодных детей и слезы жены. Порвем эти узы, гибельные для большинства и выгодные немногим праздным тиранам. Поразим несправедливость в самых ее корнях. Я возвращусь в состояние естественной независимости, буду жить свободным и счастливым, пользуясь плодами своей храбрости и ловкости. Наступит, быть может, день скорби и раскаяния, но это не будет долго продолжаться, и одним днем мучений я расплачусь за многие годы свободы и наслаждения. Став предводителем немногих, я исправлю ошибки судьбы, и тираны будут бледнеть и дрожать перед тем, кого они в оскорбительном высокомерии считали ниже своих лошадей, ниже своих собак» (стр.324 и сл.).

Разрабатывая систематизацию преступлений, Беккариа выделяет преступления, которые разрушают самое общество или вызывают гибель его представителя (государственные преступления), преступления, нарушающие личную безопасность граждан (посягательства на жизнь, имущество и честь), и преступления, посягающие на общественные блага. Признавая государственные преступления наиболее опасными, Беккариа предостерегает от распространения понятия «искорбление величества» на другие преступления, с этим ничего общего не имеющие.

В своей классификации преступлений Беккариа уделяет внимание вопросу о защите интересов необеспеченных слоев населения. «Одни преступления направлены против личности, другие против имущества. Первые должны непременно подлежать личным наказаниям: ни знатный, ни богатый не должны иметь права откупиться за преступления против слабых и бедных» (стр.280).

Представляют интерес предложения Беккариа относительно наказуемости кражи без насилия, то есть преступления, за совершение которого обычно привлекаются неимущие. Он считает, что это преступление в принципе должно было бы наказываться денежной пеней. Но так как совершитель кражи обычно не располагает средствами для уплаты пени, то лучше кражу наказывать таким образом, чтобы виновный своим трудом вознаградил за причиненный им ущерб. При изложении взглядов Марата мы увидим, что он более последовательно и более решительно подошел к вопросу о наказании за имущественные преступления.

Наиболее подробно освещает Беккариа вопрос о наказании. Идея предупреждения преступлений лежит в основе предложений Беккариа. Залогом осуществления этой задачи, по мнению Беккариа, является установление такого порядка, при котором просвещение будет идти рука об руку со свободой.

Наказание является бесцельным и несправедливым, когда закон не использовал для предупреждения преступлений наилучшие средства. Только тогда, когда государство осуществит все необходимые предупредительные меры, и некоторые люди все же будут продолжать совершение преступлений, можно будет признать справедливым и необходимым применение наказания. Солидаризируясь с Монтескье, Беккариа говорит: «Всякое наказание, не вытекающее из абсолютной необходимости, является, как говорит великий Монтескье, тираническим» (стр.200). Право наказания, как право суверена, основано на необходимости защищать интересы всего общества от посягательства со стороны отдельных лиц. Наказание будет тем справедливее, чем больше свободы и безопасности сохранит суверен за подданными.

Определяя цели наказания, Беккариа указывает, что эта цель должна состоять не в истреблении или мучении людей и не в том, чтобы сделать уже совершенное преступление как бы не существующим, а «в том, чтобы воспрепятствовать виновному вновь нанести вред обществу и удержать других от совершения того же» (стр.247). Беккариа рекомендует применять такие наказания, которые были бы соразмерны с преступлением, отвечали бы принципу гуманизма, но вместе с тем оказывали бы на преступника наибольшее воздействие.

Беккариа развивает мысль о том, чтобы ни одно ставшее известным преступление не миновало бы наказания. «Одно из самых действительных средств, сдерживающих преступления, заключается не в жестокости наказаний, а в их неизбежности и, следовательно, в бдительности властей и в той суровости неумолимого судьи, которая только тогда становится полезной добродетелью, когда он применяет краткие наказания. Уверенность в неизбежности хотя бы и умеренного наказания произведет всегда большее впечатление, чем страх перед другим, более жестоким, но сопровождаемым надеждой на безнаказанность» (стр.308—309).

В трактате Беккариа мысль о неотвратимости наказания сочетается с мыслью о быстроте наказания: «чем скорее следует наказание за преступлением, чем ближе к нему, тем оно справедливее, тем оно полезнее» (стр.281). Если наказание применяется вскоре после совершения преступления, то люди привыкают к тому, что наказание неотвратимо, и связь между преступлением и наказанием будет восприниматься их сознанием, — первое как причина, а второе

как его следствие.

Выше уже отмечалось, что соразмерность наказания тяжести совершенного преступления рассматривалась Беккариа как необходимая предпосылка осуществления законности. Если такой соразмерности нет, то допускающее это уголовное законодательство является тираническим.

По мнению Беккариа, наказание по возможности должно быть сходным с самой природой преступления. Для установления этой соразмерности Беккариа рекомендует разработать «лестницу» преступлений и наказаний, что позволит определить полную соразмерность между тяжестью преступления и тяжестью наказания.

Суммируя свои мысли о наказании, Беккариа формулирует «общую теорему, весьма полезную, но мало соответствующую общепринятой традиции»: «чтобы наказание не являлось насилием одного или многих над отдельным гражданином, оно должно непременно быть публичным, незамедлительным, необходимым, наименьшим из возможных при данных обстоятельствах, соразмерным преступлению, установленным в законах» (стр.411—412).

Беккариа останавливается на оценке отдельных видов наказаний. Особый интерес представляет его отношение к конфискации имущества и к смертной казни. Он высказывает за полную отмену конфискации и за ограничение применения смертной казни. Последнюю Беккариа допускает лишь в тех случаях, когда сохранение жизни преступнику «угрожает безопасности нации, и его существование может вызвать переворот, опасный для установленного образа правления». Не говоря прямо о революции, Беккариа допускает применение смертной казни, «когда нация возвращает или теряет свою свободу, или во время анархии, когда беспорядок заменяет законы». Беккариа подчеркивает, что не видит основания казнить преступника, «если только смерть его не будет действительным и единственным средством удержать других от совершения преступления».

Интересно отметить, что спустя четверть века, при обсуждении вопроса о предании суду Людовика XVI и присуждении его к смертной казни, многие депутаты Конвента используют аргументацию Беккариа о смертной казни.

Хотя Беккариа в своих политических и уголовно-правовых взглядах идет несколько дальше Монтескье, но и на его труде лежит печать того «духа умеренности», которая присуща труду Монтескье. Однако современники Беккариа иначе оценивали его труд, который, несомненно, посягал на самые устои феодального права. Они называли труд Беккариа крамольным и революционным. В силу этого Беккариа при переиздании своего труда всячески стремился подчеркнуть свою «благонадежность». Он говорил о «снисходительном и просвещенном правительстве, под властью которого живет автор», о том, что цель трактата — «не ослабить, а усилить законную власть», о том, что его напрасно изображают «неверующим или бунтовщиком», что он «публично засвидетельствовал свою религиозность и покорность моему суверену» (стр.184, 185, 191).

Высказывания Вольтера по вопросам уголовного права разбросаны в многочисленных произведениях его стотомного собрания сочинений. Не ставя в настоящей работе задачи всестороннего исследования уголовно-правовых взглядов Вольтера, остановимся на общей характеристике этих взглядов⁵.

Вольтер развивает, подробно комментирует взгляды на уголовное право, содержащиеся в труде Беккариа, посвящая этому свою специальную работу⁶. Он, однако, не только комментирует их, но и стремится провести в жизнь новые взгляды на уголовное право.

Так, он составляет небольшой трактат, посвященный принципам, которым должен быть подчинен проект уголовного кодекса⁷. Опираясь на эти принципы, он ведет многолетнюю борьбу с феодальным правосудием, защищая несправедливо осужденных — жертв феодального изуверства. Помимо этого, Вольтер в целом ряде своих философских, юридических и исторических работ разоблачает жестокость и тираничность феодального и дофеодального уголовного права и суда.

«С какой стороны ни взглянешь, — пишет Вольтер, — всюду противоречия, жестокость, неопределенность, произвол; наконец, продажность судебных должностей — это позор, которым заклеймена во всем мире одна Франция, и который она всегда жаждала смыть с себя»⁸. В этой связи Вольтер говорит о сотнях тысяч и миллионах жертв инквизиции, о массе преступлений, остающихся безнаказанными, о мелких проступках, караемых смертной казнью, об ужасах пыток, о чудовищном произволе, чинимом в судах. Изучая уголовные законы Англии, Франции, Испании, Германии, Вольтер приводит многочисленные примеры бессмысленной кровожадности законов, карающих смертью за кражу вещи стоимостью в несколько копеек.

⁵ См. Н.Н.Полянский, Вольтер — борец за правосудие и за реформу права, сборник «Вольтер», М., 1948. Ссылки на электронные материалы о Вольтере: <http://vive-liberta.narod.ru/ref/ref2.htm#V>.

⁶ Вольтер, Комментарий к книге «О преступлениях и наказаниях» (1776 г.).

⁷ Вольтер, «Награда за справедливость и гуманность», (1777 г.).

⁸ Вольтер, Избранные страницы, СПб., 1914, стр.156.

Вольтер требует создания разумных и гуманных законов. «Если вы хотите иметь хорошие законы, сожгите старые и создайте новые» (стр.72). Новые законы будут основаны на разуме, на гуманизме, на просвещении. Они смягчат нравы, обычай, точно определят компетенцию суда, направят его деятельность по пути справедливости. Говоря о «мече правосудия», Вольтер отмечает: «Когда он поражает невинного, получается юридическое убийство, ужаснейшее из всех убийств. Когда он предает смерти за проступок, который у других народов влечет за собой более легкую кару, он жесток и неполитичен. Хорошее правительство должно извлекать из наказания пользу. Разумно заставлять преступников работать для государства; смерть же их приносит пользу только палачам» (стр.152).

Вольтер отдает себе отчет в трудностях составления хорошего уголовного законодательства. Для этого, по его мнению, необходимо выяснить общие принципы разумного уголовного законодательства, исследовать природу преступления и природу наказания.

По мнению Вольтера, преступление не может быть связано с какими-либо природными свойствами человека, так как человек по своей природе не является ни злым, ни добрым. Преступление обусловлено сочетанием различных внешних обстоятельств — воспитанием, примерами других, политикой правительства или случаем. Само же понятие преступления основывается на критерии вреда, причиняемого обществу; этот критерий не одинаков во всех государствах, а, наоборот, различается весьма существенно. Развивая мысль об относительности понятия преступления, Вольтер указывает, что «то, что называется добродетелью в одном климате, нередко будет называться пороком в другом, и хотя большинство правил добра и зла так же различно, как язык и одежда, — мне все-таки кажется, что существуют естественные законы, которым люди обязаны повиноваться во всех концах вселенной, хотя бы и помимо своей воли» (стр.80).

Введение мудрых, основанных на разуме законов обеспечит, по мнению Вольтера, действенную борьбу с преступлениями. Люди поймут в конечном счете, что если кто-либо встанет на путь преступления, то он неизбежно будет наказан «какою-нибудь из кар, мудро придуманных людьми против врагов общества, либо одним страхом наказания, что уже само по себе является достаточно жесткой пыткой» (стр.84).

Определяя принципы разумного и гуманного законодательства, Вольтер на первое место выдвигает задачу предупреждения преступления. Карателным законам должны предшествовать законы предупредительные. Эти мысли Вольтер иллюстрирует примером с кражей. «Начнем с кражи, наиболее обычного из правонарушений. Так как мошенничество, кража, воровство являются обыкновенно преступлениями бедняков, и так как законы создаются богатыми, то не кажется ли вам, что все правительства, состоящие из богатых, должны начать с уничтожения нищеты, вместо того, чтобы выискивать случаи предавать ее в руки палачей? Во многих цветущих государствах издавались законы, указы, постановления, имеющие целью превратить это ужасное множество отщепенцев, позорящих человеческую природу, в людей, полезных самим себе и государству. Но от издания закона до его осуществления так далеко, что самый мудрый закон оказывался самым бесполезным. Поэтому все эти великие государства попрежнему остаются рассадниками всякого рода воров» (стр.108—109).

Наказание, по мнению Вольтера, должно быть не только справедливым и гуманным, но и целесообразным. Опираясь на принцип общественной пользы, Вольтер рекомендует так организовать наказание, чтобы преступник, причинивший вред обществу, возместил этот вред своим общественно-полезным трудом. Высказываясь в общем против применения смертной казни, Вольтер считает, что вместо нее виновный должен быть присужден к тяжким общественным работам: «...несомненно, поэтому, что человек, вся жизнь которого направлена на то, чтобы плотинами предохранить страну от наводнения, или рыть каналы, облегчающие торговлю, или просушивать зараженные болота, — оказывает государству больше услуг, чем скелет, болтающийся у столба на железной цепи или раздробленный в куски на колесе» (стр.113).

Мы не приводим здесь других высказываний Вольтера, подкрепляющих, комментирующих или развивающих положения, сформулированные Монтескье и Беккариа и приведенные нами выше. Ниже в сноске приводится структура работы Вольтера, написанной им в 1777 году в качестве программы для составления проекта уголовного кодекса, в связи с объявлением бернским экономическим обществом конкурса на написание такого проекта. Далее будет подробно освещено участие в этом конкурсе Марата, который написал в связи с ним свой основной труд по уголовному праву — «План уголовного законодательства».

Вольтер озаглавил свою работу «Награда за справедливость и гуманность». Эта работа Вольтера тесно связана с другой его работой — «Комментарий к книге «О преступлениях и наказаниях» и объединена с ней единством руководящих принципов⁹.

⁹ Структура этой работы Вольтера такова: 1. О преступлениях и о соразмерных наказаниях. 2. О краже. 3. Об убийстве. 4. О дуэли 5. О самоубийстве. 6. О материах-детоубийцах. 7. О множестве других преступлений. 8. Об ереси. 9. О колдунах. 10. О святотатстве. 11. Об уголовных делах, о схоластических спорах. 12. О

* * *

На формирование прогрессивных уголовно-правовых теорий в предреволюционную эпоху несомненное влияние оказали французские философы-материалисты XVIII века, в особенности Гельвеций, Гольбах и Дидро, в произведениях которых проблема преступления и наказания была очень широко освещена.

При изучении их уголовно-правовых взглядов следует исходить из данной классиками марксизма общей характеристики французского материализма XVIII века. Французский материализм, указывал Ф.Энгельс, был тесно связан с английским материализмом. Первоначально он оставался аристократическим учением, однако вскоре проявился его революционный характер. Французские материалисты подвергли острой критике все стороны общественной жизни. «...Во время великой революции это учение, рожденное на свет английскими роялистами, доставило французским республиканцам и террористам теоретические знамя и дало текст для «Декларации прав человека»¹⁰. Однако должна быть отмечена историческая ограниченность французского материализма XVIII века, которая проявлялась в буржуазном характере политических требований философов и в механистическом характере их учения. Сами они, как указывал Ленин, были материалистами «снизу» и идеалистами «сверху» и в объяснении явлений общественной жизни стояли на идеалистических позициях.

В то же время, как это указывается в трудах классиков марксизма, одно из направлений французского материализма непосредственно ведет к социалистическим и коммунистическим взглядам. Классики марксизма подчеркнули и важный тезис французских материалистов XVIII века, характеризующий их отношение к проблеме преступления: «Если человек несвободен в материалистическом смысле, т.е. если он свободен не вследствие отрицательной силы избегать того или другого, а вследствие положительной силы проявлять свою истинную индивидуальность, то должно не наказывать преступления отдельных лиц, а уничтожить антисоциальные источники преступления и предоставить каждому необходимый общественный простор для его существенных жизненных проявлений»¹¹.

Гельвеций, Гольбах и Дидро в своих произведениях довольно подробно останавливаются на вопросах уголовного права, рассматривая их в связи с критикой основ существующего строя, в связи с выяснением недостатков и пороков общества и причин, их обуславливающих, в связи с определением принципов рационального законодательства. Критическая сторона уголовно-правовых взглядов Гельвеция, Гольбаха и Дидро значительно сильнее их положительных предложений в области реформы уголовного законодательства.

Характеризуя уголовно-правовые взгляды Гельвеция, необходимо использовать два его произведения: «Об уме»¹², издданное в 1758 году, и «О человеке, его умственных способностях и его воспитании»¹³, опубликованное в 1773 году.

Гельвеций исходит из предпосылки, что люди по своей природе не являются ни дурными, ни хорошими. Им свойственно стремление к счастью, и когда это стремление встречает те или иные препятствия, люди пытаются их преодолеть. Обстоятельства делают людей хорошими или дурными, добродетельными или преступными. Таким образом, человеческие пороки и преступления обусловлены не прирожденными свойствами людей, а несовершенством законов, существующих в обществе, и царящим в обществе невежеством.

Дурные, несовершенные законы присущи деспотизму; они поощряют пороки и не наказывают подлинные преступления. Хорошие, разумные законы должны быть основаны на руководящем принципе общественной пользы. Если в обществе действуют законы, лишенные этого качества, то каждый человек может возвратиться к своим первоначальным правам и не соблюдать законы, вредящие ему.

Провозглашая принцип законности, Гельвеций указывает, что сами законы подвергаются существенным изменениям в зависимости от изменения интересов государства, но в основе законов всегда должен лежать принцип общественной пользы, основанный на глубоком знании природы. Также изменчивым является и понятие преступления, ибо в его основе лежит критерий общественной пользы, на которую посягает преступник. Говоря об изменчивости понятия преступления, Гельвеций отмечает, что «нет преступления, которое не возводилось бы в разряд достойных поступков обществами, которым это преступление было полезно, как нет и полезного для людей поступка, который не был бы осужден каким-либо отдельным обществом, которому этот поступок был невыгоден»¹⁴.

¹⁰ К.Маркс и Ф.Энгельс, Избранные произведения, т.II, 1948, стр.97.

¹¹ К.Маркс и Ф.Энгельс, Соч., т.III, стр.160.

¹² Гельвеций, Об уме, русский перевод, 1938.

¹³ Гельвеций, О человеке, русский перевод, 1938.

¹⁴ Гельвеций, Об уме, русский перевод, стр.33.

Гельвеций различает два вида преступлений: одни являются преступными при любой форме правления, а другие признаются преступными лишь при известных условиях. Он уделяет большое внимание выяснению причин преступности. Большинство преступлений порождается человеческими страстями, неудовлетворенностью человеческих потребностей. Неравномерность распределения национального богатства, чрезмерное увеличение числа людей, лишенных всякой собственности, обостряют человеческие страсти и вызывают стремление удовлетворить потребности любым путем, хотя бы и запрещенным законом. Таковы последствия неправильной организации общества, «когда нация разделяется на два класса, из которых один утопает в излишествах, а другой нуждается в необходимом» (стр.14). Рассматривая преступление как явление общественной жизни, как явление, причинно обусловленное, Гельвеций указывает, что одни и те причины всегда приводят к одним и тем же последствиям. Видя, что «народ уже разделен на угнетателей и угнетаемых, на воров и обворовываемых», Гельвеций показывает, какие гибельные для общества последствия заложены в существовании людей, не обеспеченных необходимыми средствами существования, лишенных всякой собственности. Для того, чтобы предотвратить эти последствия, Гельвеций рекомендует «уменьшить богатства одних, увеличить состояние других, сделать бедняка настолько зажиточным, чтобы он мог путем 7 или 8 часов труда с избытком удовлетворять свои потребности и потребности своей семьи»¹⁵.

Обосновывая эту мысль, Гельвеций подробно освещает связь преступления с отсутствием у большой массы людей собственности.

В своих произведениях Гельвеций останавливается не только на характеристике преступлений, совершаемых неимущими, но и на преступлениях привилегированных сословий. Он уделяет большое внимание освещению преступлений, совершаемых духовенством. «Нет такой лжи, таких хитростей, обманов, злоупотребления доверием, наконец, низких и подлых средств, к которым не прибегали бы для своего обогащения попы» (стр.46). Гельвеций говорит о том, что воровство, убийство, отравление, отцеубийство — преступления, которые одобряются церковью. Он отмечает, что церковь ворует наследства, и воры объявляются ею святыми. Разоблачая безнаказанность всех этих преступлений церкви, особо выделяя тяжкие преступления инквизиции, Гельвеций наглядно показывает неспособность церкви и религии удерживать людей от совершения преступлений. Гельвеций приходит к категорическому выводу о том, что уголовное законодательство должно быть очищено от так называемых религиозных преступлений. «Пусть предоставят Богу заботу мстить за себя и оставят ему наказание еретиков; пусть земля перестанет присваивать себе право судить за оскорблении, нанесенные небу, принцип терпимости станет, наконец, принципом общественного воспитания» (стр.391).

Большое внимание Гельвеций уделяет преступлениям, совершаемым государствами с их чисто тиранической политикой. «За какое преступление особенно сурово наказывают в некоторых странах? За то, что осмеливаются противоречить власти. Какое злодеяние заставило ввести во Франции восточную пытку железной клеткой? Какого несчастного заключили в нее? Трусливого ли и беспаланного военачальника, который плохо руководил осадой, плохо защищал крепость, который вследствие своей неспособности, зависти или измены допустил, чтобы враг опустошил области, которые он мог защищать? Министра ли, который наложил на народ непосильные налоги и издавал законы, пагубные для общественного благополучия? Нет: несчастным, осужденным на эту пытку был один голландский газетчик, который, критикуя, может быть, слишком резко планы некоторых французских министров, вызвал насмешки над ними всей Европы. Кого гноят в испанских и итальянских темницах? Судью ли, губернатора ли, злоупотребляющего, торгующего своей властью? Нет: книгоношу, продающего ради куска хлеба несколько книг, в которых высказывается сомнение насчет смирения и бедности духовенства. Кого в некоторых странах называют дурным гражданином? Мошенника ли, растратчика, обкрадывающего государственную казну? Такие преступления остаются почти всегда безнаказанными и повсюду находят покровителей. Дурным гражданином считается лишь тот, кто в песенке или в эпиграмме посмеялся над плутнями или над легкомыслием какой-нибудь важной персоны» (стр.166—167).

Наказание, основанное на рациональном законодательстве, должно быть, по мнению Гельвеция, строго индивидуальным и вместе с тем неотвратимым: надежда на безнаказанность увеличивает число преступлений, а уверенность в неизбежности наказания поддерживает в государствеенный порядок. Для успешной борьбы с преступлениями Гельвеций считает необходимым так организовать наказание, чтобы «выгода, извлекаемая злодеем из преступления, была совершенно несоразмерна тому страданию, которое ему за это грозит»¹⁶. Это необычное для мыслителей XVIII века положение Гельвеций подробно аргументирует.

¹⁵ Гельвеций, О человеке, русский перевод, стр.305.

¹⁶ Гельвеций, Об уме, русский перевод, стр.214.

По мнению Гельвеция, воры и убийцы реже встречаются среди богатых людей, чем среди бедных, потому что выгода от этих преступлений для богатого никогда не бывает соразмерна риску наказания, в то время как у бедного эта несоразмерность гораздо меньшая. Однако Гельвеций тут же оговаривается, что он не является сторонником устрашительной системы наказания, ибо «страх глушит пороки, но не родит добродетель».¹⁷

Мягкость или суровость наказаний Гельвеций связывает с институтом собственности. Если у всех людей имеется собственность, то таким народом можно управлять при помощи мягких законов. «Иное дело, если большинство народа составляют несобственники. Ими можно управлять лишь при помощи суровых законов. Если человек беден, если его нельзя наказать, наложив пени на его имущество, то остается наказать его, как личность: отсюда источник телесных наказаний. Эти наказания, налагавшиеся сначала на бедняков, с течением времени распространяются и на собственников. И тогда все граждане начинают подчиняться кровавым законам. Все способствует их установлению»¹⁷.

Положив в основу своих уголовно-правовых взглядов идею защиты института собственности, Гельвеций подробно развивает эту мысль. Люди объединились для того, чтобы обеспечить свою собственность, справедливость и мир. Из этих соглашений вытекают «наказания, направленные против тех, кто нарушает их, т.е. против воров, убийц, фанатиков и тиранов. Если отменить эти наказания, то всякое соглашение между людьми потеряет силу» (стр.414). Говоря о видах наказаний, Гельвеций проводит различие между странами свободными и несвободными, хорошо и дурно управляемыми. В свободных и хорошо управляемых странах основным видом наказания может быть общественное презрение. «Его достаточно, чтобы заставить сильных мира выполнять свой долг. Страх презрения делает их справедливыми, деятельными, трудолюбивыми» (стр.415).

Иначе обстоит дело в странах несвободных и дурно управляемых — здесь порядок поддерживается путем применения суровых и устрашительных наказаний.

Для характеристики уголовно-правовых взглядов Гольбаха мы используем его труд «Система природы, или о законах мира физического и мира духовного», опубликованный в 1770 году¹⁸.

Гольбах считает, что природа не создает человека ни добрым, ни злым; человеческие страсти являются результатом строения человека, его органов и его темперамента. Эти страсти естественны, и они могут быть хорошими или плохими в зависимости от того, как они влияют на людей. Разумное воспитание, справедливые законы, просвещение являются наилучшими средствами отвратить человека от пороков и преступлений: человек будет тогда добродетельным, когда он найдет в добродетели интерес. Но, как отмечает Гольбах, современное общество устроено таким образом, что все в нем толкает людей на пороки и преступления, — религия, руководители общества, правосудие, законы, — все они нисколько не поощряют людей к добродетели. В основе всех извращений, недостатков, нелепостей общественного устройства лежит заблуждение, которое явилось причиной рабства, религии, религиозной исключительности, тирании. Гольбах отмечает условный, относительный характер оценки человеческих поступков: «существуют страны, в которых похвальнейшие поступки кажутся дурными и смешными и где, наоборот, гнуснейшие поступки кажутся правильными и разумными» (стр.92).

Развивая механистические взгляды на причинность и обращаясь к преступлению и преступнику, Гольбах считает преступление явлением закономерным, причинно обусловленным, а преступника — человеком, лишенным свободной воли. Всякий человеческий поступок, по мнению Гольбаха, является несвободным, обусловленным темпераментом, предвзятыми идеями и понятиями, воспитанием, общественными причинами. «На земле наблюдается столько преступлений лишь потому, что все способствует тому, чтобы сделать людей преступными и порочными; их религиозные верования, их правительства, их воспитание, наблюдаемые ими примеры — все это толкает их непреодолимо ко злу» (стр.120). Гольбах отмечает бессмысленную жестокость и пристрастность законов по отношению к людям непривилегированных сословий. «Общество карает людей низкого происхождения за проступки, которые оно терпит у знатных людей, и, пренебрегая справедливостью, приговаривает нередко к смертной казни тех, кого сделали преступниками господствующие в этом обществе предрассудки» (стр.121).

С большой наглядностью Гольбах раскрывает влияние на людей религии, власти, законов, воспитания. «Религия делает их гнусными и трусливыми существами или же готовит из них жестоких, бесчеловечных, нетерпимых фанатиков. Верховная власть угнетает их и заставляет их пресмыкаться и погрязать в пороках. Закон наказывает лишь мелкие преступления и не может справиться с злоупотреблениями, порождаемыми самим правительством. Наконец, воспитание, находящееся в полном загоне, отдано в руки или обманщиков-попов или же безнравственных и непросвещенных родителей, передающих своим воспитанникам терзающие их самих пороки и ложные взгляды, которые для них выгодно внушить им» (стр.129).

¹⁷ Гельвеций, О человеке, русский перевод, стр.251.

¹⁸ Гольбах, Система природы, русский перевод, 1940.

Гольбах разоблачает пороки и преступления государей, образ правления которых характеризуется несправедливостью, развращенностью, тиранией, алчностью, безразличием к нуждам и интересам простых людей, систематическим их угнетением. Такой образ правления приводит к массе преступлений, совершаемых государствами, их придворными, высшими сослуживцами. Государи создают несправедливые, тиранические уголовные законы, в которых наказание вовсе не соответствует преступлению, которые безжалостно расправляются с неимущими и оставляют безнаказанными многочисленные преступления, совершаемые «сильными мира сего». Эти законы карают людей за преступления, совершение которых обусловлено дурной организацией общества.

Большое внимание уделил Гольбах разоблачению преступлений, совершаемых духовенством. Он показывает бессилие религии удержать людей от совершения преступлений и ярко рисует картину преступлений, совершаемых земными носителями религии. Гольбах раскрывает ложность понятий так называемых религиозных преступлений. «Неопределенные, лишенные смысла слова, вроде безбожие, кощунство, ересь, богохульство и т.д. (слова, связанные, очевидно, с вещами, представляющими интерес для одних лишь жрецов), внесли в умы большую тревогу, чем реальные и действительно важные с общественной точки зрения преступления. Так, мировоззрение народов было перевернуто вверх дном: воображаемые преступления стали страшить их гораздо более, чем настоящие злодеяния. К человеку, придерживавшемуся иных религиозных взглядов и теорий, чем жрецы, стали относиться с большим ужасом, чем к убийце, тирану, деспоту, вору, обольстителю, соблазнителю. Величайшим преступлением оказалось презрение к тому, на что жрецы указывали, как на священные вещи. Гражданские законы только усилили эту путаницу в умах; они установили тяжкие кары за фантастические, сочиненные воображением преступления: сжигали еретиков, богохульников, неверующих; но зато не было установлено наказаний против соблазнителей невинности, против прелюбодеев, мошенников, клеветников» (стр.354).

Гольбах рассматривает существующие уголовные законы как яркое выражение дурной организации общества. Эти законы карают за преступления, совершение которых обусловлено «дурными учреждениями». Общество не воспитывает граждан; религия проповедует непонятные учения; люди не имеют возможности удовлетворить свои естественные потребности. Поэтому человек «мстит за свою бедность кражами, разбоями, убийствами; рискуя жизнью, он старается удовлетворить свои реальные нужды или же воображаемые потребности, которые все, словно нарочно, пробуждает у него. Воспитание, которого у него нет, не приучило его сдерживать порывов своего темперамента; не имея представлений о пристойном поведении, не обладая принципами чести, он решается вредить обществу, являющемуся для него лишь мачехой; увлеченный своей страстью, он даже не замечает подстерегающей его виселицы; его страсти стали слишком сильными, укоренившиеся привычки не могут уже измениться, лень усыпляет его, отчасти ослепляет его, он бежит навстречу смерти, а общество сурово наказывает его за фатальные и необходимые наклонности, которые оно породило в нем или которые оно во всяком случае не выкорчевало и не преследовало при помощи мотивов, наиболее способных дать его сердцу правильное направление» (стр.138).

Рассматривая преступление как явление, причинно обусловленное и вытекающее из дурной организации общества, Гольбах вместе с тем раскрывает и причинно обусловленную необходимость наказывать преступников, посягающих на интересы общества. Но, говоря о праве общества наказывать преступников, Гольбах выдвигает очень важное положение: нельзя наказывать человека, которого само общество лишило средств существования, воспитания, образования. Общество обязано обеспечить своим членам необходимые условия существования. Только после этого оно будет вправе наказывать людей, которые, невзирая на возможность законного удовлетворения своих потребностей, предпочитают идти по пути преступления. Общество обязано обеспечить своим членам свободу, собственность и безопасность. Когда эти три основных условия будут обеспечены, преступления не станут столь распространенными, и не понадобятся столь суровые наказания, которые ныне применяются к многочисленным преступникам.

Дидро явился третьим французским философом-материалистом XVIII века, оказавшим серьезное влияние на развитие прогрессивных уголовно-правовых теорий XVIII века.

В статьях, помещенных в «Энциклопедии», Дидро касается ряда общих вопросов уголовного права.

В статье «Естественный закон» («Энциклопедия», т.IX) Дидро выясняет причины, толкающие человека на совершение преступления. Он не отрицает того, что в обществе есть люди, испорченные плохим воспитанием и свыкшиеся с пороком. Эти люди легко идут на совершение преступления. Однако, утверждает Дидро, «нет человека, настолько дурного и падшего, который, будучи уверенным в своей безнаказанности, без малейшего угрызения совести смело совершил бы убийство и не предпочел бы, если бы это зависело от его выбора, получить себе добро иным

путем, нежели преступление»¹⁹. Человек совершает преступления только тогда, когда он не может удовлетворить свои потребности иным путем.

Дидро уделяет внимание разоблачению преступлений тиранов и духовенства.

В статье «Тиран» («Энциклопедия», т.XVI) Дидро называет тирана самым пагубным бичом человечества. Он рисует пороки, присущие тиранам, говорит об их самовластии, жестокости, насилии, жадности, распущенности, творимом ими беззаконии. Он показывает, как пороки, присущие тиранам, распространяются на их приближенных, вместе с которыми они угнетают несчастный народ.

В статье «Священники» («Энциклопедия», т.XIII) Дидро ярко рисует преступления, совершаемые священнослужителями во имя религии. Он пишет: «Чтобы прочнее обосновать свою власть, они изображали богов свирепыми, мстительными, неумолимыми; они ввели церемонии, посвящения, таинства, жестокость которых воспитала в людях меланхолию, столь благоприятную для господства фанатизма. И тогда еще более широкими потоками полилась человеческая кровь по алтарям. Народы, порабощенные страхом и одурманенные суеверием, не жалели ничего для оплаты благосклонности небес. Матери, не проронив слезы, ввергали своих нежных детей в пожирающее пламя; тысячи людей пали под ножом жреца. Люди покорились множеству обязанностей, бессмысленных для них и возмутительных, но полезных для священников; самые нелепые суеверия стали распространяться и укреплять их власть»²⁰.

В большой статье, озаглавленной «Законодатель» («Энциклопедия», т.IX), Дидро останавливается и на принципах уголовного законодательства.

Дидро исходит из договорной теории: «Люди, соединяясь в общество, ищут более счастливого состояния, нежели естественное состояние, которое имеет два преимущества — свободу и равенство и два недостатка — опасность насилия и беспомощность их как в насущных заботах, так и в трудных положениях. Во избежание этих неудобств люди согласились пожертвовать некоторой долей своего равенства и свободы; и законодатель исполняет свою функцию, когда он, насколько возможно меньше умалив равенство и свободу людей, доставляет им насколько возможно больше спокойствия и счастья»²¹.

В руках законодателя находится сильное средство для руководства человеческим поведением — это наказания и награды. Первые должны налагаться только именем закона органами правосудия, а вторые — по усмотрению законодателей.

Характер уголовного законодательства, степень суворости наказаний должны, по мнению Дидро, вытекать из образа правления в государстве. Это положение Дидро иллюстрирует рядом примеров.

«В стране, где конституция государства привлекает граждан к участию в управлении, где воспитание и управление запечатлели в людях принципы чести и патриотические чувства, достаточно подвергнуть виновного самому легкому наказанию: пусть оно лишь покажет, что наказуемый совершил проступок; укоризненные взгляды сограждан усилият его наказание»²².

Дидро, развивая эти положения, указывает, что в государствах с республиканским правлением наказания должны быть мягкими, так как в таких государствах граждане не уклоняются от исполнения законов. В государствах же с монархическим образом правления наказания должны быть более суровыми, «ибо законодатель должен внушить любовь к своему милосердию, прощая вопреки закону»²³.

Законодатель располагает очень широкими возможностями в определении меры наказания, применяемого за различного рода преступления и проступки. «Законодатель властен применять самые суворые наказания за пороки, наиболее опасные для его нации; он может заставить рассматривать, как наказания, даже и реальные преимущества, при условии, однако, чтобы желания нации не устремлялись на них; он может даже заставить смотреть, как на подлинное наказание, на то, что в других странах могло бы служить наградой. В Спарте за известные проступки гражданину не позволялось оказывать помощь своей жене. У перуанцев гражданин, которому воспрещалось работать на общественном поле, был несчастнейшим человеком; при прекрасных законодательствах человек подвергался наказанию, когда его предоставляли личным интересам и духу собственности. Нации бывают унижены, когда муки или отчуждение имущества являются обычными наказаниями: это значит, что законодатель вынужден карать за то, за что народ уже не стал бы карать»²⁴.

¹⁹ Дидро, Соч., т.VII, стр.207.

²⁰ Дидро, Соч., т.VII, стр.271

²¹ Там же, стр.242.

²² Там же, стр.254—255.

²³ Там же, стр.255.

²⁴ Дидро, Соч., т.VII, стр.255.

В «Добавлении к «Путешествию» Бугенвилля» Дидро касается в очень широком плане целого ряда вопросов уголовного права. Противопоставляя культуру и общественные отношения европейцев и таитян, Дидро вкладывает в уста одного старика-таитянина слова разоблачения порочности и преступности того образа жизни, которые европейцы насаждают у таитян. Он говорит о том, как неизвестное таитянам понятие собственности породило у них пороки, преступления, дурные страсти, заблуждения. В диалоге священника и одного таитянина Дидро резко критикует те законы, которые европейцы пытались насаждать у таитян. Таитянин Ору говорит: «Я нахожу, что эти странные предписания противоречат природе и разуму. Они созданы только для того, чтобы увеличить число преступлений и постоянно сердить старого работника (то есть бога. — А.Г.), который сделал все без рук, без головы и без орудий; который находится повсюду и которого нельзя нигде видеть; который существует сегодня и завтра и который не становится старше ни на один день; который отдает приказания и которому не повинуются; который может помешать совершению известных поступков и, однако, не мешает этому. Они противоречат природе, ибо они не допускают, что мыслящее, чувствующее и свободное существо может быть собственностью другого, подобного ему существа»²⁵. Он разоблачает лживость и лицемерие слов и дел судей и священников, которые вместе с богом тиранят людей. «Сегодня какой-нибудь из трех твоих господ сказал бы тебе: убей, и ты обязан был бы по совести убить; завтра: укради, и ты вынужден был бы украсть»²⁶. Все эти ложные законы способны лишь развратить людей: «Страхом, наказаниями и угрызениями совести ты только умножишь число преступников и несчастных; ты растишь совесть людей; ты развертишь их умы; они не будут знать, что им делать и чего не делать»²⁷.

В этом же произведении Дидро приводит историю девицы Полли Беккер, преданной суду в Коннектикуте, близ Бостона, за рождение ею в пятый раз ребенка вне брака. Дидро вкладывает в ее уста следующие слова защитительной речи: «Оsmелюсь сказать, что закон, осуждающий меня, в одно и то же время и несправедлив сам по себе и слишком суров по отношению ко мне... Разве это преступление — увеличивать число подданных его величества в малонаселенной стране?.. Мне ответят, что я преступила законы религии; если я грешила против бога, предоставьте ему самому позаботиться о моем наказании. Вы уже отлучили меня от церкви, разве этого недостаточно? Зачем вы мучаете меня плетьью и денежными взысканиями вдобавок к тем мучениям, которые, вы думаете, ждут меня на том свете? Простите, господа, эти рассуждения, я не богослов, но мне трудно поверить, что можно считать преступлением то, что я родила прекрасных детей, которые верят в бога, давшего им бессмертную душу»²⁸.

Полли Беккер в своей защитительной речи разоблачает несправедливость, лживость, лицемерие законов, которые карают обольщенную девушку и оставляют безнаказанными ее обольстителей: «Виновник моих заблуждений, мой соблазнитель пользуется властью и почетом благодаря правительству, которое в то же время наказывает меня за мои несчастья плетьью и позором»²⁹.

Дидро написал «Замечания на Наказ ее императорского величества депутатам Комиссии по составлению законов». Эта работа, написанная в 1774 году, впервые была опубликована в полном объеме в XX веке. В этих «Замечаниях» Дидро рассматривает основные вопросы, затронутые в екатерининском «Наказе».

Не ставя своей целью всесторонний анализ этого произведения Дидро, остановимся лишь на некоторых, наиболее важных вопросах уголовного права, рассмотренных автором.

В этих «Замечаниях» Дидро довольно резко и откровенно критикует «Наказ» Екатерины, на что он, несомненно, не решился бы, если бы писал этот труд, предполагая, что он попадет в ее руки. Он критикует «Наказ» за то, что в нем ничего не сказано о способах проведения в жизнь просветительных идей, о реальных гарантиях личности, об обеспечении действительной свободы и равенства людей. Дидро отмечает, что в «Наказе» он видит «деспота, отрекшегося на словах, но деспотизм по существу остался, хотя он и именуется монархией»³⁰. Он указывает, что лучшим средством борьбы с восстаниями крепостных явилась бы отмена самого крепостного права, между тем в «Наказе» нет ни одного постановления, которое предусматривало бы освобождение крестьян и предоставление им собственности.

В своих уголовно-правовых предложениях Дидро, в целом разделяя идеи, сформулированные в «Наказе» по этому кругу вопросов, ибо это были, хотя и искаженные, но все же близкие ему самому идеи Монтескье, Беккариа, Вольтера, вносит ряд корректировок.

²⁵ Дидро, Соч., т.II, стр.53.

²⁶ Там же, стр.65.

²⁷ Дидро, Соч., т.II, стр.55—56.

²⁸ Там же, стр.62—63.

²⁹ Там же, стр.63.

³⁰ Дидро, Соч., т.X, стр.510.

Характеризуя способы предупреждения преступлений, Дидро перечисляет следующие из них:

- «1) не создавать мнимых преступлений;
- 2) делать людей счастливыми;
- 3) просвещать их относительно их интересов;
- 4) бороться с леностью;
- 5) умерять строгость уголовных законов;
- 6) присуждать преступника к исправлению того вреда, который он причинил обществу своим преступлением»³¹.

Дидро дает общую оценку различных видов наказаний. Он считает, что позорящие наказания должны быть редкими, а денежные наказания, наоборот, должны применяться чаще всего. «Наказания смертью должны быть немногочисленны: из того, что один человек убит, еще не следует, что нужно убивать другого; убийца, когда он казнен, уже ни к чему не годен, а между тем имеется много общественных работ, к которым он мог бы быть приговорен»³². Здесь мы видим почти дословное приведение известного положения Вольтера о нецелесообразности применения смертной казни. Следует отметить, что Дидро — в меньшей степени противник смертной казни, нежели Беккариа, о чём он сам и говорит. Не оспаривая гуманного характера трактата Беккарии, Дидро не видит в смертной казни столь большого зла, как об этом говорил автор книги «О преступлениях и наказаниях». Но Дидро возражает против особо мучительных способов смертной казни.

Дидро резко отрицательно относится к конфискации как мере наказания, ибо она причиняет страдания ни в чем неповинным членам семьи наказанного. Конфискацию можно применить лишь тогда, когда виновный является совершенно одиноким человеком.

В своих воззрениях на применение наказания Дидро несколько отличается от своих современников. Он является сторонником индивидуализации наказания в рамках, предусмотренных законом. Он, кроме того, считает необходимым, чтобы закон содержал несколько «тайных статей», которые позволяли бы судье смягчать наказания. «Я предпочел бы тайное несоблюдение закона публичному обнародованию помилования. Публичное оглашение помилования стоит в формальном противоречии с целью наказания. Помилование всегда делает человека стоящим выше закона, между тем он во всех случаях должен был бы стоять ниже закона»³³. В этой же связи Дидро говорит о неприменении наказания к тем, кто после совершения преступления в течение длительного времени ведет безупречный образ жизни.

Дидро уделил большое внимание вопросу относительно соразмерности наказания и тяжести преступления. «Соотношение между преступлением и наказанием должно изменяться в силу самих условий жизни, так как в зависимости от них изменяется и природа преступления»³⁴. Дидро различает преступления, посягающие на общество, и преступления, посягающие на отдельных лиц.

Во всех случаях необходимо, по его мнению, «учитывать различные обстоятельства и мотивы, а также характер человека». Соразмеряя наказание с преступлением, необходимо вместе с тем учитывать смягчающие и отягчающие обстоятельства: «...одна и та же вина влечет различные наказания, в зависимости от места, границ, обстоятельств, нравов, характера, системы правления»³⁵.

Дидро особо останавливается на вопросе о том, как же соразмерить наказания с преступлениями? «Произвольно установленным является лишь первое наказание; далее оно определяет собою все остальные, и если уголовный кодекс составлен хорошо, то при совершении одного какого-либо преступления и при назначении за него наказания можно узнать, является ли закон снисходительным или суровым»³⁶.

Дидро вслед за Беккариа развивает мысль о быстроте исполнения наказания. «Быстрота исполнения приговора усиливает мысль о неизбежности наказания. Видящий преступление и тут же видящий казнь — содрогнется. В сознании всех укрепится мысль об их совместности. Если бы закон был летающим по воздуху мечом, разящим преступника в момент совершения им преступления, то преступлений не существовало бы, кроме разве тех, которые рождены гневом или местью и, быть может, любовью и отчаянием»³⁷.

A. A. Герцензон

УГОЛОВНО-ПРАВОВАЯ ТЕОРИЯ Жана Поля МАРАТА

³¹ Там же, стр.441—442. М.: Государственное издательство юридической литературы. 1956

³² Там же, стр.443.

³³ Дидро, Соч., т.Х, стр.414.

³⁴ Там же, стр.445.

³⁵ Там же, стр.458.

³⁶ Там же.

³⁷ Дидро, Соч., т.Х, стр.460.

Дидро затрагивает большой вопрос относительно пробелов закона и права судьи восполнять эти пробелы. Он отмечает, что «ни один закон не в состоянии охватить все возможные случаи; нет ни одного закона, который был бы одинаково применим ко всем виновным, — в противном случае мы допустим несправедливость. Бывают обстоятельства, совершенно не предусмотренные законом; даже в тех случаях, которые предусмотрены законом, встречаются обстоятельства, отягчающие или смягчающие преступление»³⁸. Дидро указывает на два возможных варианта решения этого сложного вопроса: требовать от судьи безоговорочного применения закона или предоставить судье право восполнять законы. И то и другое решение вопроса представляется Дидро чреватым серьезными последствиями. Он не решает этого вопроса и лишь указывает, что «даже лучшие законы окажутся тщетными, если судьи будут плохими, и самые дурные законы могут быть исправлены хорошими судьями»³⁹.

Дидро считает необходимым, чтобы религиозное образование юношества обязательно сочеталось бы с образованием юридическим, чтобы население было хорошо осведомлено в законах, чтобы оно не путало законы божественные и законы человеческие.

В своих «Замечаниях» Дидро останавливается и на вопросах уголовного судопроизводства. Он требует полной реабилитации лиц, находившихся под стражей, но бывших оправданными; он считает, что оправданному должна быть предоставлена компенсация того материального ущерба, который был причинен ему неосновательным тюремным заключением. Дидро высказываеться против теории формальных доказательств. Он резко критикует инквизиционный процесс, называя его способом создания виновных, а не способом обнаружения виновных.

Дидро написал ряд примечаний к книге Беккариа «О преступлениях и наказаниях», которые были помещены во французском переводе этой книги, в издании, предпринятом Морелле, впервые опубликованном в 1766 году⁴⁰. Эти комментарии касаются не всей книги Беккариа, а относятся лишь к некоторым ее положениям.

Остановимся на некоторых из наиболее важных замечаний Дидро.

Дидро возражает против безоговорочного отрицания Беккариа пытки как способа получения признания обвиняемого. Раз наказание оправдывается необходимостью предупреждать преступления, то в тех случаях, когда нельзя иначе открыть соучастников разбоя, убийства, как прибегнув к пытке, «пытка будет справедлива, как и другое наказание по той же причине».

Дидро несколько умеряет категоричность утверждения Беккариа относительно принципа гуманности наказания. Он считает, что устрашаительные наказания всегда будут иметь предупредительную силу, и люди «никогда не привыкнут к мысли иметь изломанные кости и умереть в подобных мучениях».

Точно так же Дидро более сдержанно говорит относительно неприменения смертной казни. В этой связи он пишет: «От того, что жизнь есть величайшее из всех благ, все согласились, чтобы общество имело право отнимать ее у того, кто вздумал бы отнять ее у других. Очень легко понять, что человек, говорящий «я согласен, чтобы у меня отняли жизнь, если я покушусь на жизнь других», говорит сам себе: «я не покушусь на нее, и закон будет за меня, а не против меня»... Что же касается справедливости этого наказания, то она основана на договоре и общественной пользе. Если оно нужно, то, следовательно, оно справедливо, следует только знать, нужно ли оно?»

Соглашаясь с Беккариа о целесообразности более частого применения тюремного заключения вместо смертной казни, Дидро приводит аргументацию, отличную от Беккариа. Он отмечает, что Беккариа отступает от своего принципа гуманности, предлагая долгосрочное тюремное заключение. Преступник, находясь в оковах, в тюремной клетке, подвергающийся ударам, этим не завершает, а лишь начинает свои мучения. «Картина эта ужаснее колеса, и наказание, ею представляющееся, на самом деле является более жестоким, чем жесточайшая казнь. Но так как оно дает частые и наглядные примеры, то по своей действительности должно предпочтаться смертной казни, которая продолжается одно мгновение и на которую отчаянные преступники очень часто решаются. Вот, по моему мнению, сильная причина для того, чтобы предпочесть продолжительную и тягостную неволю лишению жизни человека». Эти мысли Дидро развивает несколько дальше (в примечаниях к параграфу о смертной казни книги Беккариа). Он делает вывод, что «жестокая и суровая неволя есть наказание, которое значительно лучше смертной казни, единственно потому, что пример ее сильнее; только необходимо заметить, что эта неволя становится ужасным наказанием только в том государстве, где положение народа будет спокойным и приятным. Если же состояние невинных будет столь же тягостным, как и преступников, то мучение последних не было бы наказанием, и несчастные, столь же достойные

³⁸ Там же, стр.453.

³⁹ Там же.

⁴⁰ *Traite des delits et des peines, par Beccaria, traduit de l'Italien par Andre Morellet, Paris, 1766* (Мы располагали изданием 1797 г.). Примечания Дидро приведены в сносках на стр.11—12, 24—25 30—31 46, 47, 48—49, 50, 54, 67—68, 71, 72—73, 76—77, 81—82, 87—88, 95, 109—110 упомянутого издания.

сожаления, не страшились бы его».

Свои критические замечания по поводу книги Беккариа Дидро завершает следующими словами: «Вот все то, чему я счел необходимым возразить в этом прекрасном сочинении, исполненном великого ума и добродетели. Человечество заинтересовано в том, чтобы оно было написано более совершенно и чтобы от начала и до конца доступно простому человеку, ибо полезные истины должны проходить через простых людей, чтобы достигнуть, как голос народа, до ушей правительства».

Уголовно-правовые взгляды Руссо являются составной частью его философского и политического учения. Не имея в виду изложить здесь учение Руссо в полном объеме, сосредоточим свое внимание на его уголовно-правовых взглядах, с наибольшей полнотой освещенных в двух работах: «Рассуждение о происхождении и основах неравенства» (1754 г.)⁴¹ и «Об общественном договоре, или принципы положительного права» (1762 г.)⁴².

Различая свободу естественную и свободу гражданскую, Руссо считает, что люди первоначально обладали естественной свободой и неограниченной возможностью владеть всем, что их прельщало. Благодаря созданию общества и заключению между людьми общественного договора они потеряли естественную свободу, но приобрели свободу гражданскую, потеряли право фактического обладания, но приобрели право собственности. В обществе индивидуальная воля ограничена общей волей, которая является сувереном. Таким образом, в отличие от общественно признанной терминологии Руссо называет сувереном не государя, а коллективную волю людей, образовавших общество. Мы увидим в дальнейшем, что Марат в обоснование своей теории уголовного права и, в частности, в обоснование ответственности за государственные преступления кладет именно эту идею.

Развивая теорию общественного договора, Руссо обосновывает право народа на революционную борьбу с тиранией: «Как только, имея возможность сбросить с себя ярмо, народ сбрасывает его, он поступает еще лучше: так как народ, возвращая себе свою свободу по тому же праву, по какому она была у него отнята, был в праве вернуть себе ее или же не было никакого основания отнимать ее у него»⁴³.

Говоря о неравенстве людей, Руссо различает неравенство естественное, или физическое, и неравенство нравственное, или политическое. Первое вытекает из особенностей возраста, здоровья, силы, умственных и душевных качеств. Второе же зависит от договора, заключенного между людьми: «оно состоит в различных привилегиях, которыми одни пользуются к ущербу других, в том, например, что одни более богаты, уважаемы и могущественны, чем другие, или даже заставляют их повиноваться себе»⁴⁴.

Излагая происхождение неравенства, Руссо считает, что в естественном состоянии неравенство между людьми было ничтожным, но оно развилось и закрепилось благодаря возникновению частной собственности и законов. Оно противоречило естественному праву, которое не может допустить, чтобы «горсть людей утопала в роскоши, тогда как огромное большинство народа нуждается в самом необходимом» (стр.108).

По мнению Руссо, частная собственность явилась источником всех общественных бедствий, пороков и преступлений. По этому поводу Руссо пишет: «Первый, кто напал на мысль, огородив участок земли, сказать: «Это мое!» и нашел людей, достаточно простодушных, чтобы этому поверить, был истинным основателем гражданского общества. От скольких преступлений, войн и убийств, от скольких бедствий и ужасов избавил бы род человеческий тот, кто, выдернув колья и засыпав ров, крикнул бы своим близким: «Не слушайте лучше этого обманщика, вы погибли, если способны забыть, что плоды земные принадлежат всем, а земля — никому» (стр.68).

Основываясь на силе или на нужде, люди стали посягать на имущество друг друга. Вслед за уничтожением равенства начались смуты, раздоры между людьми. Они сделали людей скучными, злыми, честолюбивыми. Непрерывная борьба между людьми явилась источником многочисленных тягчайших преступлений. Человеческий род погряз в преступлениях и пороках. Изданые в связи с образованием общества законы еще более увеличили богатство кучки людей, усилили их могущество, упростили собственность, ликвидировали свободу и равенство, разделили общество на кучку узурпаторов и массу людей, обреченных на труд, нищету и рабство. В связи с этим Руссо пишет: «Ясно также, что надо отнести на счет существования собственности, а следовательно, и общества, убийства, отравления, грабежи на больших дорогах и даже наказания за эти преступления, наказания, необходимые для предупреждения еще большего зла, но отнимающие за убийство одного человека жизнь у другого или у нескольких других, а потому удваивающие на деле размер убыли в человеческом роде» (стр.124).

⁴¹ Руссо, Рассуждение о происхождении и основах неравенства, русский перевод, 1807.

⁴² Руссо, Об общественном договоре, русский перевод, 1938.

⁴³ Руссо, Об общественном договоре, русский перевод, стр.4.

⁴⁴ Руссо, О причинах неравенства, русский перевод, стр.25.

Руссо говорит о гибельных следствиях неравенства людей, вытекающего из права собственности; он рисует картину покинутых деревень, невозделанных полей, дорог, наводненных людьми, превращенными в нищих и воров, обреченных «кончить рано или поздно жалкое существование на плаче или под забором».

Следует отметить, что Руссо не ограничивается показом преступлений, совершаемых под влиянием нужды и нищеты. Он разоблачает преступления, совершаемые власть имущими, и говорит о злодеяниях, совершаемых поставщиками в армиях, о торговцах, продающих населению испорченные и фальсифицированные съестные припасы, от потребления которых гибнут массы людей. Мы увидим в дальнейшем, что Марат, создавая свой «План уголовного законодательства», эти мысли Руссо воспримет и разовьет в целую систему уголовно-правовых норм. Мы увидим также, что в годы революции Марат будет гневно и страстно разоблачать торговцев и спекулянтов, требуя беспощадной расправы с ними за совершаемые ими злодеяния против народа.

В произведениях Руссо содержится и определение общих принципов мудрого законодательства. Он стремится к созданию таких законов, которые могли бы обеспечить гармонию между правом естественным и правом политическим. Руссо надеется, что «добрые и мудрые государи» «сумеют предупредить, исцелить или сделать менее заметным великое множество преступлений и зол, постоянно грозящих подавить нас своей тяжестью» (стр.130).

Разработка мудрых законов, по мнению Руссо, неразрывно связана с учетом климата, нравов и других особенностей жизни народа. Одни и те же законы не могут быть пригодными для народов, живущих в различных условиях. Развивая эти положения, Руссо ссылается на Монтескье, взгляды которого по данному вопросу он полностью разделяет. Следует отметить, что и Марат в своем «Плане» также исходит из аналогичной предпосылки разработки мудрых законов.

В работе «Об общественном договоре» Руссо излагает свои взгляды на уголовное право и уголовное судопроизводство. Он пишет: «Впрочем, каждый преступник, нападая на общественное право, становится благодаря своим преступлениям бунтовщиком и изменником общества; нарушая законы последнего, он перестает быть его членом; он даже вступает с ним в войну. В таком случае сохранность государства становится несовместимой с сохранностью преступника; необходимо, чтобы один из них погиб; и когда казнят виновного, то его лишают жизни скорее как врага, чем как гражданина. Судебный процесс и приговор суть доказательства и объявление того, что преступник нарушил общественный договор и, следовательно, не состоит более членом государства. И раз он признавал себя раньше таковым, по крайней мере, своим пребыванием в обществе, он должен быть извергнут из него путем изгнания как нарушитель договора или путем смертной казни как враг общества; ибо такой враг — не моральная личность, а человек: и тогда-то право войны позволяет убить побежденного»⁴⁵.

Из приведенных строк видно, что Руссо признает в некоторых случаях неизбежность и целесообразность применения смертной казни. Люди, не желающие стать жертвами убийцы, вступают в соглашение о том, чтобы самим умереть, если они станут убийцами. «В этом договоре заключающие его вовсе не располагают своей жизнью, а думают только о ее сохранении, и вряд ли можно считать, чтобы кто-нибудь из них вперед соглашался на то, чтобы его повесили»⁴⁶. Эти мысли Руссо являются по сути дела основой его теории наказания.

Не являясь противником смертной казни, Руссо вместе с тем высказывался против частого ее применения. «В конце концов частое повторение казней есть всегда признак слабости или бездеятельности правительства. Нет такого испорченного человека, который не годился бы на что-нибудь. Даже для примера другим можно умерщвлять лишь того, кого нельзя сохранить в живых без опасности для общества»⁴⁷.

В заключение общей характеристики уголовно-правовых взглядов Руссо следует привести его слова о соблюдении законности. «Что касается права помилования или освобождения виновного от наказания, назначенного законом и указанного судьей, то право это принадлежит только тому, кто выше и судьи, и закона, т.е. суверену; да и то принадлежащее ему право помилования недостаточно определенно, и случаи применения его очень редки. В хорошо управляемом государстве приходится мало применять наказания не потому, что в нем часто милуют, а потому, что в нем мало преступников; когда же государство погибает, то увеличивающееся в огромной степени количество преступлений обеспечивает их безнаказанность»⁴⁸.

Теория Руссо сыграла выдающуюся роль в развитии революционной мысли XVIII века. Энгельс указывал, что «общественный договор Руссо нашел свое осуществление во время террора»⁴⁹.

А. А. Герцензон

⁴⁵ Руссо, Об общественном договоре, русский перевод, стр.29.

⁴⁶ Там же.

⁴⁷ Там же, стр.30.

⁴⁸ Там же.

⁴⁹ Ф.Энгельс, Анти-Дюринг, 1948, стр.240.

УГОЛОВНО-ПРАВОВАЯ ТЕОРИЯ ЖАНА ПОЛЯ МАРАТА

М.: Государственное издательство юридической литературы. 1956

Учение Руссо сыграло значительную роль в развитии революционных уголовно-правовых теорий XVIII века. Его уголовно-правовые взгляды были восприняты и широко развиты Маратом, Робеспьером и другими выдающимися деятелями якобинской диктатуры 1793—1794 годов.

Виднейшие представители утопического социализма XVIII века — Мелье, Морелли, Мабли — в своих произведениях довольно подробно осветили проблему преступления и наказания

В этой связи представляется необходимым дать общую характеристику уголовно-правовых взглядов упомянутых социалистов-утопистов, сыгравших определенную роль в формировании и развитии прогрессивных уголовно-правовых теорий XVIII века как в дореволюционный период, так и в годы революции.

Жан Мелье, провинциальный французский священник, проведший всю свою жизнь в нужде, в первой четверти XVIII века написал свое «Завещание», в котором он дал «ясные и очевидные доказательства призрачности и ложности всех божеств и всех религий мира», а также подробно говорил «о некоторых ошибках и заблуждениях в поведении людей и управлении ими». «Завещание» Мелье по своему содержанию было настолько «крамольным», что автор и не думал об его издании при своей жизни. Он выразил пожелание, чтобы его «Завещание» было передано его прихожанам после его смерти, чтобы «служить им и всем подобным им свидетельством истины».

После смерти Мелье его «Завещание» первоначально распространялось в рукописных изданиях, а во второй половине XVIII века было опубликовано в частичных извлечениях Вольтером, который постарался смягчить наиболее острые места этого произведения⁵⁰.

В «Завещании» Мелье центральное место занимает проповедь атеизма, разоблачение ложности религии и ее земных носителей. В этой связи Мелье дает резкую критику основ современного ему общественного строя, заблуждений, пороков и преступлений и призывает народ к насильтвенной, революционной ломке устоев общества, основанного на частной собственности.

Разоблачая носителей духовной и светской власти, Мелье сравнивает их с тягчайшими преступниками — с разбойниками и убийцами. «Разве мы не осудим публично и не подвергнем суворому наказанию разбойников и бандитов с большой дороги, которые грабят и бесчеловечно убивают всех, имевших несчастье попасться им в руки. Конечно, их надо сурово карать, они вполне заслужили ненависть и проклятья; позволить им безнаказанно продолжать свои бесчинства было бы даже весьма неразумно. Но еще гораздо больше оснований, дорогие друзья, мы имеем осуждать, ненавидеть и проклинать, как я это сделаю здесь, всех слуг суеверий и кривды, господствующих над нами таким тираническим образом, одни над нашей совестью, другие над нашим телом и имуществом, причем служители религии, властивущие над нашей совестью, являются самыми наглыми обманщиками народа, а государи и прочие сильные мира сего, властивущие над нашим телом и имуществом, — самыми великими ворами и убийцами из всех существующих в мире» (стр.13).

Мелье с большой глубиной и подробностью вскрывает царящие в обществе и санкционированные религией неравенство между людьми, паразитическое существование многих людей, господство частной собственности. Он рассматривает эти явления как коренную причину пороков и преступлений.

На первое место Мелье ставит огромное неравенство в состоянии и положении людей. Это неравенство, по мнению Мелье, несправедливо и вызывает чувство ненависти. Оно вызывает у людей низменные чувства и является источником бесчисленных злоупотреблений, пороков, преступлений. Чем больше в обществе господствует неравенство в экономическом и общественном положении людей, чем резче делится оно на поработителей и порабощенных, тем большими становятся в этом обществе пороки и преступления.

Вторым злоупотреблением, распространенным в обществе, Мелье называет существование паразитических элементов, к числу которых он относит, с одной стороны, нищих, а с другой, — «богатых бездельников». Те и другие живут исключительно за счет труда других. С особой силой и страстью Мелье разоблачает паразитизм служителей религии.

Третье злоупотребление, царящее в обществе, состоит в частной собственности: «...люди присваивают себе в частную собственность блага и богатства земли, тогда как все должны были бы владеть ими сообща на одинаковом положении и пользоваться ими точно так же на одинаковом положении и сообща» (стр.338).

⁵⁰ «Записи мыслей и мнений Ж.М***, священника, кюре из Этрепиньи и Во, о некоторых ошибках и заблуждениях в поведении людей и управлении ими, где даны ясные и очевидные доказательства призрачности и ложности всех божеств и всех религий мира Записи должны быть переданы после смерти автора его прихожанам и служить им и всем подобным им свидетельством истины», русский перевод, 1937. Материалы о Мелье: <http://vive-liberta.diary.ru/p82710944.htm>.

Описывая условия существования людей, владеющих и не владеющих собственностью, Мелье связывает с частной собственностью распространение в обществе преступлений. «Если одни имеют все или гораздо больше, чем полагалось бы им по справедливости, а у остальных, напротив, нет ничего или они испытывают недостаток в большинстве вещей, для них необходимых, то в результате возникают чувства ненависти и зависти между людьми. Потом возникают ропот, мятежи, жалобы, смуты и войны, причиняющие бесконечное зло в жизни людей. Из этого источника рождаются также тысячи тысяч неприятных процессов, которые частные лица вынуждены вести между собой, чтобы отстаивать свое достояние и права, на какие они претендуют. Эти тяжбы доставляют им тысячу физических мук и тысячу тысяч душевных тревог и часто приносят полное разорение обеим сторонам. Поэтому те, у кого ничего нет или у кого нет самого необходимого, как бы вынуждены волей-неволей прибегать ко многим неблаговидным средствам для того, чтобы существовать. Отсюда возникают обманы, мошенничества, плутни, несправедливости, хищения, кражи, налеты, убийства, разбои и грабежи, причиняющие великое зло людям» (стр.340—341). Мелье подробно доказывает, что всех этих преступлений не было бы в обществе, в котором отсутствовала бы частная собственность.

Раскрывая злоупотребления, царящие в обществе, Мелье говорит о тираническом господстве «великих мира сего», — о господстве, вся тяжесть которого ложится на плечи народа и которое осуществляется путем голого насилия.

В качестве примера Мелье приводит правление Людовика XIV, прозванного великим не за похвальные дела, а за великие злоупотребления, несправедливости, хищения, насилия, опустошения, массовые убийства. Королевские слуги — судьи и чиновники, губернаторы и интенданты, откупщики и офицеры — все они грабят и насилиют бедные народные массы (см. стр.696—697).

Мелье глубоко и остро разоблачает классовую сущность феодального правосудия, своим острием направленного против народа. Он показывает, как судьи сурово карают мелких преступников, которых они вешают или колесуют; как они оставляют совершенно безнаказанными крупных и могущественных воров, убийц, поджигателей.

В своем «Завещании» Мелье, в отличие от других утопистов и просветителей, не разрабатывает основ «мудрого законодательства», способного, по их мнению, устранить злоупотребления, недостатки, пороки, преступления. Но он призывает народ к революционному действию, к насильственному уничтожению тирании богатых, тирании духовенства, тирании королей. Он призывает к истреблению тиранов. Вспоминая былых борцов с тиранами, Мелье восклицает: «Ах, зачем не живут еще эти благородные тираноубийцы. Зачем не остались они жить в наши дни, чтобы разить и закалывать кинжалами все эти омерзительные чудовища и избавить таким образом народные массы от их тирании. Как жаль, что не остались в живых эти достойные, благородные защитники народной свободы. Как жаль, что не живут они ныне, чтобы прогнать всех царей на земле, сразить всех угнетателей и вернуть свободу народам. Как жаль, что нет в живых всех этих храбрых писателей и храбрых ораторов, которые порицали тиранов, произносили речи против тирании и в своих писаниях резко осуждали их пороки, их несправедливость и их дурное управление. Как жаль, что нет их в живых в наши дни, чтобы во всеуслышание осуждать всех тиранов и угнетателей, во всеуслышание обличать их пороки и несправедливость их дурного управления, сделать их в своих писаниях предметом ненависти и презрения в глазах света и в конце-концов поднять все народы на то, чтобы стряхнуть с себя невыносимое иго их тиранического владычества» (стр.696).

В 1755 году был опубликован без указания автора труд под названием «Кодекс природы, или истинный дух ее законов». Он был перепечатан в восьмидесятых годах XVIII века в «Библиотеке» Бриссо наряду с «Планом уголовного законодательства» Марата. Первоначально авторство приписывали Дидро. На самом деле автором этой книги явился один из виднейших социалистов-утопистов XVIII века — Морелли.

Морелли дает острую критику общественного устройства, выясняет его недостатки, пороки и преступления и разрабатывает общие принципы и законы такой организации общества, при которой было бы обеспечено счастье всех людей и исчезновение всех пороков и преступлений.

«Мир, — говорит Морелли, — это стол, на котором достаточно пищи для всех сотрапезников, и она принадлежит либо всем, потому что все голодны, либо лишь некоторым, потому что остальные уже насытились. Никто поэтому не является неограниченным хозяином мира и не имеет права притязать на это»⁵¹.

Морелли считает, что у человека нет ни врожденных идей, ни врожденных наклонностей. Человек становится дурным, порочным, преступным лишь в силу неправильной организации общества. Господство частного интереса, жадность, корысть — все это следствия существования частной собственности. Более того, Морелли считает, что все политические и моральные явления зависят от института частной собственности. Законодатели, основываясь на собственности, разорвали узы общественности. Все рассуждения о наилучшей форме правления, о действитель-

⁵¹ Морелли, Кодекс природы, русский перевод, 1947, стр.64.

тельной свободе людей бессмысленны, если сохраняется собственность. Благодаря существованию собственности миллионы людей бедствуют, а ничтожное меньшинство утопает в богатстве и обладает могуществом власти.

Если бы в обществе действовали законы природы и отсутствовала бы частная собственность, то у людей не было бы основания для совершения преступления и не было бы необходимости в применении наказания. В этой связи Морелли пишет, что пока законы природы остаются нетронутыми, до тех пор не может существовать никакого преступления; следовательно, нет повода наказывать преступление. Если же чья-нибудь неловкая рука по ошибке искажает предназначения этих законов, или, вернее, заблуждается и по неведению побуждает каких-нибудь несчастных к нарушению их, то бесконечная мудрость пользуется той же рукой для исправления случайно причиненного вреда» (стр.158). Но, к сожалению, в обществе действуют законы, созданные собственниками, и эти законы находятся в вопиющем противоречии с законами природы. Разоблачая лживость, лицемерие, безнравственность законов, созданных собственниками, Морелли доказывает, что преступление и наказание различны в обществе, основанном на деспотическом строе, и в обществе, основанном на республиканском строе. По этому поводу Морелли пишет: «...то, что считается в одном из них нравственным злом, признается часто в другом за добро или похвальный поступок. Это неопровергимо доказывается настоящим и прошлым состоянием наций. В одном месте осуждают за то, что разрешают или приказывают в другом, следовательно, моральное зло есть в этом отношении вещь, столь же шаткая и изменчивая, как и фантазия законодателей; в порядке вещей, чтобы оно каралось другим, столь же преходящим злом» (стр.162).

По мнению Морелли, наказание преступника в условиях, когда он побуждается к преступлению существованием института частной собственности, является мерой, не достигающей цели предупреждения преступления. Единственно эффективным средством борьбы с преступлениями Морелли считает «устранение собственности». «Абсолютно невозможно допустить, говорю я, чтобы, освободившись от этого тирана, человек стремился к преступлениям, чтобы он был вором, убийцей, завоевателем. Законы, разрешающие собственность, карают его за эти преступления; сверх того, он еще наказан собственными угрызениями совести и страхами, этими детищами предрассудков нравственной системы, в которой он воспитан» (стр.163).

Общественные нравы, законы, правительство, цивилизация, по мнению Морелли, должны быть коренным образом перестроены и подчинены законам природы. Человеческий разум создан для того, чтобы познавать законы природы и следовать им. Однако самих по себе первоначальных законов природы недостаточно для управления людьми. Эти законы нужно открыть, объединить, систематизировать. Человеческий разум, установив, что собственность является источником всех несчастий, пороков, заблуждений, преступлений, способен открыть пути для их искоренения. Морелли считает, что предлагаемое им коренное изменение общества на социалистических началах является единственным реальным средством искоренения преступлений. Морелли призывает к тому, чтобы «истинные мудрецы» боролись с духом собственности, чтобы люди перевоспитывались, чтобы были приняты новые законы, сообразные с законами природы. «Нет преступлений без наказаний, — утверждает Морелли, — но и нет больше преступлений после последних наказаний» (стр.170).

В своем «Кодексе природы» Морелли посвящает особую главу вопросу о преступлениях и наказаниях: «Законы о наказаниях, столь же немногочисленные, как немногочисленны нарушения долга, столь же мягкие, сколько действительные». Эти законы рассчитаны на введение их в том идеальном обществе, которое рисовалось Морелли.

Морелли предусматривает четырнадцать уголовных законов. При этом он исходит из того, что в социалистическом обществе вовсе не будет имущественных преступлений, ибо не будет их источника — частной собственности. По его мнению, в социалистическом обществе могут иметь место, и притом в незначительном количестве, следующие виды преступлений: посягательства на основы социалистического строя с целью восстановления частной собственности, преступления против личности и некоторые другие. Морелли разработал и систему наказаний, соответствующую тяжести и природе совершенных преступлений. Сюда он относит пожизненное заключение, срочное лишение свободы, лишение права воспитывать детей, лишение права быть сенатором, принудительные работы, лишение развлечений и занятий и некоторые другие. Наказание, по мнению Морелли, должно быть строго личным, определяемым по степени вины. Оно не может быть ни смягчено, ни отменено.

«Всякое наказание, налагаемое законом и установленное раз навсегда для каждого рода вины, не будет подлежать никогда отмене или смягчению или замене другим наказанием в виде помилования или по иным соображениям, разве лишь в случае болезни». После того как преступник отбудет наказание, он тем самым искупит свою вину и будет восстановлен в своих правах гражданина.

* * *

Г.Мабли опубликовал в 1776 году труд под названием «О законодательстве, или принципы законов»⁵², в котором в числе других проблем рассматривает и проблемы уголовного права.

Мабли исходит из того положения, что политика и законы должны соответствовать законам природы. Природа предназначила людям быть равными. Но в обществе господствует неравенство имуществ и состояний, и это разлагает людей, изменяет их чувства, обуславливает существование многочисленных предрассудков, заблуждений, пороков и преступлений. На вопрос о том, что лежит в основе неравенства имуществ и состояний, Мабли отвечает в категорической форме «я не колеблюсь считать эту злосчастную собственность первопричиной неравенства имуществ и состояний, и, следовательно, всех наших зол» (стр.91). Собственность разделяет людей на два класса — класс богатых и класс бедных, интересы которых противоположны. Класс бедных никогда не будет одобрять правительство и законы, которые сделали их столь несчастными. Класс богатых не только предпочитает свою собственность собственности государства, но и стремится расширить ее всеми доступными им средствами, в том числе и путем преступлений. Мабли дает острую политическую характеристику преступлений, порождаемых обществом, основанном на частной собственности. «Как только общество оказывается зараженным тем духом грабежа, который создает откуп государственных налогов, ажиотаж с ценными бумагами и произвольные налоги, не надейтесь найти в нем сколько-нибудь справедливости и честности. Хитрость, мошенничество, ловкость, кляузы — вот что составляет характерные черты такого общества. Граждане будут расставлять друг другу ловушки, мошенники всегда найдут, кого одурачить, и все погибнет, если одни лишь глупцы будут опозорены. Делая сначала подлости из-за денег, скоро станут делать их и даром. Из совокупности всех этих пороков родится еще более опасный порок — станут грабить одной рукой, чтобы расточать другой. Эта расточительная жадность, потребности которой все возрастают и всегда чрезмерны, не остановится ни перед чем; она делает души жестокими» (стр.139—140).

Мабли, несомненно, глубоко понимал классовую сущность уголовного права, классовый подход суда в области отправления правосудия. Он сумел подойти и к раскрытию противоположности правосознания богатых и бедных классов и к выяснению причин безнаказанности преступлений, совершаемых господствующими классами. «Мы себе создали два рода мер и весов; и к стыду нашего разума, богатые карают смертной казнью за кражу, потому что они боятся быть обокраденными, и одобряют завоевания, потому что они сами грабят народы» (стр.79).

Мабли разделял взгляды Руссо по вопросу об общественном договоре как основе общества, делая из него революционные выводы. Люди, вступая в общество, договорились между собой о том, чтобы жить счастливо, соблюдая правила, которые в известной мере ограничили права каждого человека. Однако за каждым человеком сохраняется его неотъемлемое право бороться против несправедливого правительства, которое узурпировало его права. Основанием этого права является человеческий разум, непреоборимое желание свободы, сама свобода, — все это свойства человека, созданные природой. «Добродетельный гражданин вправе вести гражданскую войну, если существуют тираны, т. е. правители, имеющие притязания пользоваться властью, которая может и должна принадлежать только законам, и притом властью настолько сильной, чтобы угнетать своих подданных», — писал Мабли в работе «О правах и обязанностях гражданина», изданной в 50-х годах XVIII века (стр.273). И именно поэтому не может рассматриваться в качестве преступника человек, который отстаивает свои права, предлагает разумную форму правления и политики: его нельзя считать ни заговорщиком, ни нарушителем общественного спокойствия. «Если любовь к порядку и покою не основана на просвещении, она быстро толкает нас на всяческие беды, которых мы хотим избежать; если я вам покажу, что принципы ваших законодателей неизбежно приведут к деспотизму с его тюрьмами, его виселицами, его грабежами, его разрушениями, с его жестокостями и его глупостями, — разве не станут они вам подозрительны?» (стр.229).

* * *

Начало восьмидесятых годов во Франции характеризуется значительным оживлением уголовно-правовой мысли. Этому немало способствовали объявлявшиеся различными научными обществами конкурсы на написание трудов, посвященных реформе уголовного законодательства. Новая уголовно-правовая литература была основана на идеях просвещения и гуманизма.

В издававшихся произведениях старые уголовные законы и старый суд подвергались более или менее решительной критике; предложения о реформе уголовного законодательства содержали единодушные требования смягчения наказаний, установления соразмерности между наказанием и преступлением и внедрения принципа законности в деятельность суда. Все это являлось прямым выражением уголовно-правовой программы идущей к власти буржуазии.

⁵² Ниже цитируется по «Избранным произведениям», М., 1950 .

Представляет интерес сама тематика упомянутых конкурсов. Так, Бернский конкурс 1777 года имел целью написание работ, в которых должны были быть решены вопросы о создании уголовного законодательства, основанного на строгом соответствии наказаний тяжести совершенных преступлений, на гуманной организации уголовного процесса («чтобы мягкость следствия и доказательств согласовались с неизбежностью быстрого и примерного наказания и чтобы гражданское общество обрело возможно наибольшую гарантию для свободы и гуманности»).

В этом конкурсе приняло участие 44 соискателя, что само по себе говорило о том, насколько актуальными и назревшими были поставленные на конкурс вопросы.

Два конкурса было объявлено Шалонской Академией — в 1780 и 1781 годах. Первый конкурс был посвящен теме «Насколько французские законы должны быть смягчены в интересах чести и свободы граждан, без нарушения этим быстроты и примерности уголовного преследования». Второй конкурс был посвящен решению вопроса о том, «должно ли гражданское общество предоставлять вознаграждение обвиняемому, позднее признанному невиновным». Следует упомянуть и конкурс, объявленный в 1783 году Королевским обществом искусств и наук в Метце, на тему: «О происхождении взгляда, в силу которого на всех членов семьи переносится позор бесчестящих наказаний, испытанных одним из них, и в случае, если такой взгляд будет признан вредным, какими мерами с этим можно бороться».

Во всех этих и в ряде других здесь не упоминаемых конкурсах, объявлявшихся различными научными обществами, приняло участие большое число юристов, главным образом адвокатов, а также и философов и политических деятелей. Необходимо отметить, что среди участников этих конкурсов мы встречаем имена будущих выдающихся деятелей революции 1789— 1794 годов: имена Марата, Робеспьера, Бриссо и других.

Не ставя своей целью дать подробное и полное освещение работ, опубликованных во Франции в восьмидесятых годах по вопросам уголовного права и пытавшихся решить вопросы реформы уголовного законодательства, остановимся лишь на некоторых из них, которые были посвящены общим вопросам реформы уголовного законодательства и созданию уголовных кодексов, основанных на новых идеях просвещения и гуманизма.

Серван, руанский адвокат, историк и криминалист, опубликовал в 1783 году работу под названием «Об уголовном законодательстве» (*«De la legislation criminelle»*). В этой работе он основывается на взглядах Беккариа и Вольтера. Уделяя большое внимание критике старого уголовного законодательства, старого суда и тюрем, он обращает особое внимание на задачу соразмерить тяжесть наказания с характером преступления, а также сочетать меры наказания с мерами предупреждения преступлений. Рассматривая преступления против собственности, Серван выдвигает мысль о том, что право собственности нельзя признать естественным правом, в силу чего он предлагает карать эти преступления не как тяжкие преступления, а лишь как проступки.

В 1784 году Дюмон опубликовал «План уголовного законодательства» (*«Plan de legislation criminelle»*), в котором также развивает идеи Беккариа и Вольтера. Аналогичным было и содержание работы Бенжамена Каррара «Исследование вопроса, предложенного знаменитым экономическим обществом Берна о создании уголовного кодекса» (*«Essai sur la question proposee par l'illustre societe economique de Berne pour la confection d'un code criminel»*). Широкую известность приобрел труд Бернарди «Принципы уголовных законов» (*«Principes des lois criminelles»*), получивший премию в 1780 году и вновь изданный в переработанном виде в 1788 году. В этом произведении автор уделяет большое внимание выяснению причин преступности и определяет руководящие принципы нового уголовного права, основанного на просвещении и гуманизме, на идеях естественного права. Помимо вопросов материального уголовного права, Бернарди подробно останавливается и на вопросах процессуального права, и на задаче коренной реформы суда.

Несколько позже, уже в начале революции, был опубликован труд Пасторэ «Об уголовных законах» (*«Des lois penales»*) Пасторэ рассматривает не только общие вопросы реформы уголовного законодательства, но и применяет общие положения к изучению отдельных видов преступлений. В его труде большое внимание обращено на выяснение причин преступности. Считая, что преобладающая масса преступлений совершается в силу того, что люди лишены минимальных средств для удовлетворения своих потребностей, Пасторэ призывает к улучшению условий существования неимущих, к ослаблению гнета, к усовершенствованию общего законодательства. Пасторэ в целом развивает общую программу реформы уголовного законодательства в духе просветительной философии.

Наибольшим успехом в дореволюционной уголовно-правовой литературе пользовались труды Бриссо, будущего вождя жирондистской партии. Если труды Марата по уголовному праву всячески искажались, извращались и замалчивались буржуазными историками и юристами, то труды Бриссо, как правило, получали совершенно неумеренные похвалы.

В одном из своих ранних произведений — «Философское исследование о праве собственности и о краже, рассматриваемых в природе и в обществе», Бриссо высказывает весьма революционные мысли, от которых, впрочем, он вскоре отказался и больше к ним не возвращался. В этой работе Бриссо проводит разграничение между естественной собственностью и собственностью общественной. Границы первой определяются индивидуальными потребностями, а границы второй обусловлены общественным устройством. Бриссо утверждает, что «мы далеко ушли от природы; в естественном состоянии богач — вор, то есть тот вор, у которого имущества более, чем требуют его потребности, а в обществе вор тот, кто крадет у этого богача». Развивая эти положения, Бриссо считает, что нельзя карать бедняка за кражу, совершенную им по нужде. По его мнению, наказания заслуживает «богач, бессердечно отказывающий в удовлетворении потребное гей своего ближнего; и если кто вор, то это именно богач». Бриссо призывает к справедливому распределению богатств как к лучшему средству уничтожения воровства. Любопытно отметить, что буржуазные юристы, превозносящие Бриссо, обычно умалчивают об этих высказываниях Бриссо, очевидно усматривая в них «грехи молодости» будущего вождя крупной буржуазии.

Основной труд Бриссо по вопросам уголовного права — «Теория уголовных законов» (*«Theorie des lois criminelles»*).

Этот труд, как и труд Марата, был представлен на соискание премии Бернского экономического общества. Откликнувшись на трактат Вольтера «Награда за справедливость и гуманность», Бриссо направил ему план своего труда, и Вольтер отнесся одобрительно к нему.

Как уже отмечалось, буржуазные юристы восторженно оценили этот труд Бриссо. Так, Герц признал его «одним из самых выдающихся во французской реформаторской литературе». Чубинский утверждал, говоря о Бриссо, что «все им написанное отличается крупными достоинствами и глубиной мысли», и т.д.

При ближайшем рассмотрении труда Бриссо «Теория уголовных законов» нельзя не прийти к выводу, что автор его, обладая несомненной эрудицией, сделал попытку применить в систематизированном виде основные идеи, сформулированные Беккариа, Вольтером, Монтескье по вопросам уголовного права. Придерживаясь и до революции весьма умеренных политических взглядов, Бриссо, будучи идеологом и вождем жирондистов, проводит такие же умеренные взгляды в области реформы уголовного законодательства.

В этом труде Бриссо уделяет значительное внимание выяснению причин преступности и мер предупреждения преступлений. В подробно разработанной Бриссо классификации причин, влияющих на преступность, нельзя не усмотреть зародыша будущей буржуазной теории факторов преступности.

Формулируя цели наказания, Бриссо вслед за Монтескье, Беккариа и Вольтером выдвигает задачу предупреждения преступления и исправления преступников. Подвергая критике феодальное уголовное законодательство и суд, Бриссо обосновывает необходимость осуществления принципа равенства наказания, соразмерности наказания тяжести преступления и т.д. Значительное внимание Бриссо уделил вопросу о лишении свободы и об организации тюремного заключения. В выдвигаемых им положениях нельзя не усмотреть зарядов будущей буржуазной пенитенциарной науки.

Из приведенных выше основных положений Бриссо в области уголовного права нетрудно прийти к объяснению его популярности среди буржуазных юристов. Он в наиболее подробном и систематичном изложении сформулировал уголовно-правовые взгляды буржуазии. Его уголовно-правовые взгляды отличались от взглядов Марата столь же значительно, сколь значительна была противоположность между жирондистами и якобинцами.

Особо следует остановиться на характеристике десятитомной «Библиотеки», изданной в 1782—1785 годах Бриссо. В русской и советской уголовно-правовой литературе она до сих пор оказывалась незаслуженно забытой, несмотря на ее несомненный научный и политический интерес и значение как своеобразного памятника прогрессивной уголовно-правовой литературы XVIII века. Полное название этого издания таково: «Философская библиотека законодателя, политика, юриста, или выбор лучших речей, диссертаций, опытов, отрывков, составленных об уголовном законодательстве известнейшими писателями, на французском, английском, итальянском, германском, испанском и тому подобных языках для достижения реформы уголовных законов во всех странах, переведенных и сопровожденных замечаниями и историческими наблюдениями Ж.-П.Бриссо де Варвилля, автора «Теории уголовных законов». Первый том «Библиотеки» был издан в 1782 году, а последний - в 1785 своей «Библиотеке» обширные «Предварительные рассуждения». Определяя в духе просветительской философии задачи и содержание уголовного законодательства, он указывает на четыре необходимые предпосылки создания нового уголовного кодекса:

1. Разработка истории уголовного законодательства.
2. Сравнительное изучение современных уголовных кодексов.
3. Изучение практического применения различных законов.

4. Собрание всех лучших сочинений, содержащих предложения о реформе уголовного законодательства

Произведения Монтескье и Вольтера, указывает автор, определили собой новое, прогрессивное направление в уголовном праве, их идеи проникли в другие европейские государства. В этой связи Бриссо упоминает имена Линге, Сервана Летрона, Морво, Дюпата, Лашалоте, Прост де Руайе Филиппона, Десессара, Бернарди, Гара, Ла Кретеля, Делакруа, Вермейля и др. (см. т.1, стр.XII). Идеи французского просвещения, продолжает автор, проникли в Италию и обусловили появление «смелой и ясной» работы Беккариа, породившей литературу в Италии: труды Рицци, графа д'Арко. Калдара, Монтеросата, Симони, Пескаторе и др. В Англии было меньше откликов на вопросы реформы уголовного законодательства. Бриссо объясняет это тем, что английское уголовное право и процесс не вызывали у прогрессивных людей той острой критики, которая характерна для континента. В Англии, отмечает Бриссо, широко цитируют Бекона, Локка, Кумберланда - великолепных авторов трактатов о всеобщей справедливости. В Германии и Италии было опубликовано мало прогрессивных работ по вопросам реформы уголовного законодательства Бриссо объясняет это тем, что в этих странах сохраняется «готическая ржавчина уголовных законов невежественных веков».

Все помещенные в «Библиотеке» произведения Бриссо разбивает на три группы: произведения, помещаемые полностью или частично, или же в отдельных извлечениях.

К первой группе Бриссо отнес наиболее значительные произведения, в которых впервые были развиты общие принципы нового уголовного законодательства: Беккариа «О преступлениях и наказаниях», Вольтера «Комментарий к книге о преступлениях и наказаниях», ряд «Рассуждений» Сервана, свою «Теорию уголовных законов», «Трактат о доказательствах» Рицци, «Рассуждения о способах уничтожения смертной казни» Филиппона, «Опыт о реформе уголовного законодательства» Марата (но без упоминания его имени) и другие работы

Ко второй группе Бриссо отнес «Утопию» Мора, отрывки из работ Монтескье, Вольтера, отрывки из произведений Линге, Прост де Руайе и др.

Наконец, к третьей группе Бриссо отнес извлечения или краткое изложение мыслей о реформе уголовных законов, содержащихся в различных произведениях. Бриссо особо подчеркнул, что в его «Библиотеке» нет места для трудов Жусса, Серпильона, де Вуглана и им подобных реакционных авторов

Бриссо в своих «Предварительных рассуждениях» останавливается на вопросах, которые, по его мнению, тесно примыкают к уголовному праву. Это вопрос о нищенстве, плодящем воров и убийц, и вопрос о воспитании, отсутствие которого вызывает преступления. Уничтожить нищенство и дать воспитание — это значит, утверждает Бриссо, осуществлять подлинную борьбу с источниками преступлений. Обеспеченная собственность и гарантированный труд, заключает Бриссо, сделают излишним даже самый совершенный уголовный кодекс.

Бриссо весьма положительно оценивает деятельность «просвещенных монархов» — Фридриха II и Екатерины II, которые, как он подчеркивает, хорошо понимают значение обеспечения собственности и воспитания для предупреждения преступлений. Он считает, что Екатерина II создала кодекс, который является «шедевром человеческого разума». Но тут же Бриссо высказывает и некоторые критические замечания в адрес Екатерины. В России народ слишком далек от трона, и нужно еще очень много сделать для того, чтобы кодекс Екатерины был претворен в жизнь: нужно, чтобы человек из народа стал гражданином, ибо когда человек знает свои права, он далек от совершения преступления; предоставьте русскому претворять в жизнь его энергию и его чувства, и тогда кодекс Екатерины будет полезен народу.

Свои «Предварительные рассуждения» Бриссо завершает надеждой на то, что созданная им «Библиотека» послужит делу реформы уголовного законодательства.

«Библиотека» Бриссо представляет значительную библиографическую редкость. Ее не оказалось в Государственной публичной библиотеке имени В.И.Ленина. В библиотеке Московского университета имеется несколько томов этого издания (в собрании книг Грановского). Лишь в Ленинградской публичной библиотеке имени Салтыкова-Щедрина нам удалось обнаружить все десять томов «Библиотеки» Бриссо, что позволило получить полное представление об этом значительном памятнике развития прогрессивной уголовно-правовой науки эпохи Просвещения во Франции.

Ниже мы воспроизводим оглавление каждого из десяти томов этой «Библиотеки». Следует иметь в виду, что почти к каждому более или менее значительному произведению, включенному в «Библиотеку», Бриссо дает вступление и комментарий.

Том 1.

Предварительные замечания. От издателя (Бриссо де Варвилль). Трактат о преступлениях и наказаниях, в новом переводе (Беккариа). Суждения одного профессора о Трактате о преступлениях и наказаниях

Комментарий к Трактату о преступлениях и наказаниях (Вольтер) Замечания о Трактате о преступлениях и наказаниях

Том 2.

Замечания по вопросам уголовной юриспруденции, переведенные с латинского Полем Рицци
Речь об отправлении уголовного правосудия, произнесенная С., товарищем прокурора палаты
Речь, произнесенная в орлеанском бальяже Петроном, королевским адвокатом в
президиальном суде Орлеана
Речь об уголовном правосудии
Размышления о реформе уголовного законодательства.

Том 3.

Письмо, адресованное издателю «Библиотеки уголовных законов» Дроцом, советником
безансонского парламента
Ответ издателя (Бриссо де Варвилль).
Русское уложение, или инструкции, обращенные ее величеством русской императрицей к
Комиссии, созданной для работы над составлением проекта нового уложения законов.
Конституция Пенсильванской республики.
Размышления о пенсильванском кодексе
Крик о свободе одного американца.

Проект для составления нового гражданского и уголовного кодекса для 14 соединенных штатов
Америки, обращенный ко всем американцам одним анонимом.

Том 4.

Речь о необходимости и средствах уничтожения смертной казни, прочитанная Филиппоном де
ла Мадленом.

Речь о гуманности судей и отправлении уголовного правосудия.

Речь о современном состоянии магistrатуры и о причинах упадка ее, Петrona, королевского
адвоката.

Письмо издателя «Библиотеки уголовных законов» о краже священных сосудов.

Размышления издателя о Трактате о пытке Зонненфельса и о многих других работах на ту же
тему.

О пытке. Является ли пытка правильным способом раскрытия истины (Туррейль).

Мемуар об отмене пытки (Зонненфельс). О способах вознаграждения невинных, несправедливо
обвиненных и наказанных.

Том 5.

Награда за справедливость и гуманность (Вольтер) План законодательства по уголовным делам
(Марат) План законодательства об уголовных делах (МЛСФ)

Том 6.

Речь Бриссо де Варвилля, увенчанная Шалонской Академией

Отмщенная невинная кровь, или речь о возмещениях, следуемых невинно обвиненным (Бриссо
де Варвилль).

Опыт о вопросе, когда гражданское общество, обвинив одного из своих членов при помощи
прокурорского надзора, терпит неудачу в этом обвинении, какие способы были бы наиболее
действительными и необходимыми для доставления гражданину, признанному невинным,
возмещения ущерба, которое ему следует по естественному праву? (М. Д.).

Философские исследования о праве собственности и о краже, рассматриваемых в природе и в
обществе (Бриссо де Варвилль).

Об упадке французского адвокатского сословия, о трудностях адвокатского сословия, о способе
сделать его полезным обществу, особенно по уголовным делам (Бриссо де Варвилль).

Том 7.

Речь о нравах (Серван) Способы, предлагаемые для предупреждения детоубийства (Петион-
младший).

Размышления о некоторых вопросах наших законов по поводу одного важного события
(Серван).

Мемуар об анатомическом вопросе, относящемся к юриспруденции, в котором устанавливаются
принципы распознавания при осмотре тела, найденного повешенным, знака самоубийства и
знака убийства (Луи, королевский профессор хирургии).

Диссертация о наказании смертью (Пинэ)

Опыт о вероятностях в деле правосудия (Вольтер)

Уголовное судопроизводство

Том 8.

Речь Бернарди, адвоката парламента Э.

Интересное собрание о деле изувечения абевилльского распятия, случившегося 9 августа 1765
г., и о смерти кавалера де ла Барра, для дополнения знаменитых дел. Вевейское дело

Размышления о вознаграждениях, следуемых обвиняемым Взгляды об уголовной юстиции,
взятые из «Меркурия», № 21 (Кретель) Отрывки, извлеченные из «Французского Меркурия».

Речь м-с Полли Баккер, произнесенная перед судьями в колонии Коннектикут в Новой Англии,
где она была вызвана в суд в пятый раз за незаконнорожденного, ею рожденного. Эта речь
побудила суд отказаться от наказания и так растрогала одного из судей, что он на другой день
на ней женился.

Отрывок Сервана об одном заявлении о беременности

Том 9.

Отрывок из «Утопии» (Мор).

Отрывки из уголовных законов, извлеченные из политических и гражданских анналов (Линге). Новые сборники, содержащие философские и литературные опыты. Мемуар об одной судебной ошибке (Луи)

Отрывок из Дагессо о необходимости допущения в уголовном судопроизводстве оправдательных фактов обвиняемого столь же скоро, как их предлагаются.

Трактат о добродетелях и вознаграждениях (Драгонетти).

Опыт о реформах, необходимых в нашем уголовном законодательстве (Вермейль).

Философские размышления о происхождении цивилизации и о способах излечения некоторых злоупотреблений, которые она за собой влечет (Лакруа)

Том 10.

Уголовное законодательство. Опыт истории трибуналов народов (Дезесар). Краткая система уголовной юриспруденции, приспособленная к законам и к конституции стран (Франсуа ле Сенье). Судебно-медицинская юриспруденция. Мысли о смертной казни

Диссертация об основании права наказания (Жан-Батист Жерар) Новый юридический словарь (Прост де Руайе)

Изучение уголовно-правовой теории Марата приводит к выводу, что разобраные выше взгляды французских мыслителей были критически восприняты Маратом, развиты и применены им в своей научной и практической деятельности. Широко используя взгляды Монтескье, Беккарии и Вольтера о необходимости реформы законодательства, Марат в то же время делает из них выводы, далеко выходящие за пределы требований этих мыслителей. Он стремится связать умеренные политические взгляды Монтескье с революционными идеями Руссо и применяет их для обоснования уголовного права революционного народа. Не разделяя взглядов социалистов-утопистов, Марат нередко пользуется их аргументацией, когда обличает несправедливость существующего строя, и на многих страницах его политических и юридических работ чувствуется влияние идей Мелье и Мабли. В литературе встречаются указания на то, что произведения Мабли оказали на Марата серьезное влияние, но не указывается на то, что, несомненно, «Завещание» Мелье также было известно Марату. Этот вывод представляется нам вполне обоснованным.

Наибольшее влияние на формирование уголовно-правовых взглядов Марата оказали, несомненно, Монтескье и Руссо. Марат не только до революции, но и в годы революции высоко ценил Монтескье, рядом с которым он ставил лишь Руссо. В работе под заглавием «Современные шарлатаны», опубликованной в 1791 году, Марат называет «моего учителя Руссо, который был бы самым великим человеком нашего века, если бы не существовало Монтескье»⁵³. Известно также, что еще в 1785 году Марат написал работу под названием «Похвала Монтескье».

И имени Беккарии Марат вообще не называет. Но, несомненно, что он хорошо был знаком с его трактатом, использовал и развил ряд его положений, использовал и некоторые его чисто литературные приемы (например, воображаемую речь преступника, обращенную к обществу). Что же касается Вольтера, то известно резко отрицательное отношение Марата к Вольтеру. В этом отношении достаточно привести несколько выражений из «Современных шарлатанов» Марата. Марат здесь с большой иронией говорит о том, как Вольтер и другие энциклопедисты «дурачили всю жизнь» монархов, прибегая к самой утонченной лести. С гневом Марат говорит о Вольтере, который, находясь в союзе с «подлым клеветником» Даламбером, довел до смерти Руссо: «...блеск его гения затмил их, и они старались мучить его всю жизнь, уморили его, стремились омрачить его славу после смерти». Марат говорит о том, что «слава Вольтера померкла уже наполовину». Наконец, Марат с большим политическим сарказмом говорит о том, что если бы смерть не унесла Вольтера и Даламбера, то «они умерли бы от огорчения при виде успехов революции»⁵⁴.

Но, относясь резко отрицательно к Вольтеру, Марат, конечно, хорошо был знаком с его произведениями, в том числе и с его высказываниями по уголовному праву. Это в особенности относится к работе Вольтера «Награда справедливости и гуманности», без изучения которой Марат по существу не смог бы приступить к участию в конкурсе на написание проекта уголовного кодекса. Правда, сопоставление «Награды» Вольтера и «Плана» Марата свидетельствует о том, что Марат в своем труде пошел значительно дальше Вольтера в постановке и решении коренных вопросов уголовного права, опирался на Монтескье и Руссо, но, конечно, ряд мыслей и положений являются для них общими, ибо они пронизывали всю литературу XVIII века.

A. A. Герцензон

УГОЛОВНО-ПРАВОВАЯ ТЕОРИЯ Жана Поля МАРАТА

М.: Государственное издательство юридической литературы. 1956

⁵³ Марат, Памфлеты, М., 1934, стр.525.

⁵⁴ См. там же, стр.521, 525, 526.

Какие же идеи, развивавшиеся представителями старшего поколения французского просвещения — Монтескье и Вольтером — и развитые и конкретизированные в области уголовного права Беккариа, привлекли в наибольшей степени внимание Марата? Прежде всего следует указать на критику устоев феодального уголовного права. Марат использует и развивает эту критику, обращая главное внимание на выяснение положения трудящегося и эксплуатируемого народа, против которого в наибольшей степени было направлено острое кровавой, массовой, безжалостной репрессии феодального права. Далее, Марат пользуется аргументацией указанных мыслителей для определения задачи предупреждения преступлений. Он стремится наметить систему мероприятий экономического, общественно-политического и юридического порядка, которая существенным образом изменила бы положение трудящегося и эксплуатируемого народа, проведение которой обусловило бы сокращение преступности. Наконец, Марат использует аргументацию и предложения Монтескье, Беккариа и Вольтера относительно утверждения принципа законности, справедливости и умеренности наказания.

Однако всеми этими положениями уголовно-правовая теория Марата не только не исчерпывается, но по существу здесь только и начинается, ибо эти положения определили лишь некоторые исходные предпосылки уголовно-правовой теории Марата. Основное содержание революционной теории уголовного права Марата не в этих положениях, а в его взглядах на преступления тиранов-эксплуататоров, на безнаказанность их, на право трудящегося и эксплуатируемого народа вооруженной рукой сопротивляться тираническим законам, карать эти преступления, в его попытках раскрытия классовой природы уголовного законодательства, в его попытках сформулировать революционное правосознание трудящегося и эксплуатируемого народа.

Марат считал себя противником французских материалистов, врагом авторов «Энциклопедии». Но их взгляды на общество, на законы, на преступление и наказание, несомненно, оказали на него значительное влияние. Это влияние можно установить из сопоставления ряда основных мыслей Марата, сформулированных в его «Плане уголовного законодательства» с мыслями французских материалистов. Правда, Марат нигде на них не ссылается. Но подобно тому как он воспринял ряд идей социалистов-утопистов XVIII века, не разделив их основных социально-утопических идей, Марат опирался на взгляды французских материалистов.

Сопоставление основных идей, содержащихся в дореволюционных уголовно-правовых работах Марата, с уголовно-правовыми взглядами Гельвеция, Дири и Гольбаха показывает, что Марат воспринял и развил по преимуществу те взгляды французских материалистов, в которых они раскрывают антагонистический характер общественных отношений, выясняют материальные корни преступности, противопоставляют преступления, совершаемые неимущими, и преступления, совершаемые имущими. Будучи последовательным и решительным в отношении разоблачения преступлений эксплуататоров, идя в этом отношении впереди Гельвеция, Дири и Гольбаха, Марат был и менее решительным, и менее последовательным в отношении так называемых религиозных преступлений: он сохранил их в своем «Плане уголовного законодательства», тем самым отдавая дань времени или не рискуя поставить под удар предложенную им реформу уголовного законодательства.

Нужно отметить еще одну особенность уголовно-правовых взглядов Марата. Он так же, как и Гельвеций, и Гольбах, предусматривает охрану института частной собственности. Но этот институт не фигурирует у него в качестве одного из оплотов законности, и, говоря о собственности, он постоянно упоминает людей, не имеющих никакой собственности, но имеющих неотъемлемое право на более справедливое ее распределение.

Изучение уголовно-правовой теории Марата приводит к выводу, что из социалистов-утопистов XVIII века наибольшее влияние на него оказали Мабли и Мелье. Трудно сказать, в какой мере Марат был знаком с «Завещанием» Мелье — читал ли он его в рукописном издании или в тех весьма сокращенных извлечениях, которые издал Вольтер. Но сопоставление некоторых высказываний Марата о необходимости осуществить суровую расправу с врагами народа, уничтожать, истреблять тиранов и аристократов приводит к выводу, что ему был известен труд Мелье. Нельзя не отметить, что в своих дореволюционных произведениях Марат, будучи, несомненно, знаком с произведениями Морелли и Мабли, совершенно не затрагивает вопроса о социалистическом переустройстве общества, не высказывает ни за, ни против него. Но он развивает их мысли и положения о связи преступления и наказания с общественным устройством, хотя и не делает тех выводов, которые делают они; он вскрывает связь преступления и наказания с разделением общества на два противоположных класса; он обосновывает право народа на революционную борьбу с их тиранами и в этом отношении идет гораздо дальше социалистов-утопистов; он глубоко и последовательно разоблачает безнаказанные преступления тиранов и эксплуататоров, следя в этом отношении за социалистами-утопистами и развивая в еще более революционном смысле их взгляды.

ГЛАВА II. КРАТКИЙ ОЧЕРК ЖИЗНИ И НАУЧНО-ПОЛИТИЧЕСКОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ МАРАТА

Дореволюционный период. Годы революции (1789—1793 гг.) Буржуазные историки о Марате. Буржуазные юристы о Марате. Марксистская оценка научно-политической деятельности Марата. Советская литература о Марате

Биография Марата¹ делится на два резко различных периода, рубежом которых является начало Французской буржуазной революции 1789 года. При этом необходимо иметь в виду, что на первый (дореволюционный) период приходится 46 лет жизни Марата, а на второй — всего четыре года, когда кипучая революционная деятельность Марата была прервана в результате совершенного над ним террористического акта.

Жан Поль Марат (отец его носил фамилию Мара) родился 24 мая 1743 г. в швейцарском городе Будри.

Марат получил хорошее домашнее образование, много читал, изучил семь языков. Закончив учение в Невшателе, Марат уехал во Францию, где около двух лет служил воспитателем в семье богатого буржуа. В эти годы Марат получает возможность изучить труды Монтескье, Руссо и других передовых мыслителей Франции. Изучение философской и политической литературы Марат еще более расширяет после переезда в Париж, где он знакомится с трудами Дидро, Даламбера, Вольтера, Гельвеция, Гольбаха, Мабли.

Марат получает медицинское образование и вместе с тем проявляет большой интерес к изучению проблем физики. Пробыв в Париже около трех лет, Марат надолго уезжает в Англию. Занимаясь врачебной практикой, Марат одновременно развертывает обширную и разностороннюю научную деятельность, а также принимает участие и в политической жизни страны. В 1775 году он получает диплом доктора медицины.

В 1776 году Марат возвращается в Париж и занимается врачебной практикой, поступает на службу в качестве врача к брату Людовика XVI — к графу д'Артуа — будущему французскому королю Карлу X. Продолжая научную деятельность, Марат принимает участие в конкурсе на написание проекта уголовного кодекса.

В семидесятых годах Марат получает два приглашения переехать для продолжения научной деятельности — одно приглашение в Петербург, а другое — в Испанию. В своем письме, написанном в 1783 году Руму де Сен-Лорен, Марат отмечает: «...я получил от русского министра блестящее предложение приехать в Петербург..., но не входя ни в какие объяснения, я отказался: мне не подходит климат»². Предложение переехать в Петербург было сделано Марату, как он сам указывает, в связи с опубликованием его труда «О человеке». Это предложение было сделано в 1773 году (сам Марат в своем письме, датированном 1783 годом, пишет, что это предложение было сделано «одиннадцать лет тому назад»).

Марат отверг приглашение переехать в Петербург. Причиной отказа послужил, конечно, не климат, как писал Марат, а, несомненно, соображения политического характера. Марат был хорошо осведомлен о политическом режиме екатерининской России и в своем неопубликованном еще в то время «Романе сердца» подверг Екатерину II очень острой критике.

К началу революции 1789 года Марат — ученый и практик, автор значительного числа трудов по философии, медицине, физике, истории и юриспруденции. В 1793 году Марат писал по поводу своей дореволюционной научной деятельности: «Если отбросить первые годы моего детства и время, затраченное на путешествия, на медицинскую практику и на выполнение обязанностей законодателя, то окажется, что я провел всю свою жизнь в кабинете за изучением природы и за размышлениеми». Несколько дальше Марат пишет: «Мое рвение и усердие к науке всегда увенчивались довольно блестящими успехами. Этого было достаточно для возбуждения зависти. Я знаю, что ее можно ловко обезоружить, подчеркивая свою ложную скромность и льстя завистникам. Но притворство и хитрость противны моему характеру, я пренебрегал этими постыдными средствами и, не интересуясь последствиями, энергично выступал против шарлатанов, которые пользовались своей незаконно приобретенной, эфемерной репутацией, чтобы ставить мне бесчисленные преграды и мешать моему продвижению; это их еще больше раздражало и увеличило количество моих многочисленных врагов. Измученный к моменту революции преследованиями, которым меня так долго подвергала Академия наук, я с радостью воспользовался представившимся мне случаем, чтобы отбросить угнетателей и занять должное

¹ И.Степанов (Скворцов), Жан Поль Марат и его борьба с контрреволюцией, П.—М., 1919, Е.Тарле, Жан Поль Марат — друг народа («Новый мир» 1939 г. №7); А.Ольшевский, Марат, 1938; A.Bougeart, Marat, L'Ami du peuple, T.1—2, Р., 1865; F.Chevremont, Marat. Esprit politique, T.1—2, Р., 1880, Cabanes — Marat inconnu, 2 ed., Р., 1911.

² Марат, Письма, П.—М., 1923, стр.33.

место».

Для характеристики дореволюционной научной деятельности Марата представляет интерес приводимый ниже отрывок из «Проспекта» издания трудов Марата, написанный его вдовой Симонной Эврар: «Он занимался медициной и приобрел в ней большую известность, особенно в области лечения глаз, в которой достиг совершенства; он является автором многочисленных работ по философии, почти неизвестных никому, кроме ученых и писателей; он создал новую систему для объяснения света и цветов, позволившую воспринимать их чувственно и разлагающую их на составные части при помощи новых и полных изобретательности способов, что раньше лишь неясно предвиделось, притом на основе ошибочных принципов. Можно было бы удивляться тому, что он оставил такое блестящее поприще, если бы не было известно, что любовь к свободе является самой повелительной страстью добрых душ»³. Далее Симонна Эврар дает характеристику дореволюционных политических и юридических работ Марата как работ, пронизанных любовью к угнетенному человечеству и неодолимым стремлением к защите интересов трудящегося и эксплуатируемого народа.

Первым произведением, написанным Маратом в 1770—1771 годах, был «Роман сердца», при жизни автора не опубликованный. Вслед за ним Марат пишет и издает в 1772 году «Опыт о человеческой душе», который перерабатывает и издает в 1773 году в двух томах под названием «Философский опыт о человеке». Оба эти произведения были написаны по-английски. В 1775—1776 годах Марат выпускает французское издание этого труда в трех томах под названием: «О человеке, или о принципах и законах влияния души на тело и тела на душу».

Одновременно с подготовкой и изданием этого философского трактата Марат создает труд «Цепи рабства», впервые изданный им на английском языке в 1774 году. Придавая большое значение этой работе, Марат вновь издает ее на французском языке уже в разгаре революции под названием «Цепи рабства. Работа, предназначенная к раскрытию черных посягательств государей против народов, тайных пружин, хитростей, происков, уловок, государственных переворотов, которые они применяют для разрушения свободы, и кровавых сцен, сопровождающих деспотизм». Эта книга вышла в свет в 1793 году.

Продолжая перечень философских, политических и юридических работ Марата, следует назвать его «План уголовного законодательства», впервые изданный в 1780 году и в 1782—1785 годах, помещенный без указания фамилии автора в «Библиотеке» Бриссо. Два последующих издания этого труда Марата относятся уже к годам революции: при жизни Марата — в 1790 году и уже после его смерти — в 1795 году.

Наконец, необходимо отметить, что в 1785 году Марат написал труд «Похвала Монтескье», впервые опубликованный почти через сто лет.

Таков перечень дореволюционных работ Марата по философии, политике и юриспруденции.

Помимо этого, Марат публикует целый ряд работ по медицине и физике. Таковы его работы о глазах и глазных болезнях (1775 и 1776 гг.), об огне, электричестве и свете (1779, 1780, 1782, 1784, 1786, 1787, 1788 гг.).

Характеризуя свою дореволюционную научную деятельность, Марат писал: «Я опубликовал до сего дня двадцать томов как по физиологии и медицине, так и по физике и политике»⁴.

Вся дореволюционная научная деятельность Марата протекала в ожесточенной борьбе с его научными противниками, с клеветой, возводимой на него, с замалчиванием его научной деятельности. Принципиальная резкость Марата, острота его полемики, непризнание никаких научных авторитетов, новизна научной мысли, революционный характер его политических и юридических взглядов — все это обусловило враждебное отношение к Марату со стороны «официальной» науки еще в дореволюционную эпоху. Ненависть к Марату стала еще более острой, после того как Марат стал одним из выдающихся политических деятелей французской революции, выражителем революционных стремлений трудящегося и эксплуатируемого народа.

³ Марат, Памфлеты, М., 1934, стр.80 (прим.).

⁴ «Le Publiciste de la Republique Francaise» 19 mars 1793. N 147. См., например, статью Вольтера Observation sur le livre intitule «De l'homme, ou des principes et des lois de l'influence de l'ame sur le corps et du corps sur l'ame» par. J.P.Marat» («Oeuvres completes de Voltaire», 1785, t.63, pp.172—182). По этому поводу Марат писал в 1791 году в письме к К.Демуллену: «Вольтер издевался надо мной уже 24 года назад. Действительно, я припоминаю, что в 1776 году фернейский маркиз, задетый тем, что я поставил его на свое место в сочинении моем «О человеке», сделал попытку позабавить публику на мой счет. А почему бы и нет? Он позволил себе то же самое по отношению к Монтескье и к Руссо. Может быть, я ошибаюсь, но мне кажется, что нас задевают не столько обиды и иронии, сколько сознание того, что они вполне заслужены. Судите после этого, как легко примирился я с пасквилями Вольтера, видя, что ему стыдно было в них признаться и что он вынужден был изуродовать мою книгу, чтобы позабавить дураков. Да и не знаю, оказались ли бы насмешки на его стороне, если бы верный ученик его Лагарп не отказался напечатать мой ответ рядом с полемической статьей Вольтера» (Марат, Письма, П.—М., 1923, стр.139).

Против Марата ополчились и представители французского просвещения⁵. Об этом Марат писал до революции в обширном письме на имя Рума де Сен-Лорена; во время революции он выпустил брошюру под названием «Современные шарлатаны», посвященную разоблачению представителей Французской академии наук.

Несмотря на все нападки политических и научных противников Марата, ряд его работ получил весьма положительную оценку со стороны выдающихся ученых. Работа Марата об исследовании света получила высокую оценку Гете. Франклин неоднократно давал весьма положительную оценку исследований Марата в области электричества. Ряд работ Марата был премирован. Нельзя не напомнить, что Марат получил приглашения работать в России и Испании в связи с опубликованием его работ в области физики и медицины.

К началу революции Марат, 46-летний ученый, не признанный официальными научными кругами, но настойчиво отстаивающий свои политические и научные взгляды, обращает всю свою кипучую деятельность в область политики.

Весной 1789 года, когда во Франции уже создалась революционная ситуация, Марат издает брошюру «Приношение отечеству, или обращение к третьему сословию Франции», а вскоре и «Дополнение» к этой брошюре. Он призывает к переустройству Франции на демократических основах. Развивая мысли, ранее сформулированные им в «Цепях рабства», Марат объявляет сувереном всю нацию, исполнителем воли которого должен являться король. Марат считает, что третье сословие должно сыграть в этом переустройстве Франции наиболее активную роль. Он призывает народ завоевать свою свободу путем упорной борьбы с тиранией. Марат разоблачает многочисленные преступления тиранов, дворян, чиновников, крупной буржуазии и намечает конкретные меры политического, а также отчасти и экономического порядка, которые, по его мнению, могут сделать французский народ счастливым.

В конце августа 1789 года, когда в Национальном Собрании уже обсуждался проект «Декларации прав человека и гражданина», Марат опубликовывает свой проект «Декларации» и проект конституции. Развивая в этих проектах по преимуществу взгляды Руссо, Марат основное внимание уделяет обеспечению интересов неимущих, угнетенных масс и обосновывает их право на восстание против их угнетателей. Идеи, сформулированные Маратом в этих проектах, не были отражены ни в «Декларации» 1789 года, ни в Конституции 1791 года. Они получили свое частичное отражение лишь в якобинской Конституции 1793 года.

С сентября 1789 года Марат издает газету «Парижский публицист», вскоре переименованную в газету «Друг народа, или парижский публицист». «Друг народа» выходил с 16 сентября 1789 года до 21 сентября 1792 года; всего Марат издал 680 номеров этой газеты. Начиная с конца сентября 1792 года до дня своей трагической смерти Марат издает «Журнал Французской республики», позже названный «Публицист Французской республики» (вышло 242 номера).

В газетах, а также в отдельных изданиях своих брошюр и памфлетов Марат неуклонно и неустанно разоблачает преступные происки врагов народа, горячо откликается на события политической жизни Франции, призывает народ к революционной борьбе с его угнетателями, требует и обосновывает необходимость и неизбежность применения к врагам народа самых решительных мер подавления, стремится воспитать у эксплуатируемых масс чувство революционной бдительности и революционной ненависти к врагам народа.

Вся эта деятельность Марата вызывает многочисленные попытки репрессий со стороны королевской полиции и королевского суда. Марат вынужден скрываться в подполье, не пристанавливая политической деятельности и продолжая издавать свою газету. Будучи вынужденным временно покинуть из-за этих преследований Францию, Марат уезжает в Англию, где продолжает революционную деятельность. В феврале 1790 года Марат издает брошюру «Призыв к нации». В ней Марат разоблачает многочисленных врагов революции. Другая брошюра Марата «Новое разоблачение Неккера» вышла в свет в мае 1790 года. Вскоре выходит третья брошюра Марата «Письмо о судебном устройстве», в которой он развивает взгляды о наилучшей организации суда, впервые сформулированные им десять лет назад в «Плане уголовного законодательства». Следует отметить, что в 1790 году выходит новое издание «Плана уголовного законодательства», который передается им Национальному Собранию в связи с работами последнего в области создания первого французского уголовного кодекса⁶.

В середине мая 1790 года Марат возвращается в Париж и вновь окунается в кипучую революционную работу. Он публикует целый ряд статей-памфлетов, в которых продолжает с еще большей энергией и революционным пафосом призывать народ к дальнейшему углублению революции, к усилинию борьбы с угнетателями эксплуатируемых масс. В июле 1790 года Марат вновь вынужден уйти в подполье, откуда продолжает осуществлять издание своей газеты. С особой силой звучит обличительный голос Марата в связи с кровавыми событиями в Нанси, где войска жестоко расправились с восставшим народом по указке Лафайета.

⁵ Подробнее об этом см. гл. IV.

⁶ Подробнее об этом см. гл. IV.

Марат в целом ряде памфлетов разоблачает антинародную деятельность Лафайета и последовательно проводит идею массового, народного, революционного террора. Он рекомендует создать особый карательный орган — «Клуб мстителей» для борьбы с контрреволюцией.

В 1791 году Марат выступает против принятых Национальным Собранием антинародных, антирабочих законов Ле Шапелье, согласно которым запрещались под страхом наказания коллективная подача петиций и какие бы то ни было рабочие организации.

Позже Марат разоблачает политический смысл попытки бегства короля. В том же 1791 году Марат выпускает памфlet «Современные шарлатаны», в котором разоблачает антинаучную и реакционную деятельность многих ученых Французской академии и весьма остро критикует Вольтера, Дидро и Даламбера, отмечая весьма умеренный характер их политических взглядов.

В декабре 1791 года Марат вновь вынужден покинуть Францию и искать убежища в Англии в связи с новой волной преследований со стороны врагов революции. Он проводит несколько месяцев в Англии, где начинает писать труд под названием «Школа гражданина», оставшийся незаконченным.

Вернувшись в апреле 1792 года во Францию, Марат, скрываясь в подполье, устремляет свою деятельность против контрреволюционной организации короля и его приспешников, с особой силой призывая к преданию суду короля. 10 августа 1792 года король был свергнут, и Марат получил возможность выйти из подполья. С этого времени его политическая деятельность приобретает еще более целеустремленный характер — он требует применения самых суровых мер подавления по отношению к королю, его приспешникам, аристократам, крупным буржуа, спекулянтам и т.д.

При поддержке клуба якобинцев в сентябре 1792 года Марат избирается депутатом Конвента.

В январе 1793 года состоялся суд над Людовиком XVI. Марат подготовил обвинительную речь против короля для выступления. В этой речи он изобличал короля в совершении многочисленных преступлений против народа и революции и требовал смертной казни. Речь эта не была произнесена, но была опубликована Марата в виде брошюры.

Обострение борьбы между жирондистами и якобинцами вызвало новую попытку жирондистов расправиться с Маратом. Воспользовавшись тем фактом, что в начале 1793 года произошли народные волнения в Париже на почве продовольственных беспорядков и имели место отдельные эксцессы, жирондисты приписали их маратовской пропаганде и провели в Конвенте декрет о привлечении Марата к ответственности. Марат сумел скрыться от ареста, но от явки в суд на этот раз не отказался.

Дело Марата всколыхнуло огромные массы народа, вставшего на его защиту. Марат предстал перед революционным трибуналом. Он был единогласно оправдан, и оправдательный приговор был восторженно встречен революционными массами.

Марат принял самое активное участие в подготовке и проведении якобинской революции 31 мая—2 июня 1793 года и в изгнании из Конвента жирондистов.

Враги революции, убедившиеся в том, что все их попытки расправиться с Маратом оставались безуспешными, даже в тех условиях, когда якобинцы не были у власти, поняли, что старые методы их борьбы с Маратом в новых условиях являются непригодными. Они прибегают к методу индивидуального террора: рукой жирондистки Шарлотты Кордэ 13 июля 1793 года Марат был злодейски убит. Кинжал Шарлотты Кордэ пронзил Марата в то время, когда он, больной и беззащитный, принимал лечебную ванну.

Революционный трибунал приговорил Шарлотту Кордэ к смертной казни, которая состоялась при огромном стечении народных масс, с удовлетворением воспринявших это справедливое возмездие.

Сердце Марата было заключено в урну, помещенную в клубе Кордельеров. На его могиле была сделана надпись: «Здесь покоится Марат, друг народа, убитый 13 июля 1793 года врагами народа». В 1794 году прах Марата был помещен в Пантеоне. Но в 1795 году враги революции удалили его прах из Пантеона, и он был захоронен в неизвестной могиле на ныне уже не существующем кладбище. Французские революционные массы трудящихся глубоко скорбели по поводу смерти их друга.

Необходимо привести перечень наиболее значительных трудов Марата, посвященных социально-политическим и юридическим вопросам. Этот перечень составлен на основе труда Chevremont «Marat. Index du bibliophile et de l'amateur de peintures, gravures etc.». Р., 1876⁷.

Les chaines de l'esclavage. Ouvrage destine a developper les noires attentes des princes contre les peuples, les ressorts secrets, les ruses, les nienees, les artifices, les coups d'Etat qu'ils emploient pour detruire la liberte, et les scenes sanglantes qui accompagnent le despotisme, Р., 1793 (I изд. на англ. языке в 1774 г.). Offrande a la Patrie, ou Discours au tiers-etat de France, 1789.

⁷ См. также составленную им же библиографию трудов Марата во II томе монографии A.Bougeart, Marat, l'Ami du peuple, Р., 1865, p.352—440. В указанных работах Chevremont не указан труд Марата «Eloge de Montesquieu», впервые опубликованный в 1883 году.

Supplement de l'Offrande a la Patrie, ou Discours au tiers-etat de France Sur le Plan d'operation, que les deputes aux Etats Generaux doivent se proposer; sur les vices du gouvernement, d'où resulte le malheur public; sur la lettre de convocation et sur le reglement que y est annexé, P., 1789.

La Constitution, ou Projet de declaration des droits de l'homme et du citoyen, suivie d'un Plan de constitution juste, sage et libre. P., 1789.

Plan de legislation criminelle. Ouvrage dans lequel on traite des delits et des peines, de la force des preuves et des presomptions, et de la maniere d'acquerir ces preuves et ces presomptions durant l'instruction de la procedure, de maniere a ne blesser ni la justice, ni la liberte, et a concilier la douceur avec la certitude des châtiments, et l'humanite avec la surete de la societe civile, P., 1790 (I изд. 1780 г.).

Denonciation faite au tribunal public par M.Marat, l'Ami du peuple, contre M. Necker, premier ministre des finances. P., 1790.

Nouvelle denonciation de M. Marat, l'Ami du peuple, contre M.Necker, premier ministre des finances, ou Supplement a la denonciation d'un citoyen contre un agent de l'autorite, P., 1790.

Appel a la Nation, par J.P.Marat, l'Ami du peuple, citoyen du district des Cordeliers, et auteur des plusieurs ouvrages patriotiques, contre le ministre des finances, la municipalite et le Chatelet de Paris; suivi de l'expose des raisons ugentes de destituer cet administrateur des deniers publics, de purger cette corporation, et d'abolir ce tribunal, redoutables suppets du despotisme, P., 1790.

Lettre de M. Marat, l'Ami du peuple, contenant quelques reflexions sur l'ordre judiciaire.

Les Charlatans modernes, ou lettres sur le Charlatanisme academique, P, 1791.

C'en est fait de nous, P., 1790.

On nous endort, prenons-y garde, 1790.

C'est un beau reve, car au reveil, 1790.

L'Affreux reveil, 1790. Relation fidele des malheureuses affaires de Nancy, 1790.

Relation autentique de ce qui est passe a Nancy, adresse aux deputes du regiment du roi a l'Assemb'ee nationale, par leurs camarades, et observation de l'Ami du peuple, 1790.

Le general Mottie vendu par ses mouchards, ou la glorieuse expedition des vainqueurs de la Bastille, 1790.

Infernal projet des ennemis de la Revolution, 1790.

Profession de foi de Marat, l'Ami du peuple, depute a la Convention, adresse au peuple francais en general et a ses comettants en particulier, P., 1793.

Opinion de Marat, l'Ami du peuple, depute a la Convention nationale, sur le jugement de l'ex-monarque.

Discours de Marat sur la defense de Louis XVI, la conduite a tenir par la Convention, et la marche alarmante que la faction royaliste s'ef force de lui faire suivre dans le jugement du tyran detrone, P., 1792⁸.

Посмертные издания избранных произведений Марата сравнительно немногочисленны. Назовем некоторые из них:

Marat J.P. — Les pamphlets. Avec une introduction et des notes par Ch.Vellay, P., 1911.

Marat J.P. — Oeuvres, recueilles et annotees par. A.Vermorel, P., 1869.

Marat J.P. — La correspondence, recueillie et annotee par. Ch.Vellay. P 1908.

Marat J.P. — Textes choisis. Pref., comment, et notes par. C.Mosse, P., 1950.

В дореволюционной России произведения Марата вообще не переводились и не издавались. В СССР были изданы четыре сборника его трудов. Марат, Памфлеты, М, 1934. Марат, Памфлеты, М., 1937. (в нашей библиотеке <http://enlightenment2005.narod.ru/arc/marat1.pdf>) Ж.П.Марат, Письма, П.—М., 1923. (в нашей библиотеке – в 2 чч. <http://vive-liberta.narod.ru/doc/marat3.pdf>, <http://vive-liberta.narod.ru/doc/marat3-2.pdf>) Ж.П.Марат, План уголовного законодательства, М., 1951.

Знакомясь с многочисленными трудами буржуазных историков Французской революции XVIII века, советский читатель приходит к выводу, что преобладающая их масса, за очень немногими исключениями, как бы состязалась в том, чтобы оклеветать и исказить облик Марата, его политические и юридические взгляды (Тьер, Карлейль, Кинэ и др.). В этом нельзя не усмотреть выражения единого фронта реакционной буржуазной науки и политики, остро классово ненавидящих революционное прошлое трудящегося и эксплуатируемого народа, ненавидящих настоящее и будущее пролетарских масс. Буржуазии так же ненавистно имя Марата, как и название якобинцев — выразителей революционных чаяний народных масс в эпоху французской буржуазной революции XVIII века.

⁸ Приведенный перечень охватывает только некоторые из отдельно изданных работ Марата; следовательно, он не касается значительной массы газетных публикаций Марата в L'Ami du peuple и других его газетах, ссылки на которые будут даны в тексте.

Лишь крайне незначительная часть буржуазных историков, стремясь к научной добросовестности, делала попытки выяснить действительный облик Марата, раскрыть основы его политических взглядов и выяснить роль Марата в истории революции 1789—1794 годов. Таковы, например, биографы Марата — Бужар и Шевремон, историки — Матье, Олар, отчасти Л.Блан, Жорес, Кропоткин и др. Бужар и Шевремон, труды которых о Марате высоко ценил, как будет показано ниже, Энгельс, стремились раскрыть истинный облик Друга Народа, собрать и систематизировать его многочисленные труды. Но, не обладая подлинно научным методом исследования, они все же не сумели выявить действительную роль и значение Марата как представителя трудящегося и эксплуатируемого народа. Будучи «мартистами», они отдали дань культу личности Марата, чем, видимо, хотели обелить облик Марата, которого буржуазия забрасывала грязью.

В буржуазной уголовно-правовой литературе Марату уделено крайне незначительное место, во всяком случае неизмеримо меньшее, чем, например, Монтескье или Беккария⁹.

Буржуазные юристы в полной мере восприняли взгляды буржуазных историков на Марата. Для буржуазной юридической науки характерно, во-первых, замалчивание работ Марата, его роли в развитии революционной теории уголовного права и революционного уголовного законодательства эпохи Французской буржуазной революции XVIII века; во-вторых, клеветнические искажения и извращения подлинных взглядов Марата по вопросам уголовного права; в-третьих, обнаружение в большом числе случаев явного незнания уголовно-правовых работ Марата, относящихся как к дореволюционной эпохе, так и к периоду революции.

Не ставя своей целью дать исчерпывающую характеристику буржуазной уголовно-правовой литературы, приведем лишь некоторые наиболее характерные примеры.

Герц, автор обширной монографии, озаглавленной «Вольтер и французское уголовное правосудие в XVIII веке»¹⁰, указывает, что он не сумел найти работы Марата «План уголовного законодательства». Это не помешало автору присоединиться к мнению, как он пишет, Эсмена и признать работу крайне незначительной. Сам Эсмен, видимо, также не потрудился ознакомиться с «Планом» Марата и привел в качестве характеристики уголовно-правовых взглядов Марата выдержку из книги Лабулэ «Обзор курса литературы»¹¹, слова которого мы здесь воспроизводим: «Между конкурентами находились два человека, которые должны были сыграть очень большую роль в революции и которые в эту эпоху спорили о цене справедливости и гуманности: Бриссо, который будет публицистом жирондистов, и другой менее известный своей гуманностью человек — Марат. Этот последний издал свою работу в 1781 году и опубликовал ее в Париже в 1790... Эта работа — редкая посредственность» (стр.782—783). Далее Лабулэ произносит дифирамбы в адрес Бриссо в связи с его работой «Теория уголовных законов». Из приведенной выдержки видно, что Лабулэ не очень тщательно ознакомился с «Планом» Марата и даже допустил фактическую неточность, отнеся первое издание «Плана» к 1781 году. Во всяком случае какой-либо аргументации по поводу своего суждения Лабулэ не привел. Следую отметить, таким образом, что претендующий на научную эрудицию и добросовестность Эсмен в своем объемистом труде «История уголовного процесса во Франции» счел возможным не ознакомиться с книгой Марата, а ограничился лишь приведенной ссылкой на Лабулэ. Такое замалчивание Марата у Эсмена сочетается с весьма подробным очерком уголовно-правовых взглядов множества второстепенных криминалистов XVIII века¹². В другом обширном исследовании Эсмена «Элементарный курс истории французского права в 1789—1814 гг.»¹³ вовсе не отражена роль Марата в истории уголовного права французской революции, и в этой связи его имя даже не упоминается.

Другой исследователь французской юстиции эпохи революции 1789 года — Эдмонд Селигман в своем объемистом труде «Юстиция во Франции во время революции 1789—1792» ограничивается легковесным замечанием об уголовно-правовых взглядах Марата: он считает историческим курьезом, что Марат до революции выступил конкурентом на соискание премии в области разработки законов, соразмеряющих преступления и наказания, в последующие

⁹ Укажем на некоторые работы, в которых затрагивается и освещается уголовно-правовая теория Марата. Herz — Voltaire und die französische Strafrechtspflege in XVIII Jahrhundert, 1887; Desjardin, Marat — criminaliste, A.Esmein, Histoire de la procedure criminelle en France, 1882, Seligman, La justice en France pendant la Revolution (1791—1793), 1913 Уголовно-правовая теория Марата освещается в упомянутых выше монографиях Бужара и Шевремона о Марате. В русской дореволюционной уголовно-правовой литературе теория Марата освещена Чубинским в «Очерках уголовной политики» (1905 г.). М.Н.Гернет в своей работе «Общественные причины преступности» (1905 г.) дал оригинальное освещение уголовно-правовой теории Марата, существенным образом отличающееся от буржуазного истолкования этой теории.

¹⁰ «Voltaire und die französische Strafrechtspflege in XVIII Jahrhundert», 1887, p.448.

¹¹ M.Laboulave, Revue des Cours littéraires, t.II, 1864—65. ⁸ A.Esmein, Histoire de la procedure criminelle en France, 1882, pp.329—396.

¹² A.Esmein, Precis elementaire de l'histoire du droit français de 1789 à 1814, 1911.

¹³ A.Esmein, Histoire de procedure criminelle en France, 1882, pp.329-296.

революционные годы отнюдь не являясь носителем идей гуманизма и милосердия¹⁴. Правда, во втором томе своего труда Селигман, рассматривая развитие французской юстиции в 1791—1793 годах, уделяет Марату несколько большее внимание, но делает это крайне тенденциозно и в высшей степени поверхностно¹⁵.

В буржуазной литературе лишь Бужар и Шевремон, стремясь восстановить истинный облик Марата, систематически излагают наряду с другими работами Марата и его уголовно-правовые исследования, но основное внимание уделяют показу «просветительской стороны» взглядов Марата, оставляя в тени их революционную сторону.

Следует отметить, что Г.Кунов в монографии «Борьба классов и партий в великой французской революции» идет по стопам большинства буржуазных историков и юристов и дает совершенно неправильную характеристику уголовно-правовых работ Марата¹⁶. Характеризуя уголовно-правовые взгляды Марата, Кунов пишет: «В работах Марата нет никакого следа идей развития и не заметно понимание экономических условий жизни. В них нет ничего, кроме чисто рассудочных субъективных соображений, которые мы находим в сотне других работ того же периода. В такой же мере бесконечно далек Марат от бурного революционизма и в своем «Плане уголовного законодательства», впервые появившемся в 1780 году. По своим основным воззрениям эта книга опирается на «Общественный договор» Руссо. Марат заявляет в ней, что общество обязано заботиться о неспособных к труду, и потому требует мягких наказаний за кражу, если таковая совершена из нужды. Кражи из-за голода следует даже оставлять совсем безнаказанными.

Однако Марат стремится к тому, чтобы бедным не просто оказывали поддержку: их следует ставить на работу в больших, хорошо устроенных национальных мастерских. В дальнейшем он обосновывает право народов не подчиняться произвольным тираническим законам монархов и требует полной свободы вероисповедания, однако с тем ограничением, что атеистам возбраняется публично пропагандировать атеизм. Как только они попытаются находить прозелитов, их следует сажать под арест» (стр.426). В этой характеристике «Плана уголовного законодательства» выпали основные мысли и положения Марата: разоблачение им классовой сущности уголовного права, разоблачение безнаказанных преступлений, совершаемых представителями господствующих классов, требование беспощадной репрессии по отношению к врагам свободного народа. Кунов своей характеристикой Марата превратил его в того самого «дюжинного» популяризатора просветительской доктрины, о чем постоянно твердят буржуазные юристы.

Русская дореволюционная уголовно-правовая литература в своем отношении к Марату за немногими исключениями следовала по тому же пути замалчивания или искажения уголовно-правовой теории Марата.

В обширном учебнике уголовного права Кистяковского¹⁷ делается глухая ссылка на автора «Плана уголовного законодательства» без упоминания его фамилии и с приведением одной цитаты по изданию «Плана» 1790 года.

Сравнительно подробно остановился на характеристике Марата Чубинский. В «Очерках уголовной политики» Чубинский отмечает, что труд Марата «План уголовного законодательства» получил в высшей степени разнообразную оценку. Далее Чубинский отмечает, что «изучение этой работы приводит к убеждению, что более 3/4 работы Марата совершенно не отличается самостоятельностью мысли и весьма часто, без указания источника, содержит в себе повторение, иногда почти дословное, мыслей Монтескье и особенно Беккариа и Вольтера»¹⁸. К такому выводу Чубинский приходит на основе сопоставления взглядов Марата и указанных авторов по следующим вопросам: 1) невозможность создания годного для всех времен и народов кодекса; 2) необходимость сообразоваться при издании уголовных законов с территорией, нравами и культурой; 3) недопустимость произвола и жестокости наказаний; 4) недопустимость варварского обращения с подсудимыми; 5) необходимость издания простых и ясных законов; 6) необходимость подчинения судьи закону; 7) оценка действующего уголовного законодательства; 8) необходимость установления гуманных наказаний; 9) необходимость установления религиозной терпимости и т.д. (стр.228, прим.).

Чубинскому хорошо было известно, что вся литература по уголовному праву XVIII века была посвящена развитию и обоснованию этих и подобных им взглядов, и что не представляется возможным установить приоритет какого-либо из мыслителей в решении этих вопросов. Однако Чубинский, следуя за своими западноевропейскими собратьями, стремится подчеркнуть

¹⁴ E.Seligman, *La justice en France pendant la Revolution (1789—1792)*, 1913, p.97.

¹⁵ См. стр.39, 42, 104, 224, 229, 230, 233, 263, 277, 312, 315, 367, 417, 420, 439, 502.

¹⁶ Нельзя не отметить, что Кунов, делая обзор литературы о Марате, приписывает Шевремону «большое исследование» под названием «Marat inconnu». Между тем это «большое исследование» было написано не Шевремоном, а доктором Cabanes.

¹⁷ Кистяковский, Элементарный учебник общего уголовного права, 1881, стр.21.

¹⁸ Чубинский, Очерки уголовной политики, 1905, стр.287—288.

несамостоятельность взглядов Марата.

Стремясь создать видимость научной объективности и беспристрастия, Чубинский далее пишет о Марате: «в том немногом, которое есть плод его личного творчества, нельзя не отметить таланта, энергии и оригинальности» (стр.228). Тщательно выхолащивая все действительно новое, оригинальное, революционное, содержащееся в «Плане» Марата, Чубинский «причесывает» его взгляды применительно к традиционной либерально-буржуазной характеристику уголовно-правовых взглядов умеренных просветителей XVIII века. Марат, указывает Чубинский, уделил большое внимание предупреждению преступлений, широкой организации общественного образования и воспитания, общественных ссудных касс, подробно рассмотрел вопрос о причинах преступности, особо обратил внимание на женскую преступность, при рассмотрении которой «Марат становится истинно красноречивым». Марат, продолжает Чубинский, внес ряд уголовно-процессуальных предложений, в значительной мере являющихся простым заимствованием у других авторов, а также рассмотрел и тюремный вопрос. В этой характеристике взглядов Марата совершенно искажено подлинное содержание революционной теории Марата.

Чубинский не ограничился характеристикой «Плана» Марата, а, кроме того, высказал несколько весьма поверхностных и в высшей степени типичных для буржуазного ученого суждений об уголовно-правовых взглядах Марата в годы революции.

Приведенные выдержки из «Очерков уголовной политики» Чубинского в высшей степени ярко вскрывают классовую подоплеку буржуазных суждений о Марата. Они вместе с тем являются иллюстрацией той завесы лжи и клеветы, нарочитого непонимания и незнания уголовно-правовых взглядов Марата, которые присущи буржуазным историкам и правоведам.

Упоминание «Плана» Марата с эпитетом «известного мрачного героя первой республики» содержится в работе Белогриц-Котляревского «Преступления против религии в важнейших государствах Запада» (1886 г.). Автор освещает взгляды Марата о религиозной терпимости и отмечает известную оригинальность этих взглядов (стр.262—263).

Принципиально иначе, чем Чубинский и другие буржуазные юристы, подошел к освещению, и оценке уголовно-правовой теории Марата М.Н.Гернет в своей работе «Общественные причины преступности» (1906 г.). М.Н.Гернет сделал попытку раскрыть революционный характер уголовно-правовой теории Марата. Свою оценку Марата М.Н.Гернет развил и углубил уже в советское время¹⁹.

Какова же марксистская оценка Марата, его личности, его действительной роли в развитии Французской буржуазной революции XVIII века?

Характеризуя политическую деятельность Марата, Энгельс писал: «Когда я прочитал впоследствии книгу *Бужаро о Марате*, я увидел, что мы во многих отношениях бессознательно подражали великому образцу подлинного (не фальсифицированного роялистами) «Друга народа» и что все яростные вопли и вся фальсификация истории, в силу которой в течение почти столетия был известен лишь искаженный облик Марата, объясняются только тем, что он безжалостно срывал маску с тогдашних кумиров — Лафайета, Байи и других, разоблачая в их лице уже законченных изменников революции, и тем еще, что, подобно нам, он не считал революцию завершенной, а хотел, чтобы она была объявлена непрерывной»²⁰.

Эти слова Энгельса определяют отношение революционного марксизма к Марату. В приведенной выдержке Энгельс, во-первых, говорит о великом примере подлинного Друга Народа — Марата; во-вторых, он указывает, что Марат безжалостно разоблачал врагов народа; в-третьих, он подчеркивает, что Марат стремился к непрерывному развитию революции, не считая ее завершенной в период завоевания власти буржуазией; в-четвертых, Энгельс признает, что он и Маркс в период революции 1848 года во многом бессознательно подражали Марату; в-пятых, Энгельс указывает, что в течение столетия буржуазия сознательно искажает подлинный облик Марата, фальсифицирует историю, следуя за роялистами эпохи первой Французской революции; в-шестых, Энгельс разоблачает классовую подоплеку яростных воплей против Марата и фальсификацию Марата, господствующую в буржуазной литературе.

В советской литературе правильную марксистскую оценку Марата дал И.И.Скворцов-Степанов в своей работе «Жан Поль Марат и его борьба с контрреволюцией», вышедшей впервые в 1918 году: «...рабочий класс имеет все основания считать Марата одним из тех людей, которые в 18-м веке начали возвышаться до сознания и до сознательного отстаивания пролетарских интересов» (стр.4). И.И.Скворцов-Степанов справедливо отмечает, что Марат слил свою жизнь с жизнью трудящегося и эксплуатируемого народа и очень ярко выражал интересы и настроения народных масс. Характеризуя Марата, И.И.Скворцов-Степанов указывает, что он «поразительно

¹⁹ Взгляды М.Н.Гернета освещены ниже.

²⁰ К.Маркс и Ф.Энгельс. Избранные произведения, т.II, стр.317. См. также К.Маркс и Ф.Энгельс, Соч, т.27, стр.533: «Затем имеется очень хорошая книга Бужара «Жан-Поль Марат — друг народа»; есть еще и другая, как будто хорошая книга о Марате — я забыл только фамилию автора, она начинается на Ш.». Энгельс имеет в виду книгу Шевремона.

близко подходит к уразумению той борьбы общественных классов, которая привела к французской революции и определила ее развитие. В этом смысле его можно считать одним из предшественников Маркса и Энгельса» (стр.23).

Встав безоговорочно на защиту интересов эксплуатируемых масс, Марат отражал чаяния и интересы этих масс, был близок и понятен им. Он стремился организовать, сплотить массы в их героической борьбе с угнетателями. Он воспитывал массы в духе революционной бдительности, в духе ненависти к эксплуататорам. Он разоблачал козни врагов народа и звал народ к беспощадной борьбе с врагами революции. Академик Е.Тарле в своей статье «Жан Поль Марат — друг народа» весьма точно определяет основной идеиный смысл статей и памфлетов Марата: «Во-первых, каждая такая кампания, каждое разоблачение должны быть не только уничтожающими для данного лица, но и должны быть непременно поставлены в связь с теми или иными общими недостатками политической машины, или существующих законов, или проводящейся в данный момент политической линии; во-вторых, статья должна кончаться определенным указанием на необходимые «санкции», т.е. на то, что должны делать в данном случае читатели. Народ должен завтра же всей массой двинуться к зданию суда и войти в зал. Народ должен схватить негодяя Эстьена. Народ должен снести голову Лафайету. Народ должен подойти к Конвенту и потребовать ареста жирондистских изменников»²¹.

Марат не обладал — и не мог еще обладать — знанием подлинных законов общественного развития. Его мировоззрение не могло не быть исторически ограниченным в условиях, когда пролетариат только лишь выходил на историческую арену и не осознал еще полностью своих классовых интересов.

Но Марат явился одним из первых мыслителей-революционеров, который сумел возвыситься до понимания различия классовых интересов трудящегося и эксплуатируемого народа, пролетарских и полупролетарских масс и классовых интересов буржуазии.

В этой связи необходимо привести еще одну выдержку из уже цитированной статьи академика Е.Тарле: «Публицистическая сила Марата заключалась в глубочайшей его убежденности в том, что он открыл секрет спасения революции: ему в самом деле казалось, что реакция вовсе не располагает какими бы то ни было силами в населении, что главное несчастье не в силе контрреволюционного напора, но в преступной слабости обороны революции. И не в том дело, что мэр Баллы, или начальник национальной гвардии Лафайет, или впоследствии жирондистские министры по неумелости или по трусости, или по вялости темперамента не наносят врагам революции достаточно сильных ударов, а в том, что они сами — враги революции, и притом более страшные, чем королева Мария-Антуанетта или граф Артуа, так как их принимают за защитников революционного народа. Революция несокрушима для внешних ударов, но она должна беспощадно, огнем и мечом, покончить с внутренней язвой, истребить контрреволюционеров, какими бы кличками они ни прикрывались, казнить изменников, в каком бы наряде они ни появлялись. Страстная убедительность статей и памфлетов Марата происходила еще и от того непогрешимого чувства реальности, которое их пронизывало.

Когда Марат говорил, что не только какой-нибудь отдельный человек — Неккер или Мирабо, или Клермон Тоннер, или Малуэ, или Ларошфуко — изменник, но что весь класс, к которому он принадлежит, или интересы которого он защищает, уже изменил революции или готов ее продать, ему слепо и безусловно верили, потому что его аргументация основывалась на осозаемых и неопровергимых фактах» (стр.192).

Пролетарская оценка Марата прямо противоположна буржуазной оценке его. Для буржуазной исторической науки характерен культ личности. И как бы отрицательно ни относились к Марату буржуазные историки, они по существу отражали этот культ личности. Они рассматривают Марата как личность исключительную, чьи отрицательные качества, щедро ему приписываемые буржуазией, определили собой поведение масс «толпы», «черни» во время революции. Рассматривая жизнь и деятельность Марата вне конкретно исторических условий ожесточенной классовой борьбы эпохи победы и утверждения капитализма, буржуазные историки сводили революционную деятельность Марата к осуществлению его честолюбивых замыслов, к «патологическим» чертам его характера, к «прирожденной» жестокости и т.д. Развивая эту антинаучную, реакционную линию, Ломброзо, как известно, в своем атласе прирожденного преступника поместил наряду с другими революционерами портрет Марата.

Культ личности проявился и в деятельности так называемых маратистов — в эпоху, когда подобный культ создавался вокруг ряда выдающихся деятелей Французской буржуазной революции XVIII века.

Марксизму чужд какой бы то ни было культ личности, противопоставление «героев» и «толпы». Характеризуя вождей Французской буржуазной революции XVIII века, говоря о «настоящих якобинцах» — якобинцах 1793 года, Ленин не раз указывал, что они были якобинцами с народом, с революционным большинством народа, с революционными передовыми классами

²¹ 1939 г. № 8, стр.188.

своего времени²².

Сила и историческое значение Марата, как и некоторых других вождей трудящегося и эксплуатируемого народа в условиях революции 1789—1794 годов, состояла в том, что он всегда был с народом, всегда в годы революции стоял на защите интересов трудящегося и эксплуатируемого народа. Марат сумел отразить и выразить насущные интересы широких народных масс. Он был действительным Другом Народа и таким вошел в историю.

В советской уголовно-правовой литературе теория Марата до сих пор не была полностью исследована. Однако в ряде работ советских криминалистов уголовно-правовые взгляды Марата получили некоторое освещение²³.

Проф. М.И.Гернет явился первым советским криминалистом, обратившим внимание на уголовно-правовую теорию Марата. В статье «От Томаса Мора до УК» М.Н.Гернет писал: «Листовки «Друга Народа» появились впервые в печати через десять лет после того, как их автор был премирован в Швейцарии за свой труд «План уголовного законодательства». Он никак не мог думать, что так быстро превратится из теоретика в практика, что станет у руля законодательства и правительства революционной Франции. Со страниц «Друга народа» мы слышим иные призывы, нежели со страниц «Плана уголовного законодательства», но последний и писался автором не для страны «великой революции»^{23a} (стр.18). Мысль проф.Гернeta о том, что уголовно-правовые взгляды Марата во время революции стали иными, нуждается в уточнении. Конечно, взгляды Марата не оставались и не могли оставаться неизменными.

Развитие и обострение классовой борьбы содействовало развитию и углублению уголовно-правовой теории Марата. Но и во время революции он последовательно развивает свои основные взгляды на уголовное право и нередко для подкрепления выдвигаемых положений сам ссылается на свой «План». В своем исследовании взглядов Марата проф.Гернет справедливо считал, что наибольший интерес в «Плане» Марата «представляет его защита интересов неимущего класса» (стр.29). Характеризуя «План», проф.Гернет подчеркивает следующие вопросы:

«План» Марата писался для свободных граждан; действующие законы Марат рассматривает как тиранические и дает острую критику социального строя; Марат идет значительно дальше Беккарии, требуя снижения наказания для неимущих, посягнувших на частную собственность; в своих взглядах на отдельные преступления Марат вполне оригинален и смел; Марат требует суровых наказаний для представителей господствующих классов, совершающих преступления; Марат проводит разграничение политической и юридической оценки заговоров против государства в условиях, когда народ еще не свободен, и в условиях, когда народ уже освободился от своих угнетателей.

«В этих словах уже слышен голос Марата, раздававшийся потом со страниц его журнала «Друг народа» и в Конвенте с требованием казни короля», справедливо замечает проф.Гернет (стр.27). Характеризуя уголовно-правовые взгляды Марата, проф.Гернет подробно рассматривает составы преступлений и меры борьбы с ними, предложенные Маратом в его «Плане».

Из изложенного видно, что проф.Гернет в цитированной статье подошел к исследованию и оценке уголовно-правовой теории Марата с совершенно отличных от буржуазных юристов позиций и приблизился к более правильному освещению подлинной роли Марата в развитии революционной теории уголовного права XVIII века. Правда, эта характеристика все же не может быть признана полной, ибо вне поля зрения автора остались взгляды Марата, развитые им в годы революции, но проф.Гернет ограничил свою задачу лишь освещением «Плана уголовного законодательства».

Менее удачна попытка проф.П.Люблинского осветить взгляды Марата, и в особенности его влияние на развитие ...русского уголовного законодательства екатерининских времен. Мы имеем в виду вторую часть работы проф.П.Люблинского «Уголовно-правовая охрана частной собственности в период образования капитализма», опубликованную в третьей книге «Проблемы социалистического права» в 1938 году.

²² См. В.И.Ленин, Соч., т.24, стр.495.

²³ См. М.Н.Гернет, От Томаса Мора до УК, «Проблемы преступности» 1928 г., т.III; П.И.Люблинский, Уголовно-правовая охрана частной собственности в период образования капитализма, «Проблемы социалистического права», т. III, 1938, Краткое изложение уголовно-правовых взглядов Марата содержится в коллективном учебнике «Уголовное право. Часть общая», М., 1948 (автор данного раздела проф.Б.С.Утевский); в учебнике проф.А.Герцензона «Уголовное право. Часть общая», 1948; в брошюре А.Герцензона «К изучению истории уголовно-правовых теорий XVIII—XIX вв.», 1947; А.Герцензон, Предисловие к русскому переводу «Плана уголовного законодательства Марата», М., 1951.

^{23a} В приведенной цитате содержится досадная неточность: Марат, как известно, не получил премии на конкурсе в Берне.

* В нашей библиотеке фрагмент работы М.Н.Гернeta «Смертная казнь и общественное мнение» (<http://vive-liberta.narod.ru/biblio/gernet-rob.pdf>).

Оставляя в стороне ряд неточностей и погрешностей фактического порядка (о них будет сказано особо), отметим, что проф.Люблинский не усмотрел никаких принципиальных, политических, классовых различий между уголовно-правовыми взглядами Марата, с одной стороны, и взглядами идеологов идущей к власти буржуазии — с другой. У проф.Люблинского в одном ряду фигурируют Мор, Беккариа, Радищев, Монтескье, Руссо, Фридрих II, Екатерина II, Марат, Робеспьер, Бриско, Вольтер и т.д. Все они рассматриваются проф.Люблинским в качестве носителей одних и тех же «просветительных идей» XVIII века. Этот ненаучный, аполитичный, чисто объективистский подход автора к оценке различных по своим классовым истокам теорий и привел его к постановке абсурдной по своему содержанию задаче — показать влияние «Плана» Марата на екатерининское законодательство.

Упомянутая работа проф.Люблинского по сути дела продолжила в советской литературе старую чисто буржуазную линию искажения подлинного содержания уголовно-правовой теории Марата.

В данном случае это искажение состояло в превращении Марата в дюжинного сторонника «чисто» просветительных взглядов на уголовное право.

В советских учебниках по уголовному праву до 1948 года фамилия Марата даже не упоминалась, хотя в этих же учебниках весьма подробно излагались взгляды Монтескье, Беккариа и других мыслителей XVIII века. Лишь в четвертом издании коллективного учебника «Уголовное право. Часть общая», написанном группой ученых Всесоюзного института юридических наук и опубликованном в 1948 году, Марату было уделено несколько строк. В учебнике указывалось, что «выдающийся деятель Французской революции XVIII века Марат» был, так же как и Беккариа, демократом. В учебнике далее скжато освещается взгляд Марата на классовую природу уголовных законов, на тиранический характер феодального уголовного права, на необходимость смягчения наказания лиц, происходящих из несостоятельного класса и совершивших посягательство на частную собственность. Этими немногими и крайне неполно характеризующими теорию Марата положениями учебник ограничивает освещение уголовно-правовых взглядов Марата.

В вышедшем в 1950 году «макете» учебника «Советское социалистическое уголовное право» без каких бы то ни было изменений повторена приведенная характеристика уголовно-правовой теории Марата. Но в новом издании учебника «Советское уголовное право. Часть общая» (1952 г.), написанном тем же самым коллективом, вновь оказалась полностью исключенной характеристика уголовно-правовых взглядов Марата и даже упоминание его имени, хотя имена Беккариа, Монтескье и Вольтера в нем упомянуты.

Говоря о работах автора этих строк, следует отметить, что в первом издании учебника «Уголовное право» (1944—1946 г.) автор вообще не упоминал имени Марата. Во втором издании этого учебника (1948 г.) в том же издании, а также в брошюре и статье, посвященной изучению истории уголовных теорий XVIII—XIX веков, делается попытка некоторого, далеко не полного, освещения взглядов Марата по вопросам уголовного права.

В учебнике автор ошибочно рассматривает уголовно-правовые взгляды Марата в едином плане «прогрессивно-гуманистического направления в науке уголовного права», к которому автор отнес всех прогрессивных мыслителей XVIII века, касавшихся вопросов уголовного права. Выделяя Марата как мыслителя, который раскрыл классовую природу уголовного права, автор вместе с тем считал, что «общие принципы уголовного права, которых придерживался Марат, совпадали с принципами Беккариа» (стр.35).

Несколько раньше, в 1947 году, была издана брошюра автора этих строк под названием «К изучению истории уголовно-правовых теорий XVIII—XIX вв.». В ней содержатся аналогичные положения о Марате и вместе с тем подчеркивается, что «он являлся наиболее революционным, наиболее прогрессивным в своих уголовно-правовых идеях по сравнению с плеядой теоретиков уголовного права XVIII века на Западе» (стр.22).

В заключение следует отметить, что в 1951 году Издательством иностранной литературы впервые на русском языке был опубликован полный перевод «Плана уголовного законодательства»²⁴.

Советская уголовно-правовая наука, как и советская историческая наука, подходит к оценке революционной теории Марата с позиций, прямо противоположных буржуазной науке. Однако, как это яствует из приведенного обзора, до сих пор советская юридическая наука не уделила должного внимания уголовно-правовой теории Марата, и в ее оценке были допущены ошибки.

A. A. Герцензон

УГОЛОВНО-ПРАВОВАЯ ТЕОРИЯ Жана Поля МАРАТА

М.: Государственное издательство юридической литературы. 1956

²⁴ Марат, План уголовного законодательства, М, 1951, перевод Н.С.Лапшиной, под общей редакцией и предисловием проф.А.А.Герцензона. *Vive Liberta и Век Просвещения, 2009*

ГЛАВА III. УГОЛОВНО-ПРАВОВАЯ ТЕОРИЯ МАРАТА В ДОРЕВОЛЮЦИОННЫЙ ПЕРИОД

Первые высказывания Марата по уголовному праву. Подготовка «Плана уголовного законодательства». Вопросы общей части уголовного права в «Плане». Вопросы особенной части уголовного права в «Плане». Вопросы судоустройства и судопроизводства в «Плане». «План» Марата и прогрессивные уголовно-правовые теории XVIII века

Первые высказывания Марата по уголовному праву содержатся в его «Романе сердца», написанном в начале семидесятых годов XVIII века, но впервые опубликованном лишь в 1847 году. В этом романе Марат, освещая общеполитические проблемы, затрагивает и вопросы уголовного права: он разоблачает преступления, совершаемые тиранами против народных масс, резко критикует тиранические, антинародные законы, осмеивает тех «просвещенных монархов» — Екатерину II, Фридриха II, — в адрес которых расточались Вольтером, Даламбером и Диdro неумеренные дифирамбы.

Марат разоблачает «всю чудовищность законов, которые ради горстки частных лиц лишают столько миллионов людей естественного права быть свободными и назначают цену за их жизнь»¹. Он разоблачает кровавую, террористическую политику государей, которые, издаваясь над человеческой природой, стремятся к тому, чтобы гибли народные массы, чтобы они утопали в крови, изнемогали в оковах, умирали от голода. Государи должны были быть исполнителями законов. Но они предпочли стать над законами и превратили своих подданных в рабов. В этом разоблачении безнаказанных преступлений тиранов, совершаемых против народа, нельзя не усмотреть начала той принципиальной линии, которую Марат последовательно проводит в своей последующей научной и политической деятельности — разоблачения преступлений врагов народа на основе революционного правосознания.

В «Романе сердца» Марат дает острую критику политики Екатерины II и, в частности, предполагавшихся «реформ» в области уголовного права. Марат отмечает, что Екатерина II поощряла некоторые отрасли искусства и внесла оживление в торговлю, но она ничего не предприняла для улучшения жизни народа и «содействовала лишь его разорению, лишая земли земледельцев при помощи принудительных наборов и вырывая у остающихся тощие плоды их трудов для удовлетворения тщеславия и любви к пышности» (стр.90).

Рассматривая «реформы» Екатерины II в области уголовного права, Марат очень остро и метко разоблачает лживость и лицемерие, проявленные Екатериной при подготовке реформы, наглядно показывает действительную жестокость ее политики и ничтожность пресловутых «екатерининских реформ».

Характеризуя эти реформы, Марат пишет: «По ее повелению было составлено новое уложение, но позаботилась ли она о торжестве законности? Не остается ли она всемогущей вопреки законам? И основано ли само новое уложение на справедливости? Соразмерна ли в нем кара с преступлением? Не предписывает ли оно попрежнему ужасающие казни за малейшие провинности? Ввела ли она регламенты для очищения нравов, предупреждения преступлений, защиты слабого от сильного? Учредила ли она суды для наблюдения за исполнением законов и защиты частных лиц от посягательства правительства?» (стр.90). Уже из характера этих вопросов видно отношение Марата к екатерининским реформам. Несколько дальше он пишет о том, что подданные Екатерины попрежнему остаются ее рабами, на которых она продолжает воздействовать страхом наказаний за малейшие провинности и которые своим нищенским существованием обслуживают ее жадность и честолюбие.

Не менее острой является критика Фридриха II, содержащаяся в «Романе сердца».

В этом произведении Марат не возлагает никаких надежд на «просвещенных монархов», на их обещания реформ. Марат вкладывает в уста одного из героев романа слова, полные ненависти к тиранам: «Нужно подрубить самый корень. Нужно указать народу на его права и добиться, чтобы он потребовал их возвращения ему: нужно вложить ему в руки оружие, захватить по всему королевству мелких тиранов, угнетающих его, ниспровергнуть чудовищное здание вашего правительства, учредить новое на основе справедливости так, чтобы все части его правильно уравновешивали друг друга. Это единственный способ установить внутри этой прекрасной страны мир, единение, свободу, изобилие вместо раздоров, рабства и голода, опустошающих ее» (стр.97).

В «Романе сердца» Марат, не называя имен Вольтера, Диdro и Даламбера, весьма метко и остро характеризует их отношение к Екатерине II. Он пишет: «Ей льстят, делают вид, что обожают ее, трепещут от всякого ее взгляда, — вот ее особые привилегии, а ее права на общественное уважение — это безграничная жажда восхвалений. Полноте! Она сама отдала себе должное: не дожидаясь, чтобы публика создала ей славу, она наняла продажные перья, которые поют ей хвалу» (стр.93). Следует отметить, что значительно позже, в 1791 году Марат вновь говорит об

¹ Марат, Памфлеты, М., 1934, стр.94.

этом. В работе «Современные шарлатаны» Марат пишет: «Разве Фридриха II, несмотря на его гениальность, не дурачили всю жизнь Вольтер, Даламбер и другие? Не была ли одурачена Екатерина Алексеевна Даламбером и Дидро? Не обманывают ли ее еще и теперь Мармонтель и Кондорсе?» (стр.521). Идя вразрез со взглядами поклонников «просвещенных монархов», Марат в своем романе затрагивает и такой «щекотливый вопрос», как восшествие на престол Екатерины II. Он вкладывает в уста своих героев намек на те редкие добродетели, «которые возложили корону на ее голову» и которые являются пятном «на прекрасной картине, которое следовало бы стереть губкой».

В «Романе сердца» вопросы уголовного права были лишь затронуты в общей форме. Но и то немногое, что было сказано Маратом по этому поводу, представляет значительный интерес, так как характеризует смелость мысли Марата, революционную постановку вопроса о законности и безнаказанных преступлениях тиранов, его решительное несогласие с просветителями XVIII века о роли «просвещенных монархов».

В 1774 году Марат опубликовывает в Лондоне на английском языке свой труд под названием «Цепи рабства». Придавая большое политическое значение этой работе, Марат переиздает ее на французском языке в марте 1793 года.

Уже из самого названия книги видно ее содержание, ее политическая направленность. Разоблачая источники и причины несправедливости, неравенства, несчастья народа, веками притесняемого тиранами, Марат имел в виду установить принципы, которые должны быть положены в основу справедливой организации общества, и определить пути достижения этой цели. В «Цепях рабства» Марат довольно широко затрагивает и вопросы уголовного права и суда.

Будучи горячим сторонником идей Руссо, Марат развивает их применительно к теме своего труда. До тех пор, пока земля была распределена между людьми поровну, каждый имел равные потребности и равные средства к их удовлетворению. В связи с этим люди находились между собой в одинаковых отношениях и пользовались свободой. Но вскоре начались грабежи и разбои, проявились пороки людей. Земля перешла в руки незначительной кучки узурпаторов. Это привело к тому, что богатства сконцентрировались в руках немногих и вместо свободных и счастливых людей общество распалось на господ и рабов. Государи, используя это деление общества на господ и рабов, еще более усиливают рознь между людьми, часть из которых обладает могуществом и привилегиями, а другие лишены всего этого. Былое равенство сменяется неравенством, массы народа становятся несчастными, в обществе царит антагонизм между низшими и высшими классами. «Повсюду высшие презирают низших, низшие ненавидят высших; лучше сказать, всегда те, кто принадлежит к какому-нибудь классу, презирают тех, кто принадлежит к другому классу»².

Необходимо отметить, что в «Цепях рабства» Марат разоблачает преступления и пороки не только государей, их приспешников, государственных чиновников, но с особой силой обрушивается на крупную буржуазию, на торговцев и спекулянтов.

Торговля, указывает Марат, вызывает всевозможные пороки — пьянство, стремление к роскоши, чванство, распутство и т.д. Торговля создает космополитов: «настоящий купец является гражданином мира», у которого «родиной является та страна, где он лучше всего устраивает свои дела», и «любовь к свободе гаснет в нем вместе с любовью к родине» (стр.140). Торговля и концентрация богатств в руках кучки спекулянтов обусловливают преступления: люди стремятся обмануть друг друга, в обществе процветает мошенничество, обман, фальсификация продуктов питания, ростовщичество и другие отвратительные преступления. «Шайка спекулянтов, как и товарищества торговцев, капиталистов, откупщиков, ростовщиков, скупщиков, биржевых маклеров, ажиотов, бездельников, вымогателей, вампиров и кровопийц народа находятся обычно во всех странах в тесной связи с правительством и становятся его самыми ревностными сообщниками» (стр.143).

Крайнее неравенство распределения богатств приводит к тому, что народ попадает в рабство кучки людей, и это обуславливает образование в больших городах двух классов: «один из них прозябает в нищете, а другой изобилует излишками; последний является владельцем всех средств угнетения, а первый лишен всех средств защиты» (стр.143).

В таком обществе царят пороки и преступления, совершаемые господствующими классами. Последние живут «исключительно грабежами, вымогательством и разбоем».

Характеризуя мораль и нравственность класса угнетателей, Марат указывает, что самые обычные понятия и представления у него чудовищно извращаются. По этому поводу Марат пишет: «Никогда не называть вещи их собственным именем. Монархи, их министры, их агенты, их льстецы, их прислужники называют «искусством править» уменье истощать народ, выставлять роскошь напоказ, уменье всюду вызывать страх; «политика» — постыдное искусство обманывать людей; «правительство» — подлое господство тирании; «прерогативы короны» — права, отнятые у самодержавного народа; «королевское могущество» — абсолютная власть; «щедрость» —

² Марат, Памфлеты, М., 1934, стр.112.

— гнусная расточительность; «повинование» — рабство; «верность» — рабское подчинение произволу; «сопротивление властям» — верность законам; «мятеж» — сопротивление притеснителям; «крамольные речи» — провозглашение прав человека; «крамола» — ядро граждан, объединившихся для защиты прав; «преступление по оскорблению величества» — меры, предпринятые для сопротивления тирании; «государственные должности» — раскрадывание казны двором и кабинетом; «налоги» — притеснения; «война и победа» — разбой с помощью войск; «умение вести крупную торговлю» — лицемерие, обман, вероломство, коварство, предательство; «государственный переворот» — тяжкие оскорблении, убийства, отравления; «королевские офицеры» — прислужники; «блестители» — шпионы короля; «верноподданные» — опора деспотизма; «меры охраны» — инквизиторский розыск; «наказание мятежников» — резня друзей свободы» (стр.144—145).

В приведенном отрывке Марат по существу раскрывает в образной форме классовую противоположность морали и правосознания господствующего класса эксплуататоров и класса эксплуатируемых. Этот прием противопоставления основных понятий морали и права Марат широко использует в своих более поздних работах уже в годы революции.

Марат не только разоблачает порочность, преступность, несправедливость современного ему общественного устройства, но и намечает в общей форме путь, по которому должны следовать народные массы. Это путь революционной борьбы народа с его угнетателями. Народ должен сбросить с себя цепи рабства. Когда у него раскроются глаза, он возмутится против своих угнетателей и восстанет против них. Для успеха народного восстания, по мнению Марата, необходимо, чтобы оно было массовым, единодушным, всеобщим, чтобы во главе народной революции встал подлинно народный вождь.

Эти мысли Марат постоянно повторяет и развивает с еще большей силой революционного пафоса уже в годы революции.

В «Цепях рабства» Марат довольно подробно останавливается на таких вопросах, как закон и законность, как преступление и наказание, как правосудие и организация деятельности суда и т.д. Мысли, содержащиеся по этим вопросам в «Цепях рабства», Марат развивает со значительно большей подробностью в своем «Плане уголовного законодательства». Поэтому целесообразнее рассмотреть их при исследовании «Плана уголовного законодательства».

«Цепи рабства» явились исключительно важным этапом в развитии революционной теории Марата, в формировании его революционной теории уголовного права.

В 1777 году Бернское экономическое общество по инициативе Вольтера объявило конкурс на разработку проекта реформы уголовного законодательства. По условиям конкурса его участникам предлагалось: «Составить и редактировать полный и подробный план законодательства по уголовным вопросам с тройкой точки зрения: 1) с точки зрения пропорциональности преступлений и наказаний, так, чтобы его можно было применять; 2) с точки зрения характера силы улик и презумпций; 3) с точки зрения способа собирания их (улик) путем уголовного процесса, так, чтобы мягкость следствия и доказательств согласовались с неизбежностью быстрого и примерного наказания и чтобы гражданское общество обрело возможно наибольшую гарантию для свободы и гуманности».

Условия конкурса были объявлены в «Бернской газете» 15 февраля 1777 г. Одновременно Вольтер опубликовал книгу под названием «Награда справедливости и гуманности»³, в которой сформулировал общие принципы реформы уголовного законодательства в качестве пособия для участников конкурса. Основываясь на идеях Монтескье и в особенности Беккариа, развивая и дополняя их, Вольтер выдвинул принцип соразмерности наказания тяжести совершенного преступления, изложил систему гуманных взглядов на следствие, суд и уголовный процесс и дал характеристику и оценку отдельных видов преступлений.

Заключая свою книгу, Вольтер призывал участников конкурса разработать такую систему уголовного права, которая позволит «сократить число преступлений, сделав наказания более позорящими и менее жестокими». Развивая эту мысль, Вольтер писал: «Не замечаете ли вы, что страны, в которых рутина закона выставляет напоказ ужасающие зрелища, являются странами, в которых преступления наиболее многочисленны? Не убеждены ли вы, что любовь к чести и страх стыда являются лучшими моралистами, чем палачи? Страны, в которых добродетель увенчивается наградой, не являются ли лучше управляемыми, чем те страны, где ищут только предлогов для пролития крови и для отнятия наследства виновных? Взглядите, почти все государи Европы ныне с уважением относятся к той философии, которая лет пятьдесят тому назад не отважилась даже приближаться к ним. Государи спорят между собой только о том, кто из них сделает больше блага. Пользуйтесь этими моментами, быть может, они будут краткими».

Из приведенного отрывка видно, что по мысли инициатора конкурса Вольтера намечавшийся проект уголовного кодекса вовсе не должен был содержать в себе каких-либо революционных идей, направленных на ниспровержение существующего строя. Наоборот, речь шла о том, чтобы

³ «Oeuvres completes», 1785, t.34.

разработать такой проект, который был бы положительно воспринят «просвещенными монархами» и способствовал бы улучшению уголовных законов в рамках существующего строя.

В конкурсе приняло участие 44 автора, представители различных стран. В числе участников конкурса следует назвать французских юристов Бриссо де Варвилля, будущего вождя жирондистов, Антуана Сервена, крупного французского юриста, Глобига и Густера, двух саксонских юристов. В конкурсе принял участие и Марат.

Присуждение премий состоялось в 1782 году, уже после смерти Вольтера. Первые премии были присуждены Глобигу и Густеру. Работы Бриссо и Сервена не получили премий, но были оценены очень высоко как выдающиеся произведения. Работа Марата премии не получила. Но Марат, не дожидаясь решения жюри конкурса, опубликовал свою работу в 1780 году в Невшателе на французском языке под названием «План уголовного законодательства».

Первое издание «Плана» безвозвратно утрачено. Французская цензура не допустила появления «Плана», и лишь небольшое число экземпляров появилось во Франции нелегально. Об этом писал сам Марат в своем «Друге народа» в июле 1790 года, отмечая, что этот труд явился лучшим из того, что вышло из-под его пера, но был запрещен во Франции в силу политических взглядов автора. Луи Блан в своей «Истории французской революции» упоминает, что ему удалось познакомиться с первым изданием «Плана» у одного своего знакомого.

Веллэ, издатель трудов и писем Марата, в своем предисловии к сборнику памфлетов Марата указывает, что первое издание «Плана» не может быть обнаружено.

Вторично⁴ «План» был издан в начале восьмидесятых годов XVIII века в десятитомной библиотеке Бриссо наряду с работами самого Бриссо, а также работами Томаса Мора, Беккарии, Вольтера, Морелли и др. «План» Марата был опубликован Бриссо без имени автора, с глухим упоминанием о том, что автор — сторонник «идеалов американской демократии, думает, что возможно в действительности осуществить то, о чем он мечтает». Позднее в своих «Мемуарах» Бриссо, стремясь всячески очернить память Марата, говорит о том, что будто бы сам Марат, боясь преследований, просил его издать «План» анонимно. Это утверждение Бриссо следует признать клеветническим: Марат не побоялся нелегально распространять во Франции первое издание своего «Плана». Почему же он вдруг «испугался» упоминания своей фамилии при втором издании? Вернее будет предположение, что Бриссо, решив опубликовать труд Марата, с которым в те годы он поддерживал постоянную связь, сам опасался навлечь на себя подозрения и «нелояльности» и в силу этого опубликовал «План» без фамилии автора.

В третий раз «План» был издан Маратом в Париже в 1790 году. Полное наименование его таково: «План уголовного законодательства. Работа, в которой трактуют о преступлениях и наказаниях, о силе доказательств и презумпций и о способе приобретать эти доказательства и эти презумпции в течение уголовного процесса таким образом, чтобы не нарушить ни справедливости, ни свободы и примирить спокойствие с уверенностью в наказаниях, и человечность с безопасностью гражданского общества». После фамилии автора указывалось, что он является автором «Друга народа», «Французского Юниуса», «Дара отечеству», «Плана Конституции» и «некоторых других патриотических работ».

В четвертый раз «План» Марата был издан уже после его смерти в Париже, в 1795 году. Это издание было осуществлено его вдовой и должно было явиться первым томом собрания его сочинений, которое, однако, было прекращено в силу декрета 22 февраля 1795 г. Бужар, биограф Марата, и Шевремон, составитель подробнейшего перечня трудов Марата, считают, что это издание ныне представляет исключительную библиографическую редкость. Бужар в своей монографии указывает, что Шевремон видел один экземпляр этого издания при покупке одной библиотеки.

Таким образом, в XVIII веке было осуществлено четыре издания «Плана» — три при жизни автора и одно — после его смерти, его вдовой⁵.

Мы не располагаем материалами о том, как работал Марат над темой о плане уголовного законодательства. Выше уже было приведено мнение Марата о его «Плане», как о лучшем из

⁴ К характеристике этого издания «Плана» мы еще вернемся.

⁵ В исторической и юридической литературе содержатся неточности и ошибки по поводу изданий «Плана» Марата. В монографии «Французская буржуазная революция 1789—1794 гг.», изданной Академией наук СССР в 1941 году, указывается, что Марат выпустил «План» в 1777 году. Это явная ошибка, так как в этом году был только объявлен конкурс на написание проекта уголовного законодательства и труд Марата был написан и тем более издан значительно позже. В работе проф.П.И.Люблинского «Уголовно-правовая охрана частной собственности в период образования капитализма», помещенной в сборнике «Проблемы социалистического права», т.3 (1938 г.), содержатся две ошибки по поводу издания «Плана» Проф.П.И.Люблинский утверждает, что «План» Марата вторично был опубликован в «Библиотеке» Бриссо в 1790 году и последний раз в 1795 году. Как уже указывалось, в «Библиотеке» Бриссо «План» был издан в восьмидесятых годах, а издание 1790 года — это самостоятельное издание за подписью автора и с его портретом. Таким образом, вопреки утверждению проф.Люблинского, в XVIII веке было не три, а четыре издания «Плана» Марата.

написанных им произведений (1790 г.). В одной из своих статей, опубликованных в «Публицисте Французской Республики» в марте 1793 года, Марат говорит о времени, затраченном им «на выполнение обязанностей законодателя». Он говорит о том, что до революции он проводил время «в кабинете за изучением природы и за размышлением». Он указывает далее, что «опубликовал до сего дня двадцать томов как по физиологии и медицине, так и по физике и политике». Подчеркивая, что он лишен ложной скромности, Марат говорит, что его «крвение и усердие к науке всегда увенчивалось довольно блестящими успехами»⁶.

Некоторый свет на работу Марата над «Планом» проливает «Проспект издания политических трудов Марата, Друга Народа», написанный его вдовой, Симонной Эврар: «Вскоре по окончании «Цепей рабства» он начал работать над реформой уголовного уложения. Уголовный кодекс представляет почти у всех народов бесформенное скопление варварских и жестоких законов, в которых место неведомой им справедливости заступала месть; перед оскорблённой природой они являли отвратительную картину, желая обнаружить преступление, чтобы было кого карать. Марат был тронут бедствиями, обременяющими человечество, и пытался их облегчить. В своем «Проекте уголовного законодательства» он показывает, каким путем должно следовать общество, чтобы обуздать тех, кто пытается нарушить его гармонию; всегда заботливый к судьбе несчастных, он тщательно изучает, не увеличивают ли пороки правительства их число, не создают ли плохие законы, негодные учреждения и, наконец, общественная несправедливость бедняков, не побуждают ли они их стать преступниками, лишая их насильственно того, что им дано природой и в чем отказано обществом — права на существование Марат напоминает обществу, чем оно обязано каждому из своих членов, и доказывает, что всякий человек освобождается от своих обязательств в отношении общества и что оно само их уничтожает, разрывает, когда не обеспечивает ему тех благ, на которые он вправе рассчитывать взамен той части своей первоначальной свободы, которую уступает обществу, подчиняясь обязательному для него договору, создающему общественные законы. Повсюду в этой работе с живейшим участием защищаются интересы обездоленных, он доказывает, что в принимаемых мерах и в осуществляемых законах то правосудие и справедливость, которые должны были бы всегда составлять их основу, очень часто забываются и нарушаются, что целью хороших законов должно быть в такой же степени предупреждение преступлений, как и их обуздание, он энергично восстает против наказаний, не соответствующих преступлениям; против законов, поражающих самую невежественную часть народа, вследствие этого менее всего виновную Его выводы так правильны, доводы так неопровергимы, что против них ничего нельзя возразить. Несмотря на то, что эта работа охватывает все части уголовного законодательства, несмотря на то, что она довольно подробно касается неправильных и находящихся в наибольшем пренебрежении статей закона, все же приходится жалеть о ее краткости, и можно предполагать, что Марат ее значительно расширил бы, если бы происшедшая революция не открыла ему более широкого поля деятельности в интересах замышляемого им возрождения»⁷.

В своем «Плане» Марат делает одну из первых попыток создания системы уголовного права, основанной на его революционной теории. Следует напомнить, что ни Монтескье, ни Беккариа, ни Вольтер самой системы уголовного права не разрабатывали. Не дало системы уголовного права и большинство других мыслителей XVIII века. Лишь Морелли в «Кодексе природы» сформулировал свои уголовно-правовые взгляды в виде законченной системы общих и уголовных законов. Однако это была общая система законодательства, но не система уголовного права.

Предложенная Маратор системе уголовного права по своему содержанию приближается к проектируемому им проекту уголовного кодекса, а также и уголовно-процессуального кодекса.

Первые два раздела «Плана» посвящены вопросам уголовного права, вторые два раздела рассматривают вопросы судопроизводства. Первый раздел озаглавлен «Об основных принципах хорошего законодательства», в нем рассматриваются основные вопросы общей части уголовного права. Второй раздел «Плана» носит название «О преступлениях и наказаниях»; здесь Марат рассматривает вопросы особенной части уголовного права.

В первом разделе Марат в определенной последовательности рассматривает следующие вопросы:

1. Об общественном порядке.
2. О законах.
3. Об обязанности подчиняться законам.
4. Об уголовных законах.
5. О санкциях законов.
6. О наказаниях.

А. А. Герцензон

УГОЛОВНО-ПРАВОВАЯ ТЕОРИЯ Жана Поля МАРАТА

М.: Государственное издательство юридической литературы. 1956

⁶ «Le Publiciste de la Republique Francaise», 19 mars 1793, № 147.

⁷ Марат, Памфлеты, М., 1934, стр.81—82. *Vive Liberte и Век Просвещения, 2009*

7. Род наказаний должен вытекать из природы преступлений.
8. Правосудие должно быть беспристрастным.
9. Наказания должны быть личными.
10. Законы должны быть непреклонными.
11. О публичности уголовного кодекса.
12. О тех, которые не ответственны за свои действия перед правосудием.
13. В каком возрасте человек ответственен за свои действия перед правосудием.
14. О соучастниках.
15. О непредвиденных случаях.
16. Способ поддержания действующих законов. Три последних вопроса по неизвестным причинам отнесены Маратом в конце главы «О преступлениях против религии», хотя по своему содержанию относятся непосредственно к вопросам общей части.

Мы привели 16 заголовков, под которыми Маратом исследуются вопросы общей части уголовного права. Эти заголовки далеко неполно, а иногда и не совсем точно отображают содержание рассматриваемых Маратом вопросов. Попытаемся в связи с этим более детально проанализировать перечень и последовательность рассмотрения Маратом вопросов общей части уголовного права. В результате такого анализа предложенная Маратом система общей части уголовного права выглядит в следующем виде:

1. Цель и политическое значение уголовного кодекса.
2. Несправедливый, тианический характер действующих уголовных законов и необходимость их замены.
3. Отражение в уголовных законах противоречий между господством богатых и рабским положением неимущих.
4. Действующие уголовные законы — это скрытая тирания ничтожного меньшинства над большинством.
5. Происхождение неравенства в современном обществе и право народа сопротивляться его угнетателям.
6. Наказание может быть применено лишь тогда, когда общество выполнит свой долг в отношении обеспечения каждого своего члена.
7. Несправедливость закона, карающего вора за преступление в условиях, когда общество не обеспечило своему члену необходимых условий существования.
8. Необходимость осуществления полного обеспечения нужд всех членов общества, без чего наказание несправедливо и тианически.
9. Различие принципов мудрых законов, написанных для свободного народа и для народа, который еще не обрел свободы.
10. Соразмерность наказания тяжести преступления.
11. Гуманность наказания.
12. Соответствие наказания природе преступления.
13. Индивидуализация наказания.
14. Личный характер наказания.
15. Непреклонность уголовных законов.
16. Публичность уголовного кодекса.
17. Невменяемость как условие, исключающее ответственность.
18. Возраст, с наступления которого лицо может отвечать перед уголовным законом.
19. Соучастие в преступлении.
20. Недопустимость наказания за деяние, не предусмотренное уголовным законом.
21. Наказание должно сочетаться с предупреждением преступлений.

В своей характеристике уголовного права Марат исходил из обусловленности уголовных законов той или иной политической системой. Опираясь на известное положение, сформулированное Монтескье, он считал, что разрабатываемые законопроекты должны всегда находиться в соответствии с сущностью установленного образа правления. Марат неоднократно в своем «Плане» проводит ту мысль, что уголовные законы должны существенным образом различаться в зависимости оттого, установлены ли они для народа, который управляет тиранами, или для народа, который уже освободился от власти тианического господства. Он считал, что его «План» предназначен для свободного народа. Однако, учитывая, что фактически народ еще не свободен, Марат в ряде мест «Плана» разграничивает свои уголовно-правовые предложения — одни предложения для свободного народа и другие — для облегчения участия несвободного народа.

По мнению Марата, для поддержания порядка в обществе было бы достаточно одних лишь правил нравственности; но так как в обществе царит развращенность нравов, то необходимо, чтобы нравственные правила подкреплялись страхом наказания. Такое положение вещей неизбежно влечет за собой разрастание законодательства: чем больше растет общество и расширяются отношения между людьми, тем более обширным делается и законодательство.

Уголовное законодательство должно быть разработано так, чтобы в определении преступлений и наказаний не было «ничего непонятного, двусмысленного, произвольного». А для этого необходимо, чтобы уголовный кодекс не был ограничен лишь простым перечнем преступлений и наказаний; в нем должны быть изложены и руководящие принципы уголовного права, составляющие, как говорит Марат, «дух уголовных законов». Основные задачи уголовного права были сформулированы Маратом следующим образом: «Покарать преступление, не нарушая справедливости, это значит: обуздить злых, защитить невинных, избавить слабых от притеснения, вырвать меч из рук тирании, поддержать порядок в обществе и обеспечить спокойствие его членов»⁸.

С точки зрения Марата, преступление следует рассматривать как нарушение общественного порядка, и для того, чтобы раскрыть содержание преступления как посягательства на общественный порядок, необходимо выяснить, в чем состоит этот общественный порядок.

Опираясь на теорию общественного договора, Марат видит основы общественного порядка в равных правах людей, во взаимных выгодах, во взаимной помощи. Общественный договор должен был обеспечить свободу, справедливость, мир, согласие, благополучие. Однако в действительности этого нет, и общество состоит из «презренных рабов и повелевающих господ» (стр.33). Благодаря насилию и преступлению бедняк отдается на милость богача, «законы склоняются перед сильным, лишь для слабого они остаются непреклонными» (стр.34). Существующий общественный порядок приводит к тому, что люди оказываются лишенными свободы, равенства, счастья; они рождаются и остаются на всю жизнь нищими или богатыми, подчиненными или независимыми и почти никогда не могут изменить своего общественного положения.

Благодаря такому общественному порядку законы являются лишь «приказами тех, кто имеет власть». Развивая мысль о классовой природе законов, Марат говорит о том, что закон «является лишь скрытой тиранией ничтожного меньшинства над большинством» (стр.34). А так как именно закон определяет, что такое преступление, то, по мнению Марата, понятие преступления всегда отражает интересы ничтожного меньшинства, ибо в создании законов не принимали участие массы угнетенного народа.

На каких же принципах должно покояться законодательство? Отвечая на этот вопрос, Марат развивает глубоко продуманную систему взглядов.

Различая вслед за Монтескье и Руссо законы естественные и законы общественные, Марат считает, что вторые никогда не должны противоречить первым. Но, не ограничиваясь этим, Марат выдвигает положение о том, что «хорошие законы» должны устранить фактическое неравенство и угнетение. «Повсюду бедняк не ставится... ни во что; кажется даже, что законодатели утратили в отношении его всякое чувство человечности. Что же в этом удивительного: они не являются товарищами по труду несчастного, который служит лишь орудием их роскоши и гордыни».

Раскрывая классовую сущность действующих уголовных законов, разоблачая их как законы эксплуататорские и тиарические, Марат призывает уничтожить их, как и тот общественный порядок, который порождает деление общества на враждебные друг другу классы. «Да погибнут же, наконец, — восклицает Марат, — эти основанные на произволе законы, созданные для благополучия нескольких индивидов во вред роду человеческому; да погибнут также эти гнусные различия, которые делают одни классы народа врагами других и которые приводят к тому, что массы должны сокрушаться по поводу благополучия ничтожного меньшинства, а ничтожное меньшинство должно бояться благополучия масс» (стр.35).

Следует признать первой особенностью сформулированных Маратом принципов уголовного права смелое разоблачение классовой природы уголовных законов, раскрытие классовой сущности понятия преступления, выяснение зависимости классовой природы понятия преступления от существующего общественного порядка, от деления общества на класс угнетателей и класс угнетенных, призыв к революционной перестройке общества в интересах трудящегося народа.

В своем «Плане» Марат подробно освещает вопрос относительно обязанности людей подчиняться законам. Он рассматривает критерий, который должен лежать в основу поведения людей в обществе, обязанных в одних условиях подчиняться законам, а в других условиях освобождающихся от этой обязанности и приобретающих право сопротивляться этим законам как законам несправедливым, тиарическим.

Марат считает, что все существующие правительства, как и государства, созданы насилием, и потому не могут считаться законными. Общество было создано людьми во имя их общих интересов; они стремились создать законы, чтобы определить взаимные права; они отказались от общности имущества для того, чтобы иметь известную его часть в своем личном владении. Однако в обществе не были приняты надлежащие меры для того, чтобы предупредить рост богатства у части граждан за счет роста нищеты другой части граждан. Поэтому в обществе

⁸ Марат, План уголовного законодательства, М., 1951, стр.32.

появилось множество неимущих, вынужденных погибать от голода. Марат ставит вопрос, обязаны ли эти неимущие и обездоленные люди соблюдать законы, и дает на него отрицательный ответ. Он пишет: «Будучи связаны с обществом одними лишь невыгодами, обязаны ли они уважать его законы? Конечно, нет; если общество их покидает, они возвращаются в естественное состояние; если они силой требуют прав, от которых они отказались лишь для того, чтобы обеспечить себе большие выгоды, то всякая власть, которая будет сопротивляться этому, окажется тиранической, а судья, приговаривающий их к смерти, — лишь подлым убийцей» (стр.36). С этим положением мы уже встречались в «Цепях рабства», и оно будет вновь повторено и с еще большей силой развито Маратом в его «Проекте Декларации прав человека и гражданина».

В «Плане» Марата одно из центральных мест занимает положение о том, что общество будет вправе наказывать отдельных своих членов лишь после того, как оно обеспечит каждому из них необходимые условия существования. «Оно, — говорит Марат, — должно поэтому предоставить им обеспеченное существование, приличную одежду, полную поддержку, пособия при их болезнях и уход в старости, ибо они могут отказаться от своих естественных прав лишь постольку, поскольку общество создает для них положение, имеющее преимущество перед их естественным состоянием» (стр.37).

Эти мысли Марат иллюстрирует на примере с кражей. Всякая кража есть посягательство на собственность; но каково происхождение этого права собственности, спрашивает Марат? Вопреки установившемуся мнению, Марат считает, что оно не может быть основано на праве сильного, ибо насилие вообще не способно установить какое-либо право; оно не может быть основано на праве первого захвата, ибо он сам по себе еще не говорит о справедливости; оно не может быть основано на праве завещания, ибо нельзя распорядиться в пользу другого тем, что не принадлежит самому; оно, наконец, не может быть основано и на праве труда земледельца, так как хотя плоды его труда принадлежат ему, но земля, на которой он трудится, принадлежит всему обществу. «Итак, — заключает Марат, — нам принадлежит все, что необходимо для нашего существования, и никакие излишки не могут законно принадлежать нам, пока другие не имеют всего необходимого. Вот законное основание всякой собственности, вне зависимости от того, находятся ли люди в составе общества или они еще в первобытном состоянии» (стр.38). Как видно из приведенного отрывка, в понимании права собственности Марат в своем «Плане» приближается в известной мере к взглядам некоторых социалистов-утопистов, в частности к взглядам Мабли и Морелли. В решении этого кардинального вопроса взгляды Марата весьма решительно отличаются от взглядов просветителей XVIII века. И хотя, например, Беккария «рискнул» в своем трактате мельком сказать о праве собственности как об ужасном и вовсе не необходимом праве, а Бриссо в молодые годы утверждал, задолго до Прудона, что собственность является кражей, — тем не менее в решении данного вопроса Марат оказался гораздо более последовательным, и гораздо более решительным. Сам Марат сознавал, что его взгляды на право собственности противоречат обычным представлениям о нем, и, применяя изложенную точку зрения к решению вопроса о краже и праве наказания за кражу, Марат, используя литературный прием Беккарии, приводит речь воображаемого преступника, посягнувшего на частную собственность. Бедняк, совершивший это преступление, обращаясь к судьям, говорит о том, что он не виновен в совершенном им поступке: «тот, кто ворует, чтобы жить, пока он не может поступить иначе, лишь использует свои права» (стр.38). Какое дело бедняку до того ложного порядка, который называется общественным порядком? Почему он должен подчиняться законам, которые установлены лишь для осуществления господства над бедняками? Зачем говорят о равенстве всех людей в условиях, когда одни проводят свою жизнь в роскоши и беззаботе, а другие «подвергнуты за вас превратностям времени, усталости, голода?» (стр.38). И Марат вкладывает в уста бедняка, привлеченного к суду за совершенную им в силу нужды кражу, слова гнева и разоблачения богатых притеснителей народа и слова отчаяния эксплуатируемых, доведенных до предела нужды и страданий.

Марат утверждал, что почти повсеместно бедняки, лишенные средств к существованию, вынуждаются к совершению преступлений самими правительствами, которые не только грабят бедняков, но и заставляют их проливать кровь для защиты владений богачей. А когда эти несчастные люди нарушают закон, их безжалостно карают.

Недостаточно, по мнению Марата, перестать наказывать несчастных бедняков. Нужно исправить несправедливость, допущенную обществом в отношении их: неимущие «должны вооруженной силой требовать у притеснителей возвращения своих естественных прав» (стр.41). Эта идея постоянно повторяется и развивается Маратом.

Как же решить вопрос о наказуемости посягательств на частную собственность? Если оставлять эти посягательства безнаказанными, в обществе воцарится анархия. Если же наказывать бедняков за преступления, к совершению которых они вынуждены несовершенством, несправедливостью общественного порядка, — это будет означать сохранение несправедливости и угнетения. Решение этой сложной задачи Марат видит в проведении серьезных реформ, посредством которых будут обеспечены сносные условия существования неимущих. И только

лишь после проведения этих реформ Марат допускает наказания лиц, посягающих, невзирая на созданные для них благоприятные условия существования, на собственность. Марат был очень далек от проведения социалистических преобразований, хотя, несомненно, он был знаком с рядом социалистических и коммунистических теорий. Его социально-экономические идеалы не шли далее обеспечения небольшой частной собственности за каждым гражданином в размерах, удовлетворяющих основные потребности человека, и ограничения «излишних» богатств у привилегированных слоев общества. В числе предложенных Марата социальных реформ он особенно подчеркивает и повторяет уже в годы революции идею конфискации большей части церковных имуществ и распределение их между неимущим населением; далее Марат рекомендует обучение неимущих различным ремеслам и предоставление им работы; одновременно Марат считает необходимым создание бесплатных школ для бедняков за счет принудительных сборов с богачей. Марат предвидит, что осуществление намечаемых им реформ вызовет значительные трудности. Но он пишет свой «План» для свободных людей. Каким же путем и какими средствами трудящийся и эксплуатируемый народ сможет добиться осуществления своих прав и всех этих социальных реформ, Марат не указывает, ибо все это представлялось Марату в весьма смутной и отвлеченной форме.

Следует признать второй особенностью формулируемых Марата принципов уголовного права выяснение социально-экономической обусловленности преступлений, неразрывной связи, существующей между общественным строем и преступлением, обличение общества, плодящего преступления и наказывающего тех, кого оно само понуждает к преступлению, признание эксплуатируемого народа свободным от соблюдения несправедливых законов, требование осуществления наказания лишь после проведения значительных общественных реформ.

Уделив в первую очередь внимание выяснению социально-политической природы преступления, наказания, уголовных законов, стремясь к разоблачению классовой, тиранической сущности законов, направленных против трудящегося и эксплуатируемого народа, Марат затем переходит к выяснению и обоснованию «справедливых и мудрых уголовных законов». Эта часть «Плана» систематизирует и развивает большинство уголовно-правовых принципов, сформулированных прогрессивной мыслью XVIII века.

К числу этих уголовно-правовых принципов Марат относит:

1. Точность уголовного кодекса. В уголовных законах не должно быть «ничего непонятного, неопределенного, произвольного в представлениях о преступлениях и наказаниях, ибо важно, чтобы каждый вполне понимал законы и знал, чему он себя подвергает, нарушая их: уголовный кодекс, следовательно, не должен бояться излишней точности» (стр.45).

2. Простота уголовного кодекса. Уголовные законы не должны бояться излишней простоты. «Законы должны постановлять лишь о том, что явно связано с интересами общества; пусть же не стесняют они бесполезно свободу человека. Перегрузить их постановлениями, безразличными для блага общества, значило бы разрушить их власть; когда люди видят, что им предписывают вещи малополезные или запрещают вещи дозволенные, они привыкают смотреть на законы, как на нечто бесцельное или произвольное, и кончают презрением к их авторитету» (стр.45).

3. Обязательная отмена тех уголовных законов, которые перестают охранять интересы общества.

4. Обязательное обнародование уголовных законов.

5. Обеспечение гарантий соблюдения уголовных законов на практике.

6. Главенство принципа предупреждения преступлений над принципом наказания преступников. «Во всяком хорошо устроенном обществе надлежит более предупреждать преступления, чем карать их;

часто в этом успевают с меньшей затратой сил. Разъединение этих целей свидетельствовало бы, конечно, о недостаточном понимании задач хорошего законодательства» (стр.46).

7. Публичность уголовного кодекса как одно из обязательных условий обеспечения законности. В системе воспитания молодежи должно быть предусмотрено изучение законов. Уголовный кодекс, широко обнародованный, должен быть «в руках у всех», «чтобы наименее состоятельный гражданин был в состоянии приобрести его» (стр.53).

8. Недопущение аналогии и толкования уголовных законов. Высказываясь категорически против уголовного преследования деяния, преступность и наказуемость которого прямо не предусмотрена законом, Марат пишет:

«Если в законе нет постановления, то судья, являющийся лишь его орудием, должен хранить молчание, а преступник должен быть оправдан. Я согласен, что в этом есть очень большое неудобство, но оно, если хотят изгнать из судов всякий произвол и обеспечить общественную свободу, является неизбежным» (стр.122).

9. Обеспечение эффективности действия уголовных законов. «Злонамеренные люди», отмечает Марат, всегда ищут способы обойти закон. Это приводит к необходимости постоянного увеличения наказаний, что, конечно, не может привести к положительным результатам. «Напрасно прибегать к суровым средствам, напрасно увеличивать наказания, чтобы заставить уважать закон.

Сделайте послушание законам легким, отнимите возможность их нарушения, и они будут соблюдаться» (стр.122). Развивая, таким образом, принцип гуманности наказания и экономии карательных средств, Марат указывает и на целую систему мер, предупреждающих преступления, помимо тех общих мер предупреждения преступлений, которые зависят от проведения социальных реформ. Сюда Марат относит создание «хорошей полиции», ликвидацию игорных домов и кабаков, домов разврата, «запрещение постыдных ремесел — шпионов, доносчиков, ростовщиков, заимодавцев под залог»⁹. Марат считает необходимым изгнание из государства тех тунеядцев, которые, имея возможность получить работу и честно трудиться, предпочитают вести паразитический образ жизни. Наконец, Марат предлагает учредить «трибунал цензоров», уполномоченный следить за поведением граждан: «если вы хотите видеть среди вас царство справедливости, то примите его — это учреждение, сделайте его священным, как законы, и пусть оно, как и законы, будет вечным» (стр.122).

Специальные вопросы о преступлении и уголовной ответственности разработаны Маратом бегло. Он касается лишь трех вопросов: о вменяемости, о возрасте, с достижения которого может наступить уголовная ответственность, и о соучастии, Марат считает, что уголовной ответственности не могут подлежать слабоумные, сумасшедшие и безумные старики, «ибо они не ведают, когда делают зло, и едва ли знают, что делают». Не подлежат наказанию и дети, «ибо они не сознают еще обязанности подчиняться законам». Возраст, с наступлением которого может иметь место уголовная ответственность, должен определяться, по мнению Марата, с учетом климата, температуры и особенностей воспитания людей в данной стране. Наконец, вопрос о соучастии решается Маратом таким образом, что всякое лицо, которое прямо или косвенно помогает совершению преступления, признается совершившим его. Некоторые другие вопросы общей части уголовного права решаются Маратом при рассмотрении отдельных видов преступлений, и мы обратимся к ним при анализе особенной части «Плана».

Подробнее освещен в «Плане» вопрос о наказании. Марат развивает здесь стройную систему принципов, которым должно отвечать наказание «во всяком хорошо устроенном обществе».

1. Наказание должно быть соразмерным преступлению. По мнению Марата, этот принцип вытекает из заинтересованности общества в том, чтобы тяжкие преступления совершались реже, чем мелкие проступки. «Сурово наказывать легкие нарушения законов — значит напрасно пользоваться авторитетом власти, ибо, если она налагает суровые кары на мелких преступников, то что же останется ей для обуздания крупных злодеев?» (стр.46). Суровое наказание легких проступков толкает преступников на совершение тяжких преступлений, так как теряется всякая соразмерность между преступлениями и наказаниями. Излишняя же суворость наказания за легкие преступления толкает суд на смягчение ответственности или на оправдание виновного, а это ведет к «пренебрежению законами».

2. Наказание должно быть гуманным. Закон должен избегать излишней суворости, излишней жестокости, если имеется возможность достигнуть намеченной законодателем цели путем применения более мягких наказаний.

3. Наказание должно не столько мстить виновному, сколько удерживать его от искушения нарушить уголовный закон. Развивая этот тезис, Марат особо останавливается на нецелесообразности частого применения смертной казни в «хорошо устроенном обществе». Не отрицая неизбежности применения в некоторых случаях этой меры наказания, Марат вместе с тем считает, что «наказания смертью должны быть редкими» (стр.49). Однако Марат ставит под сомнение право применения смертной казни «при нынешнем порядке вещей», поскольку несправедливым является происхождение современной тиранической государственной власти. Возражая против частого применения смертной казни, Марат выдвигает следующие соображения. Впечатления от смертной казни являются быстро проходящими, люди скоро привыкают к ужасам казней. С другой стороны, у приговоренных к казни создается ореол мученичества. Смертная казнь лишает возможности искупления вины путем использования труда осужденного. Считая, что неисправимых преступников целесообразно не казнить, а использовать на наиболее нездоровых, неприятных и опасных работах, Марат развивает мысли, сформулированные до него Беккариа и

⁹ В ряде мест «Плана» Марат указывает на конкретные меры предупреждения отдельных видов преступлений. Приводим некоторые из этих мер, предложенных Маратом.

Порча и подделка чеканых монет — обеспечить приемку монет по весу и пропускать их через калибровку.

Контрабанда — дать заработка беднякам и не устанавливать обременительных пошлин.

Дуэль — установить в законе обязанность удовлетворения по суду за оскорблении.

Вредные изменения съестных припасов — ввести строгий контроль за продажей съестных припасов.

Кража — обеспечить неимущих всем необходимым для удовлетворения их потребностей, обучить ремеслам, дать образование, предоставить регулярную работу.

Ростовщичество — организовать общественные ссудные кассы. Преступления против нравственности — избавить женщин от бедности, создать приюты для воспитания бедных девушек и обеспечить их работой, воздействовать на распутников и обольстителей, принуждая их к браку с их жертвами, ликвидировать всяческие притоны.

и Вольтером.

При изложении основных принципов уголовного права Марат специально не останавливается на системе наказаний. Эту систему можно извлечь из предложенной Маратом особенной части уголовного права путем обобщения содержащихся в «Плане» санкций по отдельным видам преступлений. В этой системе предусмотрены следующие виды наказаний:

1. Смертная казнь квалифицированная.
2. Смертная казнь простая.
3. Лишение свободы — арест.
4. Лишение свободы в рабочем доме.
5. Лишение свободы в смирительном доме.
6. Лишение свободы в исправительном доме.
7. Лишение свободы в тюрьме.
8. Пожизненные тяжкие общественные работы.
9. Телесные наказания — отрубание пальцев руки.
10. Лишение прав гражданина с объявлением изменником государства и с лишением свободы.
11. Конфискация имущества, полная или частичная.
12. Денежный штраф.
13. Изгнание с позором с должности.
14. Возмещение материального ущерба.
15. Вывешивание объявления: «здесь торговец, которым рискуешь быть отравленным» или «здесь торговец, который обманывает».
16. Выставление у позорного столба.
17. Порицание общественное, публичное; выговор, объявление плохо воспитанным; удовлетворение чести потерпевшего; публичное извинение перед потерпевшим.

Предложенная Маратом система наказаний характеризуется сочетанием старых, устрашаительных и членовредительских наказаний, а также наказаний позорящих (квалифицированная смертная казнь, отрубание пальцев, выставление у позорного столба) со значительным числом наказаний, преследующих исправительные цели и вовсе не известных в то время уголовному праву (система порицаний, лишение свободы с исправительными работами и т.д.). Эта система наказаний, несомненно, характеризуется суровостью. Но не следует упускать из виду, что вся тяжесть репрессии направлялась Маратом против лиц, посягающих на интересы трудящегося и эксплуатируемого народа, — на изменников, на заговорщиков против свободного народа, на взяточников, на поджигателей и других врагов народа. Ниже будет показано, что Марат проводил строгое разграничение наказаний, применяемых к преступникам из числа врагов народа и к преступникам из среды трудящегося и эксплуатируемого народа (к «неимущим», к «беднякам» и т.д.). Выдвигая суровую в целом систему наказаний, Марат и в дореволюционные годы, и в годы революции исходил из принципов гуманизма, который он понимал как охрану интересов огромного большинства трудящегося и эксплуатируемого народа. Конечно, гуманизм Марата не имел ничего общего с «гуманизмом» идеологов буржуазии, которые в высшей степени легко забывали свои нередко весьма слашавые слова о «мягкости наказания», когда речь шла о кровавом и беспощадном подавлении сопротивления эксплуатируемых масс.

4. Род наказания должен вытекать из природы преступления. Торжество правосудия и осуществление целей наказания, по мнению Марата, может быть обеспечено лишь в том случае, «когда наказания зависят более не от желания законодателя, а от природы вещей». Из этого положения Марат делает такой вывод: «Вывести наказание из преступления является лучшим способом соразмерить наказание с преступлением» (стр.49). В особенной части своего «Плана» Марат последовательно стремится осуществить этот принцип, устанавливая по каждому виду преступления такое наказание, которое, как ему представлялось, вытекает из самой «природы преступления».

Представляет самостоятельный интерес выяснение того, в чем Марат видел соответствие между «природой преступления» и «природой наказания».

Раскрывая природу «ложных государственных преступлений», Марат устанавливает за их совершение такие наказания, которые соответствуют их «природе», их опасности. Убийство государя, которое Марат считает не квалифицированным, а простым убийством, должно караться не квалифицированной, а простой смертной казнью. Все возможные «оскорблении величества», которые в эпоху Марата обычно карались самыми суровыми наказаниями, заслуживают, по его мнению, лишь денежных наказаний или объявления виновного плохо воспитанным. Но когда речь идет о «подлинных государственных преступлениях», направленных против государства, против народа, Марат требует суровых наказаний: за заговоры против свободной нации, за диверсии, за взяточничество — смертная казнь (простая или квалифицированная); за нарушение служебного долга — пожизненное лишение свободы; за хищения государственного имущества — денежное наказание и опозорение виновного; за притеснения — лишение прав гражданина, объявление изменником государства и лишение свободы.

Признавая особо опасными и посягательства на безопасность граждан, Марат устанавливает: за предумышленное убийство — смертная казнь с опозорением; за телесные повреждения — пожизненные тяжкие общественные работы; за дуэль — отрезание пальцев руки или пожизненное изгнание с конфискацией части имущества; за вредное изменение торговцем съестных припасов — конфискация части имущества и вывешивание у лавки объявления «здесь торговец, которым рискуешь быть отравленным».

В отношении преступлений против собственности Марат устанавливает строго дифференцированное наказание. За совершение простой кражи — возмещение украденного и двухкратный штраф; за квалифицированные кражи — возмещение украденного и двухпятикратный штраф, причем при отсутствии у виновного средств — заключение в смирительный дом на срок, который необходим для получения средств для уплаты. Рецидив кражи должен караться пожизненным лишением свободы. Считая необходимым обеспечить охрану частной собственности, Марат вместе с тем учитывает, что на совершение кражи идут неимущие слои населения, и поэтому определяет в высшей степени мягкие наказания, совершенно неподходящие на те кровавые, террористические наказания, которые обычно устанавливались в феодальном обществе и которые устанавливаются в капиталистическом обществе.

Считая, что потерпевшей от преступлений против нравственности обычно бывает женщина, происходящая из трудовой среды, из эксплуатируемых масс, Марат требует установления суровых наказаний за обольщение, прелюбодеяние, незаконные связи, изнасилование, многоженство и т.д. При рецидиве за совершение этих преступлений Марат предлагает установить ссылку на необитаемый остров, вечное изгнание и т.д. Марат предлагает карать не только проституток, но и их посетителей.

Представляют интерес наказания, которые Марат предлагает установить за совершение так называемых религиозных преступлений. Идя вразрез с феодальным правом, жестоко каравшим за совершение этих преступлений, Марат устанавливает за богохульство арест на три дня, за кражу «священных вещей» возмещение украденного и пятикратный штраф, за нарушение порядка богослужения публичное порицание и т.д. Таким образом, вместо квалифицированной смертной казни, вместо мучительных и членовредительских наказаний Марат определяет в высшей степени мягкие наказания. Уже одно это говорило о том, как Марат оценивал «опасность» «религиозных преступлений», в чем он видел соответствие между природой «религиозных преступлений» и соответствующими им наказаниями.

5. Наказания должны быть равными для всех нарушителей закона. Марат очень резко высказывался против сословно-классовых привилегий при определении наказания; он называл гнусными те различия в положении обвиняемого перед судом, которые обуславливают применение тягчайших наказаний для низших слоев общества и полное освобождение от наказаний высших слоев общества. Но, требуя равенства наказаний для всех слоев общества, Марат делает одну в высшей степени важную оговорку, резко выделяющую его взгляды из взглядов преобладающей массы просветителей и гуманистов XVIII века. Равенство наказаний было бы справедливо в том обществе, которое само основано на действительном равенстве всех людей, в котором все люди пользуются «приблизительно одинаковыми преимуществами». Но так как такого общества не существует, то Марат выдвигает требование индивидуализации наказания, при котором суд должен будет учесть в числе других смягчающих или отягчающих обстоятельств «положение, достояние преступников», а также пол, возраст, наклонности преступников и обстоятельства совершения преступления. Эту мысль Марат иллюстрирует такими примерами. Из двух девиц, занимающихся разрывом, из двух мужчин, совершивших кражу, из двух клятвопреступников — заслуживает большего наказания та или тот, которые имели достаточное воспитание, достаточное материальное обеспечение, достаточный жизненный опыт. «Если закон должен иногда смягчаться, то это следовало бы делать в пользу несчастных, ибо у них редко может развиваться добродетель, и она ни в чем не встречает поддержки» (стр.50). Таким образом, Марат выдвигает требование, правда, сформулированное им далеко неполностью и далеко еще нечетко, относительно классового подхода суда к оценке личности преступника и к определению меры наказания, ставя в основе этой оценки интересы трудающегося и эксплуатируемого народа. Марат оставляет открытый вопрос о том, какие судьи смогут обеспечить такой подход к определению меры наказания.

6. Ограничение судейского усмотрения при определении меры наказания. Допущение судейского усмотрения при определении меры наказания Марат называет «опасным средством». Оно будет излишним в обществе, где будет достигнуто действительное равенство всех людей и где будут обеспечены материальные и культурные потребности людей в объеме известного минимума. Так как «общественные заведения обеспечивают всем необходимым и просвещением тех, которые имеют в этом недостаток, то все люди найдут себе убежище от нужды, не смогут ссылаясь на свое невежество и не будут более иметь законного предлога к нарушению законов» (стр.51). Следовательно, в «хорошо устроенном обществе» нет оснований для допущения судейского усмотрения при определении меры наказания. Но так как такое общество еще не

еще не существует, продолжает свою мысль Марат, то «...следовало бы предоставить судьям власть соразмерять наказание с нарушением; но для того, чтобы они никогда не злоупотребляли этой властью, пусть, имея право смягчать назначенное законом наказание, они никогда не могли бы его увеличивать» (стр.51, примечание).

7. Наказание должно быть личным. Это положение Марат подробно обосновывает. Он считает, что каждое наказание должно быть строго личным, и оно «не должно распространяться на ни в чем не повинных членов семьи преступника». В связи с этим Марат считает необходимым ограничить размеры денежного штрафа и конфискации имущества таким образом, чтобы они не причиняли ущерба интересам членов семьи наказанного преступника.

8. Наказание должно быть непреклонным. Обосновывая это положение, Марат указывает вслед за Беккариа и Вольтером, что «не мягкость наказания, а безнаказанность преступлений создает бессилие законов». Поэтому важно обеспечить такой порядок, при котором ни одно преступление не ускользало бы от правосудия. Уголовные законы должны быть непреклонными. Право помилования, принадлежащее государям, расценивается Марата как плохое средство исправления дурных законов. Если и допускать в отдельных случаях право помилования, то оно должно быть точно определено в самом законе. На том же основании недопустимо предоставление преступнику какого-либо убежища от правосудия. Наконец, Марат выдвигает требование обеспечить единство и непреклонность закона на всей территории государства.

Таковы общие принципы уголовного права, сформулированные Маратом в «Плане» и представленные им в стройной системе. Они нашли свое воплощение, конкретизацию и дальнейшее развитие в предлагаемой Маратом особенной части уголовного права. Представляется необходимым остановиться на преступлениях государственных, на преступлениях против личности и на преступлениях против собственности; необходимо также остановиться и на отношении Марата к так называемым преступлениям религиозным.

Целеустремленный характер системы уголовного права, предложенный Маратом, ярко проявляется и в особенной части, — в разделе «Плана», озаглавленном «О преступлениях и наказаниях». Особенная часть уголовного права разделяется Маратом на восемь глав: преступления против государства, преступления против законной власти, преступления против личной безопасности, преступления против собственности, преступления против нравственности, преступления против чести, преступления против общественного спокойствия, преступления против религии. Следует отметить, что Марат при рассмотрении отдельных видов преступлений не только подвергает анализу содержание каждого из них, оценивает его опасность для общества, но и устанавливает по каждому виду преступления конкретные меры наказания.

В целом система особенной части уголовного права, содержащаяся в «Плане», такова:

I. О преступлениях против государства.

А. Ложные государственные преступления.

1. Сочинения против государя и т.п.
2. Жалобы государю и сопротивление несправедливым его повелениям.
3. Посягательства на жизнь государя.
- 4 Порча чеканых монет.
5. Подделка чеканых монет.
6. Контрабанда.
7. Дезертирство.

Б. Подлинные государственные преступления.

1. Притеснения и взяточничество.
2. Переход на сторону врага.
3. Нарушение служебного долга.
4. Растрата и хищения.
5. Лихоимства, происки и измены.
6. Поджоги кораблей, верфей, складов, арсеналов, общественных архивов и зданий.
7. Заговоры.

II. Преступления против законной власти.

1. Пренебрежение к повелениям государя и должностных лиц.
2. Пренебрежение к родительской власти.
3. Преступления хозяев и слуг.

III. Преступления против безопасности лиц.

1. Предумышленное убийство.
2. Насилия и оскорблении.
3. Засада, опасные ранения,увечья.
4. Убийство при самозащите.
5. Невольное убийство.
6. Дуэль.
7. Вредное изменение съестных припасов.

8. Самоубийство.

IV. Преступления против собственности.

1. Кражи.

2. Укрывательство.

3. Изменение товаров.

4. Ростовщичество.

V. Преступления против нравственности.

1. Развращение.

2. Обольщение.

3. Прелюбодеяние.

4. Незаконные связи.

5. Увоз.

6. Изнасилование.

7. Множенство.

8. Проституция и разврат.

9. Сводничество.

10. Мужеложство и скотоложство.

VI. Преступления против чести.

1. Злословие.

2. Клевета.

3. Пасквили.

4. Обвинения.

5. Клятвопреступление.

VII. Преступления против общественного спокойствия.

1. Пьянство.

VIII. Преступления против религии.

1. Атеизм, ереси, раскол.

2. Простое святотатство.

3. Богохульство.

4. Магия.

5. Преступления, нарушающие отправление богослужения.

6. Плохое обращение со священниками, отправляющими свои обязанности.

7. Кража священных вещей.

8. Соблазнительные сочинения.

Характеризуя государственные преступления, Марат относит к ним «те, которые ведут к гибели государства». Разоблачая феодальные взгляды на государственные преступления, Марат выделяет группу преступлений, которые он называет «ложными государственными преступлениями» и о которых он говорит в особой главе. Эта глава по существу представляет собой обвинительный акт против феодализма, против феодального права. Для уяснения содержания этой главы необходимо привести слова Марата из первой части его «Плана», в которой он излагает свое отношение к феодальному праву. «Когда окидываешь взором уголовное право различных народов, то негодуешь при виде того, в какой мрачный хаос подвергнута справедливость. Да что говорить, видя повсюду людей, подчиненных несправедливым законам и преданных мечу тирании, содрогаясь, поражаешься власти суеверия» (стр.30). Несколько дальше Марат рисует «ужасную картину преступлений», совершаемых тиранами и угнетателями против народа. Он описывает «легкие преступления, караемые жестокими наказаниями, ужасные преступления, остающиеся безнаказанными, варварское обращение с обвиняемыми, гнусные средства, применяемые для изобличения виновных» (стр.31).

Разоблачая феодальное понимание государственных преступлений, Марат предвидит, что люди, осознав свои права, «захотят, наконец, пользоваться ими: тогда и только тогда, тяготясь своими оковами, они попытаются разбить их».

Рассматривая государственные преступления, Марат начинает: «с восстановления истинных понятий о вещах». Он подвергает уничтожающей критике то понятие государственных преступлений, которое внушили «наемные законоведы»: «Нет ничего возмутительнее тех ложных идей о государственных преступлениях, которые внушили наемные законоведы. Под государственными преступлениями они понимают все то, что совершается против государя, а когда они захотели повысить значение последнего, то наименование государственных преступлений они заменили наименованием преступлений «оскорблении величества» различных степеней» (стр.57). Марат считает в корне неправильным рассматривать оскорбление величества в качестве государственного преступления: государь — это только слуга нации, и между ними никак нельзя ставить знака равенства. Поэтому господствующее понятие государственных преступлений является в корне неправильным, оно было создано тиранами после того, как они совершили грязное посягательство на свободу. «Уничтожив свободу, они стали бояться всего, что могло

А. А. Герцензон

УГОЛОВНО-ПРАВОВАЯ ТЕОРИЯ Жана Поля МАРАТА

М.: Государственное издательство юридической литературы. 1956

Vive Liberta и Век Просвещения, 2009

напомнить о ней, и возвели в преступление отказ повиноваться их несправедливым приказам, требования прав человека, жалобы несчастных и угнетенных. Дойдя до отождествления себя с государством, они стали признавать преступлением все то, что наводило на них тень; тирания повсюду вырыла пропасть под ногами граждан. Когда государь завладел верховной властью, льстцы стали щедро наделять его пышными титулами царя царей, августейшего императора, священного величества; они возвели в преступление оскорбление величества, а в государственное преступление — все то, что ему не нравилось» (стр.56).

Созданное деспотами понятие государственного преступления воздействует на невежественные, непросвещенные умы, и это помогает власть имущим тиранически управлять народными массами.

Резко критикуя подобное понятие государственного преступления, «это ужасное оружие, всегда пагубное для невинности и добродетели», Марат хочет вырвать его у тиранов и добиться того, чтобы их царству пришел конец.

Марат считает, что некоторые из так называемых государственных преступлений вообще не являются преступными. К их числу он относит: сочинения против государя, разоблачающие его пороки, жалобы на несправедливые действия государя и сопротивление несправедливым повелениям государя.

По поводу сочинений против государя Марат пишет: «Если государи добродетельны, то общественное негодование вполне достаточно отомстить за них смельчакам, которые имели наглость их поносить. Если государи порочны, то сочинители эпиграмм не скажут ничего такого, что уже не было бы известно» (стр.58). В тех же случаях, когда на государя возводят клеветнические измышления, он, как и все люди, имеет право обратиться в суд, и последний накажет виновного по заслугам — объявит человека плохо воспитанным. Таким образом, Марат по существу ниспровергает один из столпов феодального уголовного права — понятие «оскорбления величества».

Еще более резко выступает Марат против признания преступным сопротивления граждан несправедливым повелениям государя. «Власть была вверена государям лишь для благополучия народов. Если они правят, то должны делать это справедливо; всегда, стало быть, дозволяется требовать от них правосудия и жаловаться, если нельзя его добиться. Государь является слугой закона. Если он говорит от его имени, то надо повиноваться: но он должен говорить от имени закона лишь тогда, когда дело идет об общественном благе; в противном случае, когда он повелевает, то верховный судья исчезает, а остается человек. Неповинование несправедливым повелениям и сопротивление недозволенным мерам не должны, стало быть, считаться преступлениями» (стр.59).

Ряд преступлений, которые феодальное право относило к числу государственных, Марат рассматривает как обычные уголовные преступления. К ним он относит посягательство на жизнь государя, подделку денег, контрабанду и дезертирство.

По мнению Марата, посягательство на жизнь государя отнесено к числу государственных преступлений без всяких оснований: если образ правления является основанным на законе, то государь является первым должностным лицом в государстве. Его смерть не может внести никаких изменений в государстве. Поэтому, заключает Марат, убийство государя является лишь простым убийством, и оно должно караться как всякое предусмотренное убийство смертной казнью, но без тех ужасных аксессуаров, которыми обычно карается цареубийство. «Для того, чтобы окончательно убедиться в том, что убийство государя не является государственным преступлением, достаточно сравнить наказания за эти преступления. Люди довольствуются обезглавливанием заговорщика, в то время, как они сдирают кожу, рвут калеными щипцами, четвертуют, мучают злодея, посягнувшего на жизнь государя. Почему это делается, если государь не поставил себя выше государства, выше суверена? Похитив верховную власть и чувствуя, что его подданные не могут питать к нему никакого доверия, он живет среди них, как среди своих врагов, а чтобы сделать свою личность священной и внушить безграничное уважение ко всему, что его касается, он знает лишь террор» (стр.60).

Ниже мы увидим, что эти мысли о цареубийстве Марат будет развивать спустя десять лет в связи с процессом Людовика XVI и, в частности, сошлется на свой «План» как на источник своих взглядов на государя, как на слугу суверена — народа.

В критике и разоблачении «ложных государственных преступлений» Марат пошел значительно дальше своих современников. Он смело с позиций революционного правосознания отбросил феодальное понимание государственных преступлений как антинародное и сформулировал совершенно иное понятие государственного преступления.

В главе, названной «Подлинные государственные преступления», Марат сформулировал те положения о преступлениях врагов народа, которые он развивает десять лет спустя. Он формулирует новое понятие государственных преступлений и относит к ним измену родине, притеснения со стороны должностных лиц, взяточничество, хищения, диверсии и заговоры против государства, имеющие целью ликвидировать свободу. «Государственными преступлениями, —

пишет Марат, — должны почитаться: предательство родины — под этим разумеется переход на сторону врага; возбуждение ненависти к власти путем злоупотребления какой-либо должностью — под этим разумеются притеснения и взяточничество; торговля правосудием — под этим разумеется нарушение служебного долга; разорение государства путем расхищения государственной казны — под этим разумеются растрата и хищения; измена государству — под этим разумеются лихоимства и сношение с врагами отечества; разрушение силы и богатства государства — под этим разумеются всякие поджоги кораблей, верфей, складов, арсеналов, общественных архивов и зданий; наконец, составление заговора против государства, направленного на разложение армии, и подкуп высшей администрации для ниспровержения законов, приведения в расстройство управления и захвата верховной власти» (стр.65). Марат называет эти преступления чудовищными.

Марат рассматривает государственные преступления в качестве посягательства на действительного суверена — на нацию, на народ, на трудящихся и называет их виновников врагами, изменниками государства. Он проводит последовательное разграничение государственных преступлений, совершаемых в обществе, основанном на тирании, и совершающихся в обществе, основанном на справедливости и свободе. Перечень государственных преступлений, составленный Маратором, необычен, — к нему отнесены такие преступления, которые в феодальном обществе вовсе не карались или же наказывались незначительными взысканиями в силу привилегированного положения их совершивших. В этой связи Марат разоблачает безнаказанность тягчайших преступлений против народа, существующую в обществе, основанном на тирании. Говоря о притеснениях и нарушении служебного долга, Марат замечает, что эти преступления настолько распространены, что обычно на них смотрят как на признак могущества; рассматривая взяточничество, Марат указывает, что в высшей степени распространенное преступление — взятка является по существу «привилегией откупа, ибо откупщики покупают у государя разрешение взимать произвольно налоги с подданных» (стр.66). Марат бичует эти безнаказанные преступления откупщиков и чиновников королевской власти. Он наглядно показывает, что эти преступления совершаются в отношении бесправных, несчастных, обездоленных людей, лишенных возможности отстаивать свои интересы. Он разоблачает преступную деятельность притеснителей и взяточников, которые доводят людей до нищеты и заставляют их ненавидеть власть. «Употребить власть для притеснения бедняков — всегда большое преступление, но употребить ее для угнетения невинности — всегда преступление чудовищное. А что может быть возмутительнее, когда защитники нравственности подают пример испорченности, служители правосудия предаются беззаконию, а блюстители законов обращают их в орудие тирании?» (стр.67).

Но если эти преступления оказываются совершенно безнаказанными в обществе, основанном на тирании, то они должны караться сурово в обществе, основанном на свободе. Их следует рассматривать как предательство интересов родины, как переход на сторону врага и карать их следует лишением свободы, лишением навсегда прав гражданина и обесчещением, с обязательным возмещением причиненного ущерба.

Другой вид государственных преступлений, который называет Марат, — это растраты и хищения, в высшей степени распространенные преступления. «Растрата является кражей общественных сумм каким-нибудь лицом, охране которого они были поручены; пусть же преступник будет осужден к возвращению украденного и к штрафу в пользу государства, а затем будет с позором изгнан со своей должности. Такое же наказание должно быть вынесено расхитителю, ибо хищение является мошенничеством, совершенным при управлении общественными суммами» (стр.67).

Особо в числе государственных преступлений Марат выделяет лихоимство, прописки и измены. Он считает эти преступления ужасными, ибо они приносят в жертву интересам обогащения отдельных лиц общественные интересы и спасение государства. Виновные в этих преступлениях должны быть казнены. Такое же наказание должно быть применено за совершение диверсий, которые могут разрушить государство, истребить множество городов и людей. «Пусть же виновный лишится жизни; пусть внешние атрибуты его казни будут ужасны, и сам он будет очевидцем их» (стр.68).

Большое внимание уделяет Марат рассмотрению заговоров. Он проводит четкое и последовательное разграничение и дает политически острую оценку заговоров угнетенного народа против тиранов и заговоров тиранов против свободной нации, свободного народа. Первый вид заговора нельзя рассматривать в качестве преступления — это осуществление неотъемлемого права народа сопротивляться своим угнетателям. Но когда народ уже свободен, то заговоры против него являются тягчайшим из государственных преступлений. «Когда нация свободна и счастлива, заговоры являются величайшими из преступлений, потому что они стремятся низвергнуть конституцию и уничтожить законы, составляющие благополучие нации. Нет такой казни, которую не заслуживало бы подобное посягательство» (стр.68). И Марат требует для этих преступников «позорной смерти». Спустя десять лет Марат выступил перед французскими

трудящимися массами с грозными разоблачениями заговорщической деятельности врагов народа и потребовал применения мер революционного террора против них.

Свое отношение к государственным преступлениям как самым тяжким преступлениям против народа, против нации, против государства, основанного «на справедливости и свободе», Марат, таким образом, весьма точно и политически остро определил и сформулировал еще в дореволюционное время. По существу Марат был противником ложно понятого гуманизма, когда интересы спасения народа, защиты его исконных прав требовали применения к его врагам суровых мер наказания, когда именно этот ложно понятый гуманизм мог бы явиться источником огромных жертв со стороны народных масс

В «Плане» Марата уделено большое внимание преступлениям против личности. Они рассматриваются в разделе «Преступления против безопасности лиц», в разделе «Преступления против нравственности» и в разделе «Преступления против чести».

К числу «преступлений против безопасности лиц» Марат относит предумышленное убийство, насилия, оскорблении, засаду, опасные ранения,увечья, дуэль, «вредное для здоровья изменение съестных припасов».

Рассматривая предумышленное убийство, Марат указывает, что это преступление, посягающее на высшее из благ, по справедливости должно караться смертной казнью. Нет и не может быть обстоятельств, которые смягчали бы это преступление. Наоборот, следует говорить о многочисленных обстоятельствах, которые отягощают вину убийцы. К ним Марат относит убийство друга, благодетеля, брата, сестры, дочери, сына, отца, матери. Убийца должен понести публичное покаяние; он должен быть привязан на некоторое время к позорному столбу с надписью на груди; должны быть предусмотрены ужасные внешние атрибуты казни, «но смерть пусть будет легкой». Требуя примерного наказания предумышленного убийцы, Марат вместе с тем подчеркивает, что убийство государя, судьи, министра не должно особо выделяться, так как оно также является предумышленным убийством, но ни в коем случае не может рассматриваться как государственное преступление.

Посягательство на свободу, безопасность и жизнь человека как неправомерное насилие должно влечь за собой наказание, вытекающее из самой природы этого преступления. Таким образом, по мнению Марата, незаконное лишение кого-либо свободы должно влечь за собой приговор к лишению свободы; засада, опасное ранение,увечья и тому подобные преступления, причиняющие меньшее зло, чем убийство, должны влечь за собой не смертную казнь, а пожизненные тяжкие общественные работы.

Рассматривая различные виды лишения жизни, Марат выделяет убийство при самозащите и «невольное убийство». Он сжато формулирует обоснование необходимой обороны. «Когда закон, созданный для защиты тех, кто живет под его властью, не имеет времени прийти на помощь притесняемому, то последний, находясь в общественной среде, возвращается в среду естественную и вправе отразить силу силой» (стр.72). Если при осуществлении необходимой обороны нападающий будет убит, то обороняющийся должен быть «очищен от обвинения и оправдан».

Под «невольным убийством» Марат подразумевает убийство, совершенное нечаянно или благодаря насилиям в ссоре. В этих случаях необходимо доказать отсутствие предумышленности. Но оправданный все же должен быть присужден к денежному штрафу в пользу семьи умершего или в пользу благотворительного учреждения.

Большое внимание уделил Марат дуэли, что является понятным в связи с распространностью ее в ту эпоху. Марат считает, что дуэль существует там, где закон не обеспечивает должного удовлетворения за обиду; в подобных условиях дуэль не может считаться преступлением. Но если закон обеспечивает надлежащее удовлетворение обиженного, то дуэль должна рассматриваться в качестве преступления.

Марат указывает на два действительных способа прекращения дуэлей. Первый из них состоит в том, чтобы закон наказывал обидчика. В этой связи Марат предлагает установить следующие наказания:

за оскорбление, не затрагивающее честности, — публичное извинение;
за оскорбление, затрагивающее честность, — денежный штраф;
за угрозы насилием при оскорблении — арест;
за нарушение спокойствия лицом, имеющим оружие, — пожизненное тюремное заключение;
за ранение или убийство в ссоре — признание обидчика виновным в совершении этого преступления.

Марат рекомендует, кроме того, наказывать дуэлянтов которые предпочут, не обращаясь в суд, прибегнуть к оружию; он предлагает отрезать пальцы руки, державшей - оружие.

В главе, посвященной преступлениям против безопасности лиц, Марат уделяет большое внимание «вредному изменению съестных припасов». Марат резко отрицательно относился к погоне за наживой, которой руководствуется деятельность торговцев и которая приводит к тому, что многие из них сознательно продают недоброкачественные продукты, наносящие серьезный

ущерб здоровью потребителей и даже угрожающие их жизни. Марат пишет: «Среди преступлений, порождаемых жаждой к наживе, немного найдется более тяжелых, чем вредное изменение съестных припасов, ввиду той опасности, которой оно подвергает человеческую жизнь. Изменять или продавать товары, измененные так, что они становятся опасными, а обман не заметен, — это значит не только лишить нас драгоценнейшего из благ — здоровья, но и доставить нам долгие страдания, которые кончаются лишь смертью. Это преступление велико по своим последствиям. Стало быть, чем тяжелее его последствия, тем строже оно должно быть наказано» (стр.74—75). Марат расценивает это преступление как равносильное убийству, а торговцев, виновных в нарушении здоровья или в причинении смерти многих людей, заслуживающими сурового наказания. По мнению Марата, подобные торговцы должны быть задержаны, их имущество — конфисковано, «а на самом видном месте его лавки прибыт объявление, написанное крупными буквами и содержащее такие слова: «здесь торговец, которым рискуешь быть отравленным». Если потребитель испорченных съестных припасов умрет, то виновный в этом торговец будет приговорен к пожизненным общественным работам, а половина его имущества будет конфискована в пользу семьи потерпевшего. Помимо мер карательных в отношении торговцев, Марат рекомендует и меры предупредительные: учреждение санитарного контроля за торговлей съестными припасами.

Глава «Преступления против безопасности лиц» завершается изложением соображений против признания самоубийства преступлением. Марат считает, что признание самоубийства преступлением является актом ужасной тирании: «человек привязан к обществу лишь благополучием; если же он находит в нем только нищету, то, стало быть, он волен от него отказаться. Человек привязан к жизни лишь удовольствием; если же он ощущает свое существование лишь благодаря горю, то, стало быть, он волен от него отказаться» (стр.77).

В шестом разделе своей особенной части уголовного права Марат рассматривает преступления против чести. В этом разделе Марат излагает свод взгляды на злословие, клевету, пасквили, клятвопреступление и лжесвидетельство.

Хотя побудительные причины злословия, по мнению Марата, всегда отвратительны и само оно заслуживает порицания, однако Марат считает, что в некоторых случаях оно должно быть оправдано. Это относится к злословию в деспотических странах. «Во всякой стране, где закон не обуздывает сановных злодеев, государей, тиранящих своих подданных, должностных лиц, нарушающих долг службы, прелатов, нравы которых мало поучительны, для некоторого удержания их на пути долга остается лишь страх перед общественным негодованием. Злословие служит, стало быть, в некотором роде уздой для власти, которой они злоупотребляют, и главным образом на этом основании оно должно быть терпимо. Если страх затыкает всем рты, то свободе конец. Прибавим, что именно злословию надлежит наказывать пороки, о которых не могут знать суды, ибо о тех людях, которые провинились, недостаточно не сказать ничего» (стр.111). Для того чтобы злословие не превратилось в злоупотребление, необходимо чтобы оно опиралось на факты. Иначе оно должно наказываться наравне с клеветой.

Клевета — это, по словам Марата, сплетение бесчестной лжи. Марат подробно рассматривает причины клеветы, видя их в многочисленных пороках, распространенных в обществе. Обосновывая наказание за клевету, Марат пишет: «Если для блага государства нет ничего более важного, чем уважение к законам, то, конечно, общество заинтересовано в том, чтобы честный человек не был оклеветан. Кто лишил честного имени другого, должен утратить свое. Значит, за клевету всегда следовало бы применять позорящее наказание; но так как наказание должно быть исправительным, то поскольку имеется хоть какая-нибудь разумная надежда на исправление виновного, пусть он в первый раз будет осужден к удовлетворению чести оскорбленного, во второй раз — к удовлетворению его чести и к уплате штрафа в пользу благотворительного учреждения; в третий раз — к выставлению на несколько часов у позорного столба» (стр.113). Марат предвидит, что пока не изменятся коренным образом нравы, не удастся обуздеть клеветников, даже если будут приняты самые лучшие уголовные законы. Но это не означает, что следовало бы отказаться от наказания клеветников. Требуя наказания лиц, виновных в издании клеветнических сочинений, Марат в то же время подчеркивает, что никакая сатира не может считаться пасквилем, до тех пор, пока бесчестящие обвинения не будут доказаны. Наконец, Марат приравнивает ответственность за лжесвидетельство, клятвопреступление и ложное обвинение к ответственности за клевету.

Очень большое место в «Плане» занимает раздел «О преступлениях против нравственности». Читателя, впервые знакомящегося с этой работой Марата, поражает, что преступлениям против нравственности Марат уделил наибольшее внимание. Для того чтобы уяснить причины столь большого внимания Марата к этой категории преступлений, необходимо привести слова самого Марата: «Я прекрасно понимаю, что законы, составляющие предмет этой главы, не годились бы для богатой и развращенной нации. Ее даже трудно убедить в том, что этот вопрос законодательства всегда будет камнем преткновения для тех, кто захочет согласовать справедливость и нравственность с мнением и приличиями. Нация, которая действительно

заботится о том, чтобы возвратить себе свободу, должна вскоре заняться переделкой уголовного кодекса. Но если ей и удастся искоренить некоторые чудовищные злоупотребления, то, чтобы она ни делала, если ей не удастся внушить нам правил нравственности и возвратить нам добродетельных людей, она никогда не добьется установления у нас царства справедливости. Общее искоренение злоупотреблений невозможно без общественного целомудрия. Испорченность же наших нравов — необходимое следствие слишком неравного дележа богатств, роскоши, являющейся его результатом, и пороков, ее сопровождающих, — достигла своего апогея» (стр.92, прим.).

Распущенность, разврат, безнравственность — черты, которые ярко характеризуют состояние привилегированных сословий во Франции XVII—XVIII веков. Разоблачая эти пороки общества, Марат тем самым имел возможность наглядно показать разложение, которое царило среди этих сословий. Подробно рассматривая преступления против нравственности, он в ярких красках рисует картину бесправного, угнетенного положения в обществе женщины, происходящей из среды трудящегося и эксплуатируемого народа. Марат и в решении вопроса о борьбе с преступлениями против нравственности выступает пламенным борцом за интересы угнетенных масс.

Марат говорит о неравенстве мужчины и женщины, о бесправном положении женщины, которую никакие законы не охраняют: «Законы не только не приходят на помощь слабой, угнетенной женщине, но присоединяются к ее жестокому притеснителю, и за ошибку, которую он совершил безнаказанно, она всегда утрачивает свое доброе имя, часто свою свободу, а иногда и самую жизнь. Таким образом, в отношении пола, более всего нуждающегося в защите, законодатель всюду осуществляет самую ужасную тиранию» (стр.93). Наиболее бесправным, безвыходным, тяжелым оказывается положение девушки, происходящей из низших слоев общества. «На одну проститутку, доведенную до проституции леностью или страстью к украшениям, приходится тысяча проституток, доведенных до нее голодом» (стр.88). В этом находит свое проявление «крайнее неравенство наших состояний». И Марат повествует о несчастьях девушки, пришедшей в город на заработки и понуждаемой к проституции всей системой существующих общественных отношений.

Марат бичует многочисленных развратителей, происходящих по преимуществу из привилегированных слоев общества, обольстителей, распутников и тому подобных паразитов общества, безнаказанно творящих свои жестокие преступления, и жертвами которых оказываются женщины из народа. Марат верил в то, что революция принесет с собой искоренение пороков: «Благодаря возвращению свободы, за революцией, происшедшей в наших представлениях, непременно последует революция и в наших чувствах; а когда мы будем свободными, мы станем нравственными. Как можно требовать уважения к нашим правам, если мы не уважаем прав других? Мы уже начинаем терять вкус к тщеславию, к легкомыслию, к мелочам. Волокитство сменится настоящей любовью. Наши женщины, ставши гражданками, станут более рассудительными, более твердыми, более достойными любви. Распутство возбудит одно лишь презрение, и счастье возродится среди нас. О, сладкие плоды свободы! Раб имеет лишь одни пороки, свободный же человек добродетелен» (стр.93, прим.).

Намечая систему мер наказания за преступления против нравственности, Марат, как и в отношении других видов преступлений, различает общество, основанное на тирании, и «хорошо устроенное общество». Он подчеркивает, что его предложения не подойдут для современного ему общества.

Марат считает необходимым проведение не только реформы уголовного законодательства, но в первую очередь законодательства о браке и семье. Большое внимание он обращает и на меры предупреждения преступлений против нравственности.

В этой связи он говорит об установлении алиментов на содержание внебрачного ребенка, об уравнении прав брачных и внебрачных детей и т.д.

При прелюбодеянии мужчина должен наказываться более строго, чем женщина, причем наказание должно состоять главным образом в конфискации части имущества в пользу потерпевшей стороны.

Незаконные связи должны наказываться общественным порицанием, а при рецидиве — тюремным заключением на один месяц.

Считая изнасилование тяжким преступлением, Марат считает все же смертную казнь излишне суровым наказанием за это преступление. Он рекомендует, чтобы суд обязывал виновного жениться на потерпевшей, если обе стороны свободны; в противном же случае виновный должен подвергнуться обесчещению. Если потерпевшая окажется беременной, то насильник подвергается конфискации половины имущества в пользу нее и ее ребенка или заключению в смирительный дом.

По мнению Марата, многоженство не является столь ужасным преступлением, как это считает религия. Поэтому он признает достаточным применение частичной конфискации имущества виновного в пользу детей от первого брака или заключение в смирительный дом.

Проституцию Марат считает нарушением общественной нравственности.

Проститутка должна быть наказана лишением свободы; такому же наказанию подвергается и мужчина, посещающий «непотребные» дома. Если после отбытия наказания проститутка и ее посетитель будут продолжать распутный образ жизни, они подвергаются лишению свободы на более длительный срок.

Сводничество оценивается Маратом как «гнусное преступление, которое не может получить извинения ни при каких условиях». Виновные в сводничестве должны быть приговорены к пожизненному лишению свободы с принудительными работами, и большая часть их заработка в тюрьме должна передаваться на содержание общественных воспитательных домов.

Марат не считал целесообразным включать в уголовный кодекс ни мужеложства, ни скотоложства: это аморальные поступки, вызывающие отвращение, но, к счастью, они мало распространены.

Заключение главы о преступлениях против нравственности посвящено «способам предупреждения преступлений, вызываемых испорченностью нравов». По мнению Марата, причины этих преступлений коренятся в испорченности нравов высших сословий. Будучи сами безнравственными, высшие сословия развращают и все другие слои населения. Развращенными являются государи, их приближенные, которые постепенно разложили все общество. «Как же это можно исправить? Для нации, у которой пример государя увлекает подданных и у которой подданные испорчены роскошью, это никак невозможно. Но иначе обстоит дело в отношении народов, у которых те, кто облечены властью, не стоят выше законов и у которых часть граждан не утопает в изобилии» (стр.109). Для того чтобы вести успешную борьбу с испорченностью нравов, Марат рекомендует устранить причины, понуждающие неимущих женщин предаваться распутству, — устранить бедность. Для этого Марат предлагает в каждом большом городе устроить воспитательные учреждения для дочерей бедных граждан. В этих учреждениях они получат воспитание и специальное образование, а затем и работу через организованное с этой целью посредническое бюро. Подводя общие итоги своему исследованию преступлений против нравственности, Марат пишет: «Избавить от бедности несчастных, которые вынуждены продаваться, спасти от разврата тех, которые ему себя обрекли, заточить тех, которые занимаются развращением молодежи, лишить мужчин охоты соблазнять женщин, принудить обольстителей к исправлению своих ошибок браком, обуздать распутников страхом бесчестья или потерей свободы и изгнать из общества неисправимых развратников — значит вырвать у порока его виновников, его пособников, его жертвы, значит снова поставить вещи на свое место, значит восстановить добрые нравы» (стр.109—110).

Преступления против собственности рассматриваются Маратом в четвертом разделе особенной части. Следует иметь в виду, что в первой части своего «Плана» Марат уже осветил природу этих преступлений, причины их совершения и меры, способствующие предупреждению посягательств на собственность. Эти соображения Марата уже излагались нами при исследовании общих принципов «Плана». Напомним здесь, что Марат объясняет совершение преступлений неимущими слоями населения тем, что «почти повсюду правительство, лишая бедняков средств к существованию, само вынуждает их к преступлению» (стр.40). Марат показывает невыносимое положение народа, стонущего под игом тиранов и насильников. Он говорит о безвыходном положении бедняка: «Итак, доведенный до нищеты незаконными поборами откупщиков, возмущенный черствостью богачей, гонимый отовсюду и приведенный в отчаяние воплями своих детей, просящих у него хлеба, он имеет лишь одну возможность поправить свои дела: где-нибудь из-за угла подстерегать прохожих» (стр.40). Несправедливость общественного устройства проявляется и в том, что бедняк, посягнувший на частную собственность из-за того, что его лишили самых элементарных условий существования, подвергается наказанию со стороны тех, которые как раз и лишили его этих условий. «Несчастных предают кровожадному суду, их безжалостно осуждают на смерть, а после, прибавляя к тяжкой обиде надругательство, их принуждают признать себя преступниками и восхвалять бесчеловечность их тирана» (стр.40—41).

Напомним также, что Марат в первой части своего «Плана» подробно обосновывает право общества карать преступников лишь после того, как оно выполнит свои обязанности перед своими членами и обеспечит каждому из них сносные условия существования. Поэтому, излагая общие принципы уголовного права, Марат уделяет большое внимание мерам предупреждения преступлений путем проведения ряда реформ в общественной жизни.

В разделе, посвященном преступлениям против собственности, Марат указывает на несправедливость действующего законодательства о преступлениях, посягающих на собственность. Применение смертной казни за кражу следует признать недопустимым: «Между ценой золота и ценой жизни нет никакой соразмерности» (стр.77). Эта несправедливость действующего законодательства о краже, по мнению Марата, состоит и в том, что сурово караются лишь бедняки, а высокопоставленные воры остаются безнаказанными или подвергаются легкому наказанию. «Часто какой-нибудь бедняк за кражу лохмотьев подвергается более строгому наказанию, чем какой-нибудь захватчик за ограбление законного наследника или какой-нибудь расхититель за

разорение государства» (стр.77). Наконец, Марат усматривает несправедливость кары за кражу в том, что почти повсеместно кража наказывается строже, чем мошенничество, хотя последнее значительно опаснее первого как со стороны причиняемого вреда, так и со стороны злонамеренности преступника.

Если исходить из природы кражи, рассуждает Марат, то достаточным наказанием за нее явилось бы присуждение вора к возмещению ущерба. Но необходимо для усиления предупредительного воздействия наказания сверх этого приговорить вора к штрафу в пользу государства и к опозорению, состоящему в публичности осуждения.

Исходя из этих соображений, Марат устанавливает шкалу штрафов — от однократного до пятикратного, в зависимости от характера кражи. Наказание должно быть дифференцировано в зависимости от имущественного положения преступника: «Если он получил воспитание и богат, то денежное наказание в пользу государства должно быть тяжелее» (стр.79). В тех же случаях, когда у виновного нет имущества, чтобы уплатить штраф, он подлежит заключению в смирительный дом, где, работая и получая за работу вознаграждение, постепенно уплатит назначенный ему штраф. Марат предусматривает сюровое наказание рецидивистов: при рецидиве кражи преступник, достигший «сознательного возраста», приговаривается к пожизненному лишению свободы, ибо он «безвозвратно потерял доверие закона».

На втором месте после кражи Марат рассматривает «изменение товаров». По этому поводу Марат пишет: «Изменять товар с намерением, продавать его в качестве хорошего является незаконным действием, злоупотреблением доверия, которое и следует наказывать» (стр.80). Выше уже было показано отношение Марата к преступному изменению съестных припасов как к тяжкому посягательству на безопасность лиц. Здесь же речь идет об изменении других товаров. Исходя из последовательно проводимой идеи об определении наказания в соответствии с природой преступления и считая, что преступное изменение товаров есть злоупотребление общественным доверием на почве страсти к наживе, Марат предлагает наказывать торговцев, впервых, возмещением ущерба и, во-вторых, вывешиванием объявления «на самом видном месте его лавки или его дома» следующего содержания: «Здесь торговец, который обманывает». Продолжительность этого наказания должна соответствовать тяжести преступления.

В числе имущественных преступлений Марат выделяет ростовщичество — «этот договор между нуждой и скопостью». Различая виды ростовщичества, Марат рекомендует наказывать ростовщиков штрафом, а иногда и конфиснацией имущества: «Подавить жажду золота любовью к золоту же является действительным способом уничтожения этого преступления». Одновременно с установлением этого вида наказания Марат предлагает ввести и меры предупреждения ростовщичества; наилучшим средством он считал учреждение ссудных касс.

Из изложенного видно, что Марат в своих предложениях о борьбе с посягательствами на частную собственность рекомендовал ограничиваться штрафом, редко прибегать к лишению свободы в отношении лиц, впервые совершивших преступление, и широко практиковать его применение в отношении рецидивистов. Все его предложения о борьбе с имущественными преступлениями проникнуты стремлением в максимальной степени облегчить положение неимущих слоев населения, понуждаемых к совершению преступлений несправедливостью общественного устройства. Но когда речь идет о торговцах, фальсифицирующих товары народного потребления, о ростовщиках, наживающихся на нужде, Марат возвышает свой голос и требует самого сюрового их наказания.

На последнем месте в системе особенной части уголовного права Марат помещает «преступления против религии».

Идя вразрез с феодальным уголовным правом, Марат перемещает главу о религиозных преступлениях с первого на последнее место и устанавливает за их совершение незначительные наказания, не похожие на ту систему кровавого террора, которой характеризовалась борьба с этими преступлениями в XVII—XVIII веках. Фактически Марат свел на нет борьбу с религиозными преступлениями, и с точки зрения господствовавшей идеологии его предложения в этой области могли быть расценены как «кощунственные».

Различая преступления против религии, нарушающие общественный порядок и подсудные «человеческому суду», с одной стороны, и преступления против религии, подсудные «божескому суду», с другой стороны, Марат призывает к гуманности наказания: «Наказание преступлений против религии, подсудных человеческому суду, всегда должно вытекать из природы вещей. Пусть законы остерегаются требовать отмщения за небо, ибо как только эта мысль приходит на ум законодателю, то справедливости наступает конец: сколько эшафотов, возведенных для несчастных, которые отказались сотворить крестное знамя, сколько костров, зажженных для несчастных, все преступление которых состояло в некоторой особенности мнений, и сколько других варварских казней, заставляющих содрогаться от ужаса» (стр.118).

В числе религиозных преступлений Марат упоминает атеизм, ереси, раскол, святотатство, богохульство, магию, нарушения отправления богослужения, плохое обращение со священниками, кражу священных вещей.

По мнению Марата, атеизм и ересь не являются преступлениями до тех пор, пока их сторонники не произносят речей, не вербуют своих сторонников и т.д. Но когда они становятся активными, они превращаются в сектантов, злоупотребляющих своей свободой. В этом случае их действия подлежат наказанию — они подлежат заключению «на ограниченный срок в спокойную тюрьму».

Простое святотатство, то есть оскорбление религии, по мнению Марата, не должно рассматриваться как преступление; оно должно подлежать компетенции «божеского суда». За богохульство виновный подлежит трехдневному заключению, а при рецидиве — удвоению этого срока. Лица, занимающиеся магией и обманывающие людей, должны наказываться за обман (плутовство). Маги, колдуны, ворожеи, фокусники и всевозможные шарлатаны, живущие «за счет человеческой глупости», подлежат заключению в рабочий дом. Лица, нарушающие порядок богослужения, могут быть приговорены к публичному порицанию. Наконец, кража священных вещей должна наказываться как домашняя кража, то есть возмещением ущерба и штрафом в пятикратном размере.

Для того чтобы оценить предложения Марата о наказаниях за религиозные преступления, следует иметь в виду, что все перечисляемые им преступления в ту эпоху карались квалифицированными видами смертной казни. Поэтому уголовно-правовые воззрения Марата и в этой части для того времени, несомненно, являлись прямым вызовом официальному обществу, официальным уголовно-правовым взглядам, законодательству и судебной практике. Правда, можно было бы заметить, что Марат в решении вопроса о наказуемости религиозных преступлений не делал таких крайних выводов, как Мелье в своем «Завещании», как Гельвеций и в особенности Гольбах. Несомненно, Марат в известной мере отдавал дань некоторым традициям эпохи и в решении этого вопроса стоял на более умеренных позициях, чем упомянутые только что мыслители. Но не следует забывать, что Мелье при жизни не опубликовал своего «Завещания», что Вольтер рискнул издать лишь извлечения из него, что произведения Гольбаха опубликовывались анонимно, что ни одно из антирелигиозных произведений того времени нельзя рассматривать в качестве содержащего конкретные предложения для реформы уголовного законодательства. Между тем «План» Марата был рассчитан на его рассмотрение в качестве конкретного проекта уголовного кодекса, и вполне возможно, что сохранение главы о религиозных преступлениях в этом проекте являлось тактическим приемом Марата. Во всяком случае в годы революции Марат не выступает защитником наказуемости этих преступлений, а, наоборот, требует самых суровых наказаний для врагов народа из числа священнослужителей.

Уместно напомнить, что Беккариа в своем трактате избегает называть религиозные преступления, а говорит «об особом роде преступлений». Он в глухих и неясных выражениях критикует феодальное право за суворые кары, назначаемые религиозным преступникам, и тут же оговаривает, что «ни место, ни время, ни предмет не позволяют мне исследовать природу этого преступления». А в предисловии к своему трактату Беккариа подчеркивает, что он «публично засвидетельствовал свою религиозность и покорность моему суверену».

Таким образом, политический смысл предложений Марата о наказаниях за религиозные преступления может быть понят лишь с учетом конкретных исторических условий французской монархии XVIII века.

Третья и четвертая части «Плана» посвящены вопросам судоустройства и судопроизводства. Представляет интерес сама система изложения этих вопросов, которую мы здесь и воспроизводим:

I. «О природе и силе доказательств и презумпций»

1. О донесении.
2. О розыске виновного.
3. О преследовании преступников.
4. О полюбовной сделке и о прощении преступлений.
5. Об уголовном судопроизводстве.
6. О неприемлемых свидетелях.
7. О доказательстве посредством свидетельских показаний
8. О доказательстве посредствомличного.
9. О доказательстве посредством следов преступлений.
10. О презумпциях.

II. «О способе приобретения доказательств и презумпций во время судебного расследования так, чтобы не нарушить ни справедливости, ни свободы и согласовать мягкость с уверенностью в наказаниях и человечность с безопасностью гражданского общества»

1. Общее правило.
2. О тюремном заключении.
3. О судебных формах.
4. Об уголовном судопроизводстве.
5. О способе приобретения доказательств преступления.

6. Об обращении с обвиняемыми во время их заключения.
7. Об уголовном суде.
8. О сроках производства дел.
9. О судебном следствии.
10. Об исполнении приговоров.

Марат исходит из той предпосылки, что наличие хороших законов само по себе еще не служит гарантией их соблюдения: «Недостаточно было бы издавать хорошие законы, если бы их не заставляли соблюдать; их заставляют соблюдать, лишь наказывая преступление; но прежде чем наказывать преступление, нужно изобличить виновного» (стр.124).

Из противопоставления «хорошо устроенного общества» антагонистическому обществу Марат выводит общие положения уголовного процесса. В «хорошо устроенном обществе» индивидуальные интересы совмещаются с государственными, и поэтому «...нарушение законов является посягательством на общество, каждый гражданин которого должен требовать справедливости» (стр.124). Но в антагонистическом обществе интересы частных лиц не совпадают с общественными интересами, и «...всякое преступление при нем совершается против государства или против его членов. Стало быть, доносить о нем и преследовать его надлежит потерпевшей стороне» (стр.124). В соответствии с этими положениями Марат доказывает, что в современном обществе преимущество находится на стороне частного, а не государственного обвинения.

Исследуя системы розыска преступников, Марат резко критикует систему шпионажа и доноса, называя отвратительными те способы, которыми пользуются современные правительства.

Говоря о цели уголовного судопроизводства, Марат указывает на осуждение виновного и оправдание невинного. В этой связи Марат выступает в качестве противника пыток как способа получения признания обвиняемого. «Законы созданы столько же для защиты невинности, сколько и для наказания преступления. Если они разрешают собирать против обвиняемого доказательства преступления, в котором он обвиняется, то они должны предоставить ему все возможные способы для защиты. Нелепо добиваться от виновного сознания в совершении преступления и обращать это сознание в доказательство против него. Итак, прочь от нас эти варварские способы, употребляемые для того, чтобы вырвать признание, которого не имеют даже права требовать. Если бы пытка и не была ужасным родом доказательств, то она является родом доказательства противоестественного, ибо она нарушает принцип естественной защиты» (стр.129).

Уголовное судопроизводство, указывает Марат, должно собирать двоякого рода доказательства: положительные доказательства обвинения и отрицательные доказательства защиты. Сопоставляя те и другие, суд приходит к выводу о виновности или невиновности. Доказательства преступления должны беспристрастно оцениваться судом, который рассматривает все факты, представляемые обвинением и защитой.

Стремясь определить критерии достоверности различных видов доказательств, Марат оценивает каждый из них. В этой связи он говорит о неприемлемых свидетелях (в силу их возраста, интеллектуальных и моральных качеств и т.д.), о доказательствах посредством свидетельских показаний, о доказательствах посредством следов преступления, о презумпциях (косвенные улики).

Марат требует введения публичности правосудия. Он ярко показывает те злоупотребления, жестокость и произвол, которые получили распространение в результате отсутствия публичности правосудия. «Во мраке темниц бесчестные исполнители, переодетые злодеями, расставляют сети обвиняемому и стремятся приобрести его доверие, чтобы затем изменить ему. В мрачных убежищах тюрьмы бесчеловечные судьи, забывая о своем достоинстве, унижаются до обязанностей доносчика и для погибели несчастных употребляют коварство, которое ничем не стесняется. В неприступном суде заседают судьи, с ожесточением добивающиеся гибели невиновного» (стр.137).

Для обеспечения подлинного правосудия Марат считает необходимым установление совершенно точных, неизменных и общеобязательных правил и форм судопроизводства. В них он видит залог осуществления справедливости и подлинной гуманности. «Важно, чтобы расследование дела было подчинено незыблемым, точным, правильным формам, дабы не поступать произвольно в самом важном деле на свете. Эта часть уголовного законодательства заслуживает поэтому глубочайшего внимания. Необходимо не только установить все его действия и форму каждого действия в отдельности, но и обеспечить соблюдение установленных правил и признать недействительным все, что было бы совершено вопреки им. Судебные формы необходимы еще в одном отношении. Заставляя судью итти шаг за шагом, они предостерегают его от необдуманных решений. Направляя его ум на все существенные вопросы, они предохраняют его от гибельных упущений. Благодаря всем этим предосторожностям, принятым для того, чтобы добиться истины, законодатель показывает, насколько он ценит человеческую свободу, честь, жизнь. Заставляя преступников чувствовать, каким обдуманным и беспристрастным является осуждающий их приговор, он оправдывается в их глазах» (стр.138).

Марат последовательно развивает мысль о том, что до тех пор, пока обвиняемый не изобличен судом, он не может рассматриваться как виновный и с ним нельзя обращаться как с виновным. Если требуется подвергнуть обвиняемого предварительному заключению, то к нему нельзя применять те жестокости, которые так распространены в современном обществе. По этому поводу Марат пишет: «Сколько жестокостей, злодейств, варварства употребляется в отношении несчастных, нарушивших общественный порядок. А если они обвиняются в преступлении, достойном наказания, то общество тотчас же порывает с ними все связи, утрачивая в отношении их малейшее чувство человечности. Мало того, что их заковывают в кандалы, бросают в ужасную темницу и безжалостно отдают во власть тюремщика, который обрушивает на них всю свою ярость. Это гнусные злоупотребления, заслуживающие скорейшего уничтожения, ибо в каком бы преступлении эти несчастные ни были виновны, для того чтобы наказать их, никогда не следует ни нарушать справедливость, ни наказывать их сверх наказания, предусмотренного законами» (стр.139—140).

Марат уделяет большое внимание гарантиям защиты интересов обвиняемого, в особенности когда он является бедняком, лишенным возможности воспользоваться услугами платного адвоката.

Намечая основы судоустройства, Марат указывает, что независимость суда является необходимой предпосылкой справедливости правосудия. Марат выступает с резкой критикой системы пожизненных судей. Он считает, что им нельзя доверять правосудия. Пожизненные судьи быстро приобретают «некий сословный дух», они легко поддаются подкупу, теряют истинное мерилло наказания, становятся черствыми и нечувствительными к человеческим страданиям. «Приговоры пожизненных судей могут подсказываться предрассудком, очерствением, презрением к правам человечества, гордостью, интригой, коварством, продажностью и множеством других гнусных мотивов; этого нечего опасаться со стороны судей, избираемых лишь на день» (стр.143).

Марат считает, что для обеспечения справедливости правосудия необходимо, чтобы каждый был судим равным себе. Суд должен состоять из 12 присяжных заседателей, возглавляемых судьей, вооруженным знанием законов. В «Плане» Марат весьма детально описывает судебную процедуру.

В случае оправдания привлеченного к уголовной ответственности он должен получить возмещение. «Если для общественной безопасности важно взять под стражу невинного, в отношении которого имеются очень сильные подозрения, то для общественной свободы не менее важно искупить в отношении него то, что он вытерпел за общее дело. Это можно сделать, лишь вознаградив его за понесенный ущерб. Ему предоставлят, следовательно, вознаграждение, соразмерное не только с ущербом, который он потерпел, но и с нездоровьем, которое он перенес, с беспокойством, которое он испытал, с огорчением, которое он почувствовал».

В «Плане» Марат касается и некоторых вопросов тюремоведения. Содержание заключенных должно отвечать строгим правилам, установленным законами. Нельзя допускать совместного заключения мелких правонарушителей с тяжкими преступниками. Каждый заключенный должен содержаться отдельно. Тюремный режим не может быть предоставлен усмотрению администрации, он должен быть установлен законом. Марат указывает, что в противном случае богачи всегда будут располагать привилегиями. «Богач даже в оковах испытывает зловещее влияние своего золота, тогда как наиболее тяжелое бремя в обществе всегда падает на плечи бедняков, которых нам следовало бы оберегать» (стр.140, прим.).

Подведем некоторые итоги рассмотрения «Плана уголовного законодательства». Изучение этого труда Марата раскрывает основы его уголовно-правовой теории, заложенной им в дореволюционную эпоху. На первое место Марат выдвигает раскрытие классовой природы уголовных законов, выяснение причин неравенства этих законов, разоблачение несправедливости карательной системы, установленной эксплуататорами, строгое разграничение уголовных законов, созданных угнетателями, и уголовных законов, созданных освободившимся от угнетения народом. С наибольшим красноречием и подлинным революционным пафосом исследует Марат эти вопросы, сама постановка и решение которых столь резко отличают уголовно-правовую теорию Марата от современных ему уголовно-правовых теорий. Марат уделяет внимание рассмотрению и других вопросов, имеющих своим содержанием обеспечение формально-юридических гарантий личности: пропорциональности наказаний и преступлений, индивидуализации наказания и т.д. Но центральное место в уголовно-правовой теории Марата занимают вопросы не формальных гарантий личности, а вопросы обеспечения действительной охраны личности, и при этом не личности «вообще», а трудящегося и эксплуатируемого народа.

Несомненно, революционной является попытка Марата решить вопросы особенной части уголовного права. Данное Маратом понятие государственных преступлений своим острием направлено против тиранов, угнетателей, эксплуататоров, врагов народа. Вся система особенной части уголовного права, как и конструкции отдельных составов преступлений, предложенные Маратом, имеют целью охрану интересов неимущих классов.

Уже в дореволюционную эпоху Марата стихийно влечет к угнетенному, эксплуатируемому народу, к защите его прав и интересов. Этой задаче он подчиняет в дореволюционную эпоху и свою политическую деятельность. Будучи большим знатоком философской, политической и юридической литературы своего времени, он постоянно обращается к ней для обоснования, подкрепления и развития своих мыслей об охране интересов угнетенных народных масс.

В дореволюционные годы коренные различия во взглядах Бриссо и Марата не выступали так отчетливо, как они проявились уже в годы революции. В предреволюционную эпоху все сколько-нибудь прогрессивные мыслители опирались на просветительскую философию, исходили из учений Монтескье и Вольтера, подвергали критике феодальное право, стремились к созданию справедливого и мудрого законодательства, основанного на разуме, призывали смягчить наказания, требовали утверждения твердой законности и т.д. Более решительные, более революционные требования по цензурным условиям обычно имели замаскированную форму. Идеологи идущей к власти буржуазии выступали от имени «всего общества», ибо они были представителями своего класса, и очень немногие из них смогли возвыситься до защиты интересов трудящегося и эксплуатируемого народа. Но все они постоянно упоминали бедных и неимущих людей, призывали к смягчению условий их существования.

Коренные различия во взглядах Бриссо и Марата в полной мере проявились в годы революции, когда первый стал одним из вождей крупной буржуазии, а второй безоговорочно встал на защиту интересов трудящегося и эксплуатируемого народа, идеологом которого он оставался до конца своей жизни и за интересы которого он отдал свою жизнь. Но и в предреволюционную эпоху созданная Маратом уголовно-правовая теория резко выделялась как теория, стремившаяся исходить из защиты интересов трудящегося и эксплуатируемого народа, и в этом ее принципиальное отличие от теорий идеологов шедшей к власти буржуазии.

ГЛАВА IV. РАЗВИТИЕ УГОЛОВНО-ПРАВОВОЙ ТЕОРИИ МАРАТА В ГОДЫ РЕВОЛЮЦИИ

Социально-политические предпосылки развития уголовно-правовой теории Марата в годы революции. Изменения, внесенные Маратом в новое издание «Плана уголовного законодательства», опубликованное в 1790 году. Взгляды Марата на судебную реформу. Отношение Марата к французскому уголовному кодексу 1791 года. Отношение Марата к антирабочим законам Ле Шапелье

Французская буржуазная революция 1789 года¹ была совершена широкими массами трудящегося и эксплуатируемого народа, руководимого в тех исторических условиях революционной буржуазией. «...Буржуазия, — указывал К.Маркс, — была тем классом, который действительно стоял во главе движения»². Между королевской властью, дворянством и церковью, с одной стороны, и «третьим сословием» — с другой, произошла ожесточенная схватка, закончившаяся победой «третьего сословия». Однако результатами этой победы воспользовалась лишь буржуазия.

Победа над феодальными классами означала коренной переворот в экономической, политической и общественной жизни Франции. Это была победа капиталистической собственности над собственностью феодальной, победа нового, более прогрессивного строя над реакционным строем, победа прогрессивной идеологии над идеологией реакционной. Характеризуя подъем материальной и духовной жизни Франции в результате Французской буржуазной революции XVIII века, В.И.Ленин писал: «Материальное, производственное обновление Франции, в конце XVIII века, было связано с политическим и духовным, с диктатурой революционной демократии и революционного пролетариата (от которого демократия не обособлялась и который был еще почти слит с нею), — с беспощадной войной, объявленной всему реакционному. Весь народ и в особенности массы, то есть угнетенные классы, были охвачены безграничным революционным энтузиазмом...»³

А. А. Герцензон

УГОЛОВНО-ПРАВОВАЯ ТЕОРИЯ Жана Поля МАРАТА

М.: Государственное издательство юридической литературы. 1956

Vive Liberta и Век Просвещения, 2009

¹ К.Маркс, Буржуазия и контрреволюция, Избранные произведения, т.І; К.Маркс, Восемнадцатое брюмера Луи Бонапарта, Избранные произведения, т.І; К.Маркс, Борьба якобинцев с жирондистами; К.Маркс и Ф.Энгельс, Соч., т.ІІІ; Ф.Энгельс, Анти-Дюринг, 1948; Ф.Энгельс, Письмо К.Каутскому 20 февраля 1889 г; К.Маркс и Ф.Энгельс, Избранные письма, 1948; В.И.Ленин, Переход контрреволюции в наступление, Соч., т.24; В.И.Ленин, О врагах народа, Соч., т.25; В.И. Ленин, Можно ли запугать рабочий класс «якобинством»? Соч., т.25; В.И.Ленин, Грязящая катастрофа и как с ней бороться, Соч., т.25; В.И.Ленин, Удержанят ли большевики государственную власть? Соч., т.26; И.В.Сталин. Лондонский съезд РСДРП, Соч., т.2; И.В.Сталин, Международный характер Октябрьской революции. Соч., т.10.

² К.Маркс и Ф.Энгельс, Избранные произведения, т.І, 1948, стр.41.

³ В.И.Ленин, Соч., т.25, стр.336.

В условиях Французской буржуазной революции XVIII века пролетарские массы не могли еще стоять во главе революционно-демократического движения; они не составляли еще самостоятельного, развитого класса и, не обладая еще классовым сознанием, не имели отдельных интересов, которые отличали бы их от всего «третьего сословия». По этому поводу К.Маркс писал: «Пролетариат и не принадлежавшие к буржуазии, слои городского населения либо не имели еще никаких отдельных от буржуазии интересов, либо еще не составляли самостоятельно развитых классов или частей класса. Поэтому там, где они выступали против буржуазии, например в 1793 и 1794 гг. во Франции, они боролись только за осуществление интересов буржуазии, хотя и небуржуазным способом. Весь французский терроризм был не чем иным, как плебейским способом разделаться с врагами буржуазии, с абсолютизмом, феодализмом и мещанством»⁴.

Правда, в развитии Французской буржуазной революции был момент, когда власть оказалась в руках городской бедноты, но он был крайне непродолжительным. Эта была якобинская диктатура, установившаяся после революционного переворота 31 мая — 2 июня 1793 г. В тех исторических условиях, когда пролетариат еще создавался как класс и не обладал способностью самостоятельного политического действия, подобная диктатура не могла быть длительной⁵.

В условиях Французской буржуазной революции якобинцы являлись, как неоднократно отмечал В.И.Ленин, представителями революционных масс городской и сельской бедноты. Им не суждено было завоевать победу, так как общество не достигло еще того уровня развития, которое могло бы обусловить и обеспечить победу трудящегося и эксплуатируемого народа под руководством пролетариата. «Историки пролетариата, — писал В.И.Ленин, — видят в якобинстве один из высших подъемов угнетенного класса в борьбе за освобождение. Якобинцы дали Франции лучшие образцы демократической революции и отпора коалиции монархов против республики. Полной победы не суждено было завоевать якобинцам, главным образом потому, что Франция XVIII века была окружена на континенте слишком отсталыми странами и что в самой Франции не было материальных основ для социализма, не было банков, синдикатов капиталистов, машинной индустрии, железных дорог»⁶.

Непрерывное развитие Французской буржуазной революции XVIII века происходило в условиях постоянного возрастания и обострения классовой борьбы. Оно находило свое воплощение в смене по мере развития революции господствующих партий.

Якобинцы, как представители наиболее передовой, наиболее революционной партии во французской революции, как представители интересов городской и сельской бедноты, были связаны самым тесным образом с широкими массами трудящегося и эксплуатируемого народа. Именно поэтому В.И.Ленин говорил об историческом величии «настоящих якобинцев, якобинцев 1793 года», всячески подчеркивая, что они были «якобинцы с народом», «с революционным большинством народа», «с революционными передовыми классами своего времени»⁷.

Для классовой, политической оценки революционной борьбы, которую вели якобинцы, исключительно важное значение имеет указание Ф.Энгельса о том, что ввиду присущей буржуазии трусивости «плебс» был вынужден выполнять за нее «всю работу», и, выполняя ее, он выдвигал свои политические требования, прямо противоположные требованиям буржуазии. В этой связи Ф.Энгельс упоминает такие события, как взятие Бастилии 14 июня 1789 г., свержение королевской власти 10 августа 1792 г. и другие события, в которых решающую роль играли трудящиеся и эксплуатируемые массы. «...Таким образом, — писал Ф.Энгельс, — только эти плебеи и совершили революцию. Но это было бы невозможно без того, чтобы эти плебеи не вкладывали в революционные требования буржуазии такой смысл, которого там не было, не делали из равенства и братства крайних выводов, ставивших эти лозунги наголову, ибо буржуазный смысл этих лозунгов, доведенный до крайности, обращался в свою противоположность. Но эти плебейские равенство и братство могли быть только мечтой в такое время, когда дело шло о том, чтобы создать нечто прямо противоположное им, и, как всегда, по иронии истории, плебейское понимание революционных лозунгов стало самым мощным рычагом осуществления своей противоположности — буржуазного равенства — перед законом — и братства — в эксплуатации»⁸.

Характеризуя революционную деятельность «настоящих якобинцев, якобинцев 1793 года», В.И.Ленин исчерпывающе раскрыл ее подлинное классовое содержание, ее историческое значение, «все то великое, неискоренимое, незабываемое, что дали якобинцы XVIII века»⁹.

Прежде всего якобинцы дали образцы подлинно революционной борьбы с классом

⁴ К.Маркс и Ф.Энгельс, Избранные произведения, т.1, стр.41.

⁵ См. Ф.Энгельс, Анти-Дюринг, 1948, стр. 241—242. И.В.Сталин, Соч., т.2, стр.61.

⁶ В.И.Ленин, Соч., т.25, стр.102.

⁷ В.И.Ленин, Соч., т.24, стр.495.

⁸ К.Маркс и Ф.Энгельс, Избранные письма, 1948, стр.408.

⁹ В.И.Ленин, Соч., т.25, стр.102.

эксплуататоров. «Якобинцы 1793 года, — писал В.И.Ленин, — вошли в историю великим образцом действительно революционной борьбы с классом эксплуататоров со стороны взявшего всю государственную власть в свои руки класса трудящихся и угнетенных»⁹³.

Далее необходимо отметить, что якобинцы в условиях 1793— 1794 годов сумели расправиться на деле с врагами трудящегося и эксплуатируемого народа. В.И.Ленин указывал, что они не на словах, а на деле расправились «со своим монархом, со своими помещиками, со своими умеренными буржуа посредством самых революционных мер, вплоть до гильотины...»¹⁰ Якобинцы сумели установить революционный контроль за буржуазией и объявляли врагами народа всех тех, кто «способствует замыслам объединенных тиранов, направленным против республики»¹¹. Они не боялись, указывал Ленин, «объявить врагами народа именно представителей реакционного, эксплуататорского меньшинства народа своего времени»¹².

Отмечая огромное историческое революционное значение деятельности якобинцев, в особенности в условиях якобинской диктатуры, когда они вели беспощадную борьбу с эксплуататорами, осуществляя подавление их сопротивления, нельзя упускать из виду, что в тех конкретно исторических условиях проводившиеся ими решительные меры подавления врагов народа не могли привести к действительной победе трудящегося и эксплуатируемого народа. В этой связи В.И.Ленин указывал, что «гильотина только запугивала, только сламывала активное сопротивление», что якобинцы не располагали другими средствами, которые оказались бы «посильнее законов конвента и его гильотины»¹³.

На том уровне развития общества, которым характеризуется Франция эпохи революции конца XVIII века, когда не было материальных основ для победы трудящегося и эксплуатируемого народа, никакие меры революционного террора не могли бы обеспечить эту победу. Но именно это обстоятельство и обуславливало стремление идеологов якобинцев путем все более усиливающегося террора против врагов революции добиться их окончательного подавления. Вера в универсальное значение революционного террора была обусловлена и тем, что у идеологов якобинцев не было, и в тех конкретно исторических условиях не могло быть, знания подлинных законов общественного развития.

Французская буржуазная революция XVIII века завершилась победой капиталистического строя, и буржуазия поторопилась разделаться с теми завоеваниями революции, которые могли быть использованы трудящимися и эксплуатируемыми массами. Буржуазия поторопилась отказаться и от своей собственной былой революционности

Не удивительно поэтому, что у буржуазии была и остается звериная классовая ненависть к якобинцам как к представителям революционных масс трудящегося и эксплуатируемого народа. И.В.Сталин указывал, что «...в период падения феодализма, слово «якобинец» вызывало у аристократов всех стран ужас и омерзение»¹⁴. Этот ужас и омерзение и поныне сохранились у буржуазии при упоминании якобинцев и в особенности одного из самых ярких ее представителей — Марата.

В условиях Французской буржуазной революции XVIII века Марат явился в ряду выдающихся якобинских деятелей одной из самых ярких фигур пламенного революционера, бескорыстно и беззаветно преданного интересам трудящегося и эксплуатируемого народа, отдавшего всю свою жизнь до последней капли крови своему народу и трагически погибшего от злодейски нанесенного ему удара кинжалом, вложенным в руку убийцы, подосланного врагами народа Марат был подлинным народным трибуном, одним из «якобинцев с народом», умевшим направлять свой разящий меч против врагов народа, вскрывать их козни, их коварные махинации, их чудовищные антнародные преступления. Своими полными революционного пафоса и страсти памфлетами, листовками, обращениями к народу Марат систематически, неуклонно повышал революционную бдительность народа, организовывал народные массы для осуществления революционного террора против врагов народа.

В годы революции Марат полностью отдается политической деятельности. Он уже не возвращается к своим излюбленным кабинетным и лабораторным исследованиям физических явлений; не занимается он и медициной. Всю свою кипучую деятельность Марат направляет в область политики и журналистики — он является автором огромного числа статей, брошюр, памфлетов, плакатов, листовок, содержание которых всегда обращено к народу. В годы революции Марат не пишет и новых научных трудов в области юриспруденции Он ограничивается лишь тем, что переиздает свои прежние труды - в 1790 году — «План уголовного законодательства» и в 1793 году — «Цепи рабства», считая, что эти произведения могут оказаться

⁹ Там же. Стр.42.

¹⁰ Там же, стр.41.

¹¹ Там же.

¹² В.И.Ленин, Соч., т.24, стр.496.

¹³ В.И.Ленин, Соч., т.26, стр.84.

¹⁴ И.В.Сталин, Соч., т.10, стр.247.

полезными для революции. Марат лелеял мысль написать большой труд под названием «Школа гражданина», который явился бы итогом его политических произведений. Этот труд оказался незавершенным.

В своих произведениях, относящихся к революционной эпохе, Марат откликается на все крупные политические события, происходящие в стране. Деятельность министров, муниципалитета, короля, крупных политических деятелей, деятельность суда, законодательная деятельность Национального Собрания, Законодательного Собрания, Конвента, деятельность представителей крупной буржуазии, аристократии, духовенства, деятельность Академии наук, выступления крестьян, выступления городской бедноты, события внешнеполитического характера, деятельность генералов и офицеров французской армии — все это находится в поле зрения Марата. Марат поставил перед собой в качестве главной задачи разоблачение врагов народа, воспитание у народа революционной бдительности, революционного сознания. Стремясь всемерно обеспечивать защиту интересов трудящегося и эксплуатируемого народа и способствовать дальнейшему и непрерывному развитию революции, осуществить беспощадное подавление сопротивления врагов революции, Марат в своих произведениях постоянно касается вопросов, относящихся к борьбе с преступлениями врагов народа, применения к ним мер революционной репрессии.

Для того чтобы изучить развитие уголовно-правовой теории Марата в годы революции, необходимо извлечь и систематизировать многочисленные высказывания Марата по этим вопросам, содержащиеся в очень большом числе его произведений. Эту задачу нам удалось выполнить далеко не в полном объеме. Мы выделяем три основные группы вопросов.

Во-первых, отношение Марата к реформе уголовного законодательства в 1789—1791 годах. В этой связи рассматриваются высказывания Марата о судебной реформе, об уголовном кодексе 1791 года и об антирабочих законах Ле Шапелье.

Во-вторых, высказывания Марата о контрреволюционных преступлениях врагов народа, разоблачения преступлений, совершаемых врагами народа — спекулянтами, преступлений, совершенных Людовиком XVI, и, наконец, разоблачения Марата, относящиеся к многочисленным попыткам контрреволюции расправиться с ним как путем применения судебной репрессии, так и во внесудебном порядке.

В-третьих, взгляды Марата о мерах подавления сопротивления врагов народа. В этой связи рассматриваются высказывания Марата о законах и революционной законности в связи с развитием революции, его призывы к всемерному повышению революционной бдительности, требование и обоснование введения революционного террора по отношению к врагам народа.

Идеи, сформулированные Маратом в «Плане уголовного законодательства», развиваются им в годы революции. Внимательное изучение произведений Марата в годы революции позволяет вскрыть клеветнический характер утверждений буржуазных фальсификаторов Марата, утверждавших, что в годы революции он порвал со своими старыми взглядами на основные вопросы уголовного права. В ряде своих произведений и писем, опубликованных в годы революции, Марат прямо ссылается на «План» как источник его взглядов на преступление и наказание. Так, в статье «Нас усыпляют, — будем на страже», опубликованной в «Друге народа» в августе 1790 года, Марат развивает мысль о том, что посягательство на жизнь государя нельзя рассматривать как государственное преступление. При этом он замечает: «Меня, конечно, не будут упрекать в том, что я устанавливаю новую теорию. Я доказал в своем плане уголовного законодательства, что цареубийство есть лишь частное преступление»¹⁵. В статье, помещенной в «Друге народа» в октябре 1790 года, Марат говорит о праве эксплуатируемого народа не подчиняться тираническим законам. В примечании Марат указывает: «См. развитие этого великого принципа и в моем проекте Конституции, и в моем проекте уголовного законодательства»¹⁶. В одном из своих писем, написанных в 1790 году, Марат развивает свои взгляды на уголовные законы и суд. При этом он отмечает: «В особом проекте уголовного законодательства я развел несколько основных начал, вместе с теми, применение коих может оказаться весьма полезным при существующих обстоятельствах»¹⁷. Наконец, в письме к Камиллу Демулену, написанном в 1790 году, Марат, излагая свои взгляды по основным политическим вопросам, указывает, что он развивает их уже много лет, «чему можно найти следы в моем «Плане уголовного законодательства». Недаром экземпляры, проникшие из Швейцарии во Францию, попали сюда лишь контрабандным путем»¹⁸.

¹⁵ «L'Ami du peuple», 10 aout 1790, № 227.

¹⁶ «L'Ami du peuple», 13 octobre, 1790, № 262.

¹⁷ Марат, Письма, П.—М., 1923, стр.78.

¹⁸ Марат, Письма, П.—М., 1923, стр.97.

Марат, таким образом, не только не отказался в годы революции от своих прежних уголовно-правовых взглядов, но постоянно ссылался на них. Но помимо этого личного свидетельства Марата, изучение его произведений в годы революции в высшей степени наглядно показывает, что он продолжал придерживаться этих взглядов, постоянно дополняя и развивая их применительно к условиям революции. Само собой разумеется, развитие и обострение классовой борьбы в условиях французской революции 1789—1791—1792—1793 годов вносило во взгляды Марата весьма существенные корректизы и изменения, обусловливавшие с его стороны все более острые разоблачения преступлений врагов народа и все более решительные требования введения революционного террора, освобождало Марата от многочисленных иллюзий и предрассудков дореволюционной эпохи. Но все эти изменения в уголовно-правовых взглядах Марата не меняли основных и определяющих положений его революционной уголовно-правовой теории: рассмотрение любого вопроса уголовного права исключительно с точки зрения обеспечения интересов трудящегося, и эксплуатируемого народа, самое бдительное отношение к преступным махинациям врагов народа, требование дифференциации репрессии по отношению к врагам народа и по отношению к трудящимся, требование проведения системы суровых мер репрессии по отношению к врагам народа.

Большой интерес представило бы сопоставление «Плана» издания 1790 года с «Планом» издания 1780 года. К сожалению, мы лишены возможности произвести подобное сопоставление. По свидетельству Бужара и Шевремона, писавших свои монографии о Марата во второй половине XIX века, уже тогда дореволюционное издание «Плана» представляло совершенно исключительную редкость. Но, не имея возможности воспользоваться дореволюционным изданием «Плана» 1780 года, мы сделали попытку разыскать второе дореволюционное издание «Плана», помещенное в «Библиотеке» Бриссо, выходившей в 1782—1785 годах. В результате длительных поисков, о чем было сказано выше, нам удалось найти это издание «Плана» и произвести полное, постраничное сопоставление с изданием 1790 года.

В «Библиотеке» Бриссо «План» помещен в пятом томе под названием «План законодательства по делам уголовным», без указания фамилии автора. Издатель Бриссо предпослав «Плану» свое предисловие. Мы его воспроизведим здесь:

«Этот план законодательства по делам уголовным был предназначен для конкурса на премию, предложенного Бернским экономическим обществом, которому он был направлен. Он не имел успеха, которого вправе был ожидать автор и которого он заслуживал по своей возвышенности, силы идей и своей простоте. Возможно, принципы свободы, которые составляют его основу, напугают некоторых из тех робких цензоров, которые находятся в республиках и в монархиях и которые боятся излишнего просвещения народа: как будто бы народ более просвещенный не является от этого более спокойным и более счастливым.

Какими бы ни были мотивы, которые заставят предпочесть другую работу, я потороплюсь опубликовать ее. Она выходит из-под пера одного знаменитого писателя. Его скромность заставляет меня умолчать об его имени. Я не нарушу его тайны. Взращенный на принципах английской конституции, он воспринял ее дух в своем плане. Я прошу моих читателей не терять из виду это соображение, которое заставит их извинить некоторые смелые мнения, принятые в республиках, но разумно отброшенные в монархиях. Надо еще заметить, что этот план предназначается для вполне свободного и нового народа. Было бы клеветой на автора — сделать из него применение ко всякой иной форме правления и к порочному народу. Если находят, что он не наказывает достаточно сильно цареубийство, то пусть вспомнят, что этот план исходит от жителя Пенсильвании. Например, в своей гипотезе об образе правления он предполагает наличие нравственности у народа: вот почему он наказывает незаконное сожительство, клевету, в то время, как он рассматривает злословие, как благо; вот почему еще он не хочет допущения прокурорского надзора; вот почему он допускает во многих случаях в качестве наказания изгнание и т.п.

Я далек от восприятия всех мнений автора. Я не только мог бы, но и должен был бы сопроводить его план примечаниями. Но так как мои принципы уже известны из того, что я сказал в предшествующих томах, то я освобождаю себя от вхождения здесь в подробности, которые оказались бы ненужными и быть может скучными повторениями» (стр.111—112).

Дореволюционное издание «Плана» характеризуется некоторыми структурными особенностями. Отсутствует заголовок «Часть первая. Об основных принципах хорошего законодательства»; раздел «О наказаниях» содержит два подраздела с заголовками: «Продолжение того же предмета». Большой раздел, озаглавленный «Об обязанности подчиняться законам», в значительной своей части отнесен в дореволюционном издании к главе особенной части, посвященной преступлениям против собственности.

Оставляя в стороне сравнительно мелкие, главным образом редакционные отличия, отметим

наиболее существенные отличия обоих изданий¹⁹.

Характеризуя природу законов, дореволюционный «План» указывает, что они отражают «желания единственного хозяина или небольшого числа (хозяев)» (стр.121). В издании 1790 года это положение сформулировано так: «Разве то, что называют этим именем (законы. — А.Г.), является чем-то иным, как не приказом надменного властелина? Стало быть, власть этих законов является лишь скрытой тиранией ничтожного меньшинства над большинством. Но опустим завесу на эти таинственные предметы; там скрывается тот мистический ковчег, на который не может быть брошен взгляд непосвященного» (стр.34—35 русского перевода).

В дореволюционном «Плане» Марат выдвигал положение о том, что «наказание смертью должно быть редким» (стр.32). В издании 1790 года это положение сопровождено сносной следующего содержания: «Одно из соображений, которое должно было бы побудить законодателей отказаться от стольких наказаний смертью, состоит в том, что еще не доказано, имеет ли при нынешнем порядке вещей государь право жизни и смерти в отношении своих подданных, принимая во внимание несправедливое происхождение всех правлений на земле... Но не будем раскрывать завесу, удовольствуемся лишь тем, что приподнимем уголок ее» (стр.49 русского перевода). Для того чтобы оценить значение этого дополнения, внесенного Марата в «План», следует иметь в виду, что писалось это в 1790 году, когда Марат предпринимал все более усиливающиеся атаки против короля, королевской власти, разоблачая их преступления. В этих условиях Марату было важно подчеркнуть всю несправедливость и незаконность применения королевской властью карательных мер, в особенности смертной казни, к представителям городской и деревенской бедноты.

В общей части «Плана» содержится немало различий и разнотечений, если сопоставить издание 1790 года с дореволюционным изданием. Но эти различия мало существенны и ничего нового не вносят в общую характеристику и оценку принципов, развитых Маратом по вопросам уголовного права. Мы имеем все основания сказать, что в 1790 году Марат продолжал развивать те уголовно-правовые принципы, которые он сформулировал до революции. И нам становятся понятными те ссылки на «План», которые Марат делал не только в 1790 году, но и в последующие годы.

Более существенными являются изменения в «Плане», относящиеся к его «особенной части». Эти изменения прежде всего относятся к самой системе особенной части.

Сопоставление системы особенной части «Плана» в дореволюционном издании с изданием 1790 года приводит к выводу о следующих изменениях, внесенных в нее Маратом:

Дореволюционное издание

1. Преступления, которые ведут к гибели государства.
2. Преступления, которые разрушают безопасность его членов.
3. Преступления, которые направлены против личной собственности.
4. Преступления, которые посягают на честь.
5. Преступления, которые оскорбляют нравственность.
6. Преступления, которые посягают на общественное спокойствие.
7. Преступления, которые посягают на законное повиновение.
8. Преступления, которые оскорбляют религию.

Издание 1790 года

1. Преступления, которые ведут к гибели государства.
2. Преступления, которые наносят вред законной власти.
3. Преступления, которые направлены против личной безопасности.
4. Преступления, которые посягают на собственность.
5. Преступления, которые оскорбляют нравственность.
6. Преступления, которые посягают на честь.
7. Преступления, которые нарушают общественное спокойствие.
8. Преступления, которые оскорбляют религию.

А. А. Герцензон

УГОЛОВНО-ПРАВОВАЯ ТЕОРИЯ ЖАНА ПОЛЯ МАРАТА

¹⁹ Это сопоставление вынуждает вас повторить некоторые высказывания Марата, приведенные на стр.115, 116 и далее.

В дореволюционном издании Марат, приведя эту систему особенной части, в дальнейшем изложении не придерживался принятой им последовательности изложения групп преступлений. Он указывал, что не будет придерживаться этой последовательности и в первую очередь остановится на очень распространенных преступлениях, которые более других кажутся разрушающими общество, но «наказание которых должно возмущать природу». Марат имеет здесь в виду посягательства на собственность, которые и рассматривает в первую очередь.

Раздел о преступлениях против собственности в дореволюционном издании, в отличие от издания 1790 года, начинается с выяснения происхождения собственности, с речи бедняка-вора, обращенной к обществу, с выяснения бессмыслицы и жестокости осуждения бедняков за совершенные ими по нужде преступления против собственности, с рассмотрения мер предупреждения этих преступлений. Это весьма обширное введение Марат в издании 1790 года переносит из особенной части в общую часть, тем самым придавая ему большое принципиальное значение. В издании 1790 года должна быть отмечена еще одна весьма важная особенность — внесение соображений о необходимости конфисковать церковные имущества. Эта конфискация рассматривается Маратом в качестве меры, которая способна устраниТЬ бедность и осуществить подлинное предупреждение преступлений. Вставка в издании 1790 года сформулирована так: «В странах, где сохраняется церковная собственность, оставление лишь одной надлежащей части ее монашеским орденам и владельцам духовных мест привело бы к лишению множества церковнослужителей средств для ведения малоназидательной жизни и к освобождению от большого бремени тех, кто живет по-христиански; распределение другой же части небольшими долями среди неимущих граждан привело бы к возвращению бедным их достояния и к превращению их в полезных подданных. Как бы хорошо ни осуществлялось управление церковными доходами и как бы значительно ни было число бедных, которым оказывается помощь, было бы еще лучше вовсе не иметь бедных, нуждающихся в помощи. Что же касается имущества или дохода церкви, не соединенных с церковной должностью, то следовало бы ограничить их владельцев небольшой пенсиею, принудить их к работе, поручить им народное просвещение в городах и деревнях, и сделать полезными государству множество тунеядцев, живущих в праздности и соблазне» (стр.43).

Остальное содержание раздела о преступлениях против собственности не подвергалось существенным изменениям.

Несколько существенных вставок было сделано Маратом в издании 1790 года в раздел о преступлениях против нравственности. Не касаясь существа излагаемых им вопросов, они главным образом относятся к политической их характеристики. Так, например, в дореволюционном издании Марат, в начале этого раздела поставив вопрос о том, вправе ли государство требовать целомудрия от своих членов, отвечал: «Деликатный вопрос, который мы не будем здесь затрагивать» (стр.190). В издании же 1790 года вместо этого Марат говорит: «Смешной вопрос, который может обсуждаться лишь нацией, переставшей быть свободной и утратившей свою нравственность» (стр.82). В издании 1790 года Марат дает обширное примечание, в котором, в частности, отмечает: «Я прекрасно понимаю, что законы, составляющие предмет этой главы, не годились бы для богатой и развращенной нации. Ее даже трудно убедить в том, что этот вопрос законодательства всегда будет камнем преткновения для тех, кто захочет согласовать справедливость и нравственность с мнением и приличиями. Нация, которая действительно заботится о том, чтобы возвратить себе свободу, должна вскоре заняться переделкой уголовного кодекса. Но если ей и удастся искоренить некоторые чудовищные злоупотребления, то, чтобы она ни делала, если ей не удастся внушить нам правил нравственности и возвратить нам добродетельных людей, она никогда не добьется установления у нас царства справедливости. Общее искоренение злоупотреблений невозможно без общественного целомудрия. Испорченность же наших нравов — необходимое следствие слишком неравного дележа богатств, роскоши, являющейся его результатом, и пороков, ее сопровождающих, — достигла своего апогея» (стр.92—95). Подвергая далее резкой критике нравы современного ему общества, Марат в заключение указывает: «Благодаря возвращению свободы, за революцией, произшедшей в наших представлениях, непременно последует революция и в наших чувствах, а когда мы будем свободными, мы станем нравственными» (стр.93).

Следует отметить, что в главах, посвященных «преступлениям против безопасности лиц», «преступлениям против чести», «преступлениям против общественного спокойствия» и «преступлениям против религии», Марат не вносит существенных изменений. Большинство изменений — чисто редакционного порядка. В ряде случаев Марат изменяет последовательность изложения отдельных видов преступлений.

Наиболее существенные изменения были внесены Маратом в раздел «о преступлениях против государства», на которых следует остановиться подробнее.

Эти изменения коснулись прежде всего самой структуры этого раздела, что видно из сопоставления структуры этих изданий.

Издание 1782 года

Глава «О преступлениях
против государства»

(Общие положения)
О подделке и изменении
монет.
Об оскорблении величе-
ства.
О незаконных поборах,
растратах и хищении.
О лихоимстве и наруше-
нии служебного долга.

О контрабанде.
О дезертирстве.

Издание 1790 года

Глава 1. О ложных го-
сударственных преступлениях.

Глава 2. О подлинных го-
сударственных преступле-
ниях.

(Общие положения)
О сочинениях против госу-
даря и т. п.

О жалобах государю и о
сопротивлении несправедли-
вым его повелениям.

О посягательствах на
жизнь государя.

О порче чеканных монет.

О подделке чеканых мо-
нет.

О контрабанде.

О дезертирстве.

О притеснениях и взяточ-
ничестве.

О переходе на сторону
врага.

О нарушении служебного
долга.

О растрате и хищении.

О лихоимстве, происках и
изменах.

О поджоге кораблей, вер-
фей, складов, арсеналов, об-
щественных архивов и зда-
ний.

О заговорах.

В издании 1790 года Марат, рассматривая государственные преступления, различает «ложные» и «подлинные» государственные преступления. Это был значительный шаг вперед в развитии революционного правосознания Марата в связи с развитием революции 1789 года, в связи с обострением классовой борьбы.

Глава о государственных преступлениях подверглась весьма существенным редакционным изменениям, на которых здесь можно не останавливаться в подробностях, так как наибольший интерес представляют внесенные Маратом изменения по существу трактовки им государственных преступлений.

В издании 1790 года Марат усиливает разоблачительный элемент, направленный против королевской власти. Приведем наиболее существенные из дополнений «Плана» в 1790 году.

Характеризуя «ложные государственные преступления», Марат выясняет истоки этих ложных понятий: «Когда государь завладел верховной властью, льстецы щедро наделяют его пышными титулами царя царей, августейшего императора, священного величества; они возвели в преступление оскорбление величества, а в государственное преступление — все то, что ему не нравилось» (стр.56). Развивая эти мысли, Марат несколько дальше вносит в издание 1790 года следующее дополнение: «Что сделал деспот, чтобы прикрыть глаза людей повязкой заблуждения? Он стал притязать на непреложное знание, на небесное происхождение своей власти, на ответственность за свои действия лишь перед богами, затем он начал считать виновным всякого, кто осмелился усомниться в этом грубом обмане, обращать взоры на дела правительства и проверять его образ действий. Довольно! Слишком уже долго эти ненавистные тираны опустошали землю. Их царству придет конец» (стр.56).

Подвергая критике «ложные государственные преступления», Марат в издании 1790 года вносит следующие весьма важные дополнения: «Нет ничего возмутительнее тех ложных идей о государственных преступлениях, которые внушили наемные законоведы. Под государственными преступлениями они понимают все то, что совершается против государя, а когда они захотели повысить значение последнего, то наименование государственных преступлений они заменили наименованием преступлений оскорблении величества различных степеней. Если оставить за государем титул величества, то несомненно, что все преступления, совершаемые против него, являются преступлениями оскорблении величества; но эти преступления оскорблении величества вовсе не будут государственными преступлениями. Если титул величества дан суверену (в сноске Марат указывает: «Под этим термином я всегда разумею нацию в целом или ее представителей». — А.Г.), которому он единственno и принадлежит, то ясно, что все преступления оскорблении величества являются государственными преступлениями; но преступления против государя не будут более преступлениями оскорблении величества» (стр.57).

При рассмотрении вопроса о сопротивлении граждан несправедливым повелениям государя Марат в издании 1790 года вносит положение: «Неповинование несправедливым повелениям и сопротивление недозволенным мерам не должны, стало быть, считаться преступлениями» (стр.59).

В издании 1782 года Марат подробно развивает мысль о том, что посягательство на жизнь государя является простым убийством. В издании 1790 года эта мысль усиливается. Марат указывает, что государь поставил себя выше государства, выше суверена. «Похитив верховную власть и чувствуя, что его подданные не могут питать к нему никакого доверия, он живет среди нас, как среди своих врагов, а чтобы сделать свою личность священной и внушить безграничное уважение ко всему тому, что его касается, он знает лишь террор» (стр.60).

Рассматривая «подлинные государственные преступления», Марат в издании 1790 года вносит разделы, которых вообще не было в издании 1782 года. Это — раздел «О поджоге кораблей, верфей, складов, арсеналов, общественных архивов и зданий» и раздел «О заговорах». По поводу поджогов Марат говорит, что это «ужасное преступление», заслуживающее квалифицированной смертной казни: в результате поджога для государства и населяющих его людей могут наступить гибельные последствия, к чему стремится виновный. Это преступление, пишет Марат, «отнимает от государства его силы в тот момент, когда они необходимы ему для борьбы с врагами» (стр.68, прим.). По поводу заговоров Марат указывает, что они являются «величайшими преступлениями», когда «нация свободна и счастлива», и должны влечь за собой наказание «позорной смертью». Выше этот раздел «Плана» был подвергнут подробному анализу, так как в решении данного вопроса сконцентрировалось сформулированное Марата в годы революции отношение к врагам народа, к их контрреволюционным заговорам. Поэтому мы не воспроизводим здесь текст этого раздела, полностью написанного Маратом специально для издания 1790 года.

Мы не останавливаемся здесь на целом ряде других изменений, внесенных Маратом в «План» после революции в разделе о государственных преступлениях. Отметим, что в дореволюционном издании, где Марат не делил еще государственные преступления на «ложные» и «подлинные», эта мысль была все же дана в зародыше. Так, в издании 1782 года Марат писал: «Единственно, что заслуживает это название (оскорбление величества. — А.Г.), это — стремление к разрушению конституции путем либо внутренних, либо внешних заговоров; иначе говоря, стремление разратить армию, поджечь арсеналы, магазины, публичные хранилища, подкупая главы управления, ниспровергая справедливые законы, возмущая государство, вооружаясь для завладения верховной властью. Преступление огромное, потому что оно приносит в жертву счастье массы преступному честолюбию нескольких лиц. Так как общество не может более питать доверия к тому, кто однажды провинился, и должно во всем его опасаться, то если он может находиться еще свободным, он должен быть выброшен из числа живых: пусть же выбросят его с позором. Я вовсе не говорю о столь принятой в подобном случае конфискации имущества — наказании, всегда опасном потому, что оно делает собственность ненадежной, наказании, часто несправедливом, потому что оно заставляет невинных отвечать за ошибку другого человека. Закон, который может осудить обвиняемого лишь постольку, поскольку он уличен в его нарушении, не должен объявлять виновным в оскорблении величества тех, кто не раскрыл бы заговора, ставшего им известным, ибо он никогда не должен принуждать добродетельного человека подвергать себя опасности наказания за клевету, выступая в качестве доносчика на преступление, которое не часто можно доказать; он не должен также принуждать кого-либо выступать доносчиком на своих друзей, своих близких или своих детей. Можно повредить безопасность государства, но никогда нельзя повредить его славе; помрачить ее могут не стрелы сатиры, а несчастья, которые влечет за собой плохое управление» (стр.171—173). Приведенный большой отрывок, сопоставленный с вводной частью главы «О подлинных государственных преступлениях», с разделом о заговорах и т.д., показывает, что еще в дореволюционные годы Марат различал «ложные» и «подлинные» государственные преступления, но с полной отчетливостью заговорил об этом различии уже в годы революции.

В результате произведенного нами сопоставления текста «Плана» в издании 1790 года с текстом «Плана» дореволюционного издания следует прийти к бесспорному выводу о том, что все основные идеи и положения об уголовном праве, сформулированные Маратом в первые годы революции, были определены им еще в дореволюционном издании «Плана». В издании 1790 года эти идеи и положения в ряде случаев получили еще более острую, политически отточенную форму. Тому уровню революционного правосознания, которого Марат достиг в 1790—1791 годах, вполне соответствовал его «План», созданный им за десять лет до того. Становится понятным поэтому сделанный Маратом политический шаг — официальное вручение «Плана уголовного законодательства» Национальному Собранию в качестве проекта уголовного кодекса²⁰. Но и в последующие годы Марат нередко обращается к отдельным положениям своего «Плана», и из его

²⁰ Об этом см. ниже.

произведенений видно, что он и в 1792, и в 1793 году считал не устаревшими основные положения этого «Плана».

Для характеристики отношения Марата к уголовному законодательству Национального Собрания мы исследовали его высказывания о судебной реформе 1789—1791 годов, об уголовном кодексе Франции редакции 1791 года и об антинародных законах Ле Шапелье²¹.

Вопросы судебной реформы находились в центре внимания Национального Собрания. Еще до принятия «Декларации прав человека и гражданина» 17 августа 1789 г. Национальное Собрание заслушало доклад о судебной реформе. Докладчиком явился юрист Бергас, автор «Речей о человечности судей в управлении уголовной юстиции», опубликованных в 1787 году, развивавший взгляды Беккариа, Сервена и других гуманистов XVIII века. В своем докладе Бергас говорил о том, что при дурной организации правосудия суды образуют могущественные корпорации аристократов; сама власть судить является собственностью самих судей; народ не влияет на выбор судей; правосудие недоступно слабым и бедным, так как оно не бесплатно. Необходимо устранить эти коренные недостатки старого суда. Необходимо, кроме того, обеспечить гласность суда, запретить судьям толковать законы, создать гарантии личности обвиняемого, уравнять права защиты с правами обвинения, ввести суд присяжных заседателей, установить право обжалования приговора, ввести ответственность судей. Доклад Бергаса обсуждался Национальным Собранием значительно позже — в марте 1790 года. Но в принятой 24 августа 1789 г. «Декларации прав человека и гражданина» содержались общие принципы, положенные затем в основу реформы уголовного судопроизводства. «Декларация» провозгласила формальное равенство всех людей перед законом, в том числе и перед уголовным законом. Она установила, что обвинение, задержание или заключение под стражу может быть осуществлено лишь в случаях и в порядке, установленном законом. Наказание и его применение также определяется лишь законом, и никто не может быть наказан иначе, как в силу закона, установленного и опубликованного до совершения преступления. Всякий человек предполагается невиновным, пока не будет доказана его виновность. Несколько позже, в октябре 1789 года, Национальное Собрание принимает декрет «О некоторых преобразованиях уголовного судопроизводства». Этот декрет, не проводя коренной реформы суда и судопроизводства предусмотрел лишь некоторые частичные изменения. В его вводной части говорилось: «Принимая во внимание, что одним из основных признанных собранием прав человека, если он подвергся испытанию уголовного преследования, является право пользоваться для своей защиты всей полнотой свободы и безопасности, которая может быть согласована с интересами общества, повелевающими карать преступления; что дух и формы производства, применявшегося до настоящего времени по уголовным делам, столь отдалялись от сего первого принципа естественного равенства и политического строя, что это обуславливает необходимость полного преобразования судебного порядка, установленного для розыска и суда над преступлениями; что если осуществление сего преобразования в целом требует медлительности и зрелости, наиболее углубленных размышлений, то возможно, несмотря на это, предоставить нации возможность пользоваться с настоящего момента преимуществами многих постановлений, которые, не разрушая применяемого в данное время порядка судопроизводства, ободрили бы невинность, облегчили бы оправдание подсудимых, увеличив в то же время уважение к достоинству судебской службы в общественном мнении». Этот, прикрытый пышными фразами, половинчатый декрет, как и последовавшие за ним другие подобные же декреты, не вносил коренных изменений в организацию и деятельность суда.

В апреле 1790 года в результате длительных прений, в которых приняли участие Сиейс, Барнав, Лепелетье де Сен-Фаржо, Тарже, Робеспьер и другие выдающиеся деятели, был принят декрет о введении суда присяжных по уголовным делам. Конституционной комиссии и комиссии по реформе уголовного судопроизводства было предложено представить в кратчайший срок проект закона об уголовном судопроизводстве.

Рядом последующих декретов была введена выборность судей, учреждены мировые суды, создан кассационный суд и т.д. Наконец, были разработаны и утверждены основы уголовного судопроизводства.

²¹ Марат, Дар отечеству; «Письмо Марата, друга народа, содержащее некоторые соображения о судебном строе», газета Марата «Друг народа», № 182, 240, 312, 372, 389, 478, 487; Марат, Памфлеты, М, 1934, «Archives parlamentaires», I ser., t.17, 26, 27, 31 (доклад и прения о проекте уголовного кодекса и текст утвержденного кодекса); Л.Блан, История французской революции, т.4, 1907; Ж.Жорес, История Великой французской революции, т.1, 1920; Г.Кунов, Борьба классов и партий в Великой французской революции 1789—1794 гг., 1919; М.Исаев, Французский уголовный кодекс 1810 г. (предисловие к переводу уголовного кодекса Франции 1810 г.), М, 1947; Б.Утевский, История уголовного права буржуазных государств, М, 1950. A.Esmein. Precis elementaire de l'histoire du droit Francais de 1789 a 1814; E.Seligman, La justice en France pendant la revolution (1789—1792); A.Bougeart, Marat, L'Ami du peuple, t.1; F.Chevremont, Marat, Esprit politique.

Основные принципы уголовного судопроизводства нашли свое законодательное выражение и в конституции 1791 года, помимо тех, которые были сформулированы в вошедшей в конституцию «Декларации прав человека и гражданина». Конституция установила, что «одинаковые преступления будут караться одинаковыми наказаниями, невзирая на лица», что никто не может быть арестован или лишен свободы с нарушением установленного конституцией порядка. Конституция установила, что «судебная власть вверяется судьям, избираемым на срок народом». В особой главе «О судебной власти» конституции 1791 года отражены важнейшие принципы судебной организации и судебной деятельности. К их числу относятся: бесплатность отправления правосудия, выборность судей, обязательность соблюдения законом установленных правил о задержании, аресте, обвинении в уголовном преступлении и т.д.

Обзор законодательных актов периода 1789—1791 годов приводит к выводу о том, что в течение этого периода была проведена судебная реформа, которая ликвидировала старую, обветшалую феодальную систему и на ее месте создала новый суд, основанный на принципах буржуазной законности. Новая судебная система, новое уголовное судопроизводство в полной мере удовлетворили интересы буржуазии, которой удалось осуществить на деле те принципы и положения, которые развивались ее идеологами, в особенности Монтескье и Вольтером, еще до начала французской революции 1789 года.

В этом плане и в этой связи особый интерес представляют взгляды Марата о судебной реформе. Если сопоставить взгляды Марата на суд, развитые им до революции в «Цепях рабства» и особенно в «Плане уголовного законодательства», с судебной реформой 1789—1791 годов, то при поверхностном изучении этого вопроса можно было бы высказать предположение, что Марат должен был с удовлетворением встретить реформу: она ликвидировала старые суды, старый уголовный процесс, ввела выборность судей, установила суд присяжных, провозгласила гласность процесса, определила право обвиняемого на защиту. О необходимости всех этих реформ Марат писал еще до революции. И тем не менее Марат подверг жесточайшей критике и самую судебную реформу и в особенности деятельность новых судов. Это дало многим буржуазным юристам повод обвинить Марата в непоследовательности, в беспринципности, а позже — в кровожадности. Между тем здесь налицо развитие основных взглядов Марата по вопросам уголовного права и судопроизводства и яркое выражение роста его революционного правосознания в связи с обострением классовых противоречий и классовой борьбы в условиях развития Французской буржуазной революции.

В этой связи необходимо проследить высказывания Марата о суде и судебной реформе 1789—1791 годов.

Необходимо прежде всего выяснить, как относился Марат в годы революции к оценке старого суда?

В «Даре отечеству» Марат рисует яркую картину положения угнетенной личности, которой постоянно угрожают различные чрезвычайные меры, тайные приказы об аресте, волокита судопроизводства, невежество и лихоимство судей, их пристрастность. Необходимо поэтому упразднить старые судебные палаты, так как они рассматривают дела «при закрытых дверях», легко могут оправдать виновного и осудить невинного; сами пожизненные судьи, жестокие или легкомысленные, приучаются благодаря постоянному лицезрению преступлений, пыток и наказаний к еще большей жестокости; наконец, у судей по назначению нет необходимых знаний для отправления правосудия. Требуя издания уголовного кодекса, Марат связывает эту задачу с необходимостью коренным образом реформировать старую судебную систему, точнее говоря, полностью ее ликвидировать и на ее месте создать совершенно новую.

Несколько позже опубликования «Дара отечеству», в начале 1790 года, Марат опубликовывает брошюру под названием «Письмо Марата, друга народа, содержащее некоторые соображения о судебном строе». В этой работе Марат дает резко отрицательную характеристику и оценку старой судебной системе. «Итак, — пишет Марат, — с королевскими парламентами покончено. Вы можете судить о моем чувстве удовлетворения, когда я узнал про декрет, уничтожающий эти палаты несправедливости, эти трибуналы крови, где место судьи покупалось за деньги, где приговоры диктовались корыстью и спесью, где голосованием распоряжались интриги и посулы, где право сводилось к подкупу судьи всякими низостями, а его приспешников — подарками, где невинный не находил опоры, а слабый поддержки, и где на долю строгой добродетели доставалось лишь притеснение. Стало быть, начинается новый порядок пещей: уже занимаются судебным строем и уже кажется несомненным, что суд присяжных будет установлен как для уголовных, так и для гражданских дел»²². Марат характеризует старых судей как всегда несправедливых и склонных к жестоким репрессиям. Говоря о проводимой реформе суда, Марат в этот период относится к ней положительно, особо подчеркивает преимущества нового суда. «Хорошее уголовное уложение и настоящий государственный трибунал — вот, без сомнения, два могущественных оплота общественной свободы», — замечает Марат. Но эта свобода никогда не

²² Марат, Письма, П.—М., 1923, стр.77.

будет обеспечена, если конституция не обусловит «верховенство всего народа в целом, первенство доверителей над их уполномоченными» (стр.79).

В своей критике старого суда Марат уделяет особое место королевскому уголовному суду, который носил название «Шатлэ» — по имени стадионного замка в Париже, где этот суд помещался. Марат разоблачает «упорные старания этого судилища притеснять друзей свободы и спасать предателей отечества». В ряде своих произведений Марат раскрывает деятельность этого суда как деятельность контрреволюционную. Эти разоблачения Марата с особой силой развернулись во время своеобразного поединка между Маратом — обличителем Шатлэ и Шатлэ — обвинителем Марата, в результате которого победителем оказался Марат.

Положительная оценка проводимой судебной реформы очень скоро сменяется у Марата ее резко отрицательной характеристикой. Марат воочию убедился в том, что она проводилась не в интересах народа, а в интересах эксплуататоров, что трудящийся народ ничего не выиграл в результате этой реформы.

В середине 1790 года Марат доказывает, что свободы нет у людей, «кто ничем не владеет», что «ремесленники и слуги» являются лишь орудием в руках своих «хозяев». Марат отмечает, что законодатели уделили много внимания охране собственности. «Но как мало значат все эти установления для человека, которому не приходится вести дел, не приходится защищать интересов. Да и какое значение может иметь для неимущего сама собственность» (стр.94). Из этого отрывка видно, что Марат в середине 1790 года уже начинает раскрывать классовую подоплеку законодательства Национального Собрания. Он пишет: «При теперешнем якобы господстве свободы нам живется еще гораздо хуже, чем при господстве рабства. Мы во сто раз больше терпим обид от гнусных сообщников мелких наших тиранов, чем терпели от посягательств приспешников деспота, — и мы не знаем, кому жаловаться, у кого просить защиты» (стр.93). Выступая от имени эксплуатируемых масс, Марат разоблачает состав новых судей, видя среди них «таких же слуг старого порядка, которые обдирают, грабят нас, утесняют и прижимают, сколько им угодно». Марат констатирует, что новые суды ничем в своей деятельности не отличаются от старых судов. В письме к министру юстиции, написанному в конце 1790 года, Марат развивает эти мысли. Он пишет, что в новые суды было назначено полторы тысячи королевских комиссаров. «Комиссары эти, набранные среди судейской сволочи, из самых подонков прежней магистратуры, являются в большей своей части генеральными прокурорами, заместителями в бальяжах, помощниками интендантов, — все это люди без веры и совести, хорошо известные своими пороками и проступками; все это заведомые враги революции, почти все — мучители народа, почти все — заклейменные общественным мнением» (стр.119).

Почти в то же время Марат показывает классовую подоплеку деятельности Национального Собрания в отношении проведения судебной реформы. «Льстят себя надеждой, — пишет Марат, — что новые суды, друзья законов, будут защищать граждан и заставят трепетать врагов конституции. Безумная мечта! Посмотрите, как старательно законодатель исключил из них друзей отечества, открыв в них доступ только приказным, юристам и никчемным адвокатам, в большинстве своем председателям секций. Вы можете, таким образом, призвать в суды только членов прежних судов, адвокатов, которые почти все являются зараженными приспешниками старого режима, и, что еще хуже, прокуроров, эту язву судебского сословия. Вы не можете, следовательно, надеяться иметь судьями, если не считать немногих лиц, воздающих еще честь человеческой природе, никого, кроме прирожденных врагов свободы, воспитанных в предрассудках старого суда, неспособных возвыситься до естественной справедливости, т.е. людей — рабов по воспитанию, по принципам и в силу интересов»²³.

В сентябре 1791 года Марат в «Друге народа» проводит сопоставление положения трудящихся масс в условиях старого и нового режима. Он останавливается и на характеристике старого и нового суда, направляя основной огонь своей критики на конституцию и другие законы.

Характеризуя деятельность нового суда, Марат не усматривает никакой разницы между ним и старым судом. Новый суд состоит из кляузников, низких интриганов и высокочек, он напоминает старинные комиссии убийц, которыми пользовались Ришелье и Мазарини. Объявление правосудия бесплатным на деле нисколько не облегчило положение неимущих перед судом. Объявление правосудия равным для всех граждан без каких-либо исключений также ни в малейшей мере не сказалось на положении обвиняемого, принадлежащего к классу неимущих: правосудие служит только для того, чтобы «в нем отказывали всем друзьям народа», чтобы «покровительствовать врагам отечества и угнетать его защитников». Марат наглядно показывает, как родственники жертв многочисленных расправ над народом «встречают отказ во всех судах, тогда как их жестокие палачи, уверенные в безнаказанности, издеваются еще над их отчаянием». И Марат восклицает: «Укажите мне среди изменников и заговорщиков хотя бы одного, кто до сего дня искупил бы свои преступления на эшафоте»²⁴.

²³ «L'Ami du peuple», 13 octobre, 1790, № 240.

²⁴ «L'Ami du peuple», 15 septembre, 1791, № 554.

В своих разоблачениях деятельности нового суда Марат в ряде случаев возвышается до разоблачения классовой природы буржуазного правосудия. Так, в марте 1791 года Марат констатирует, что со времен взятия Бастилии во всех случаях совершения преступлений против трудящегося народа виновники этих преступлений всегда остаются совершенно безнаказанными. И Марат говорит о десяти тысячах крестьян, посаженных незаконно в тюрьму за то, что они воспротивились отбианию у них хлеба; о сорока тысячах солдат, над которыми преступно издавались в течение пятнадцати месяцев; о тысячах «друзей свободы», которых избивали или убивали, и т.д. Виновники всех этих преступлений, указывает Марат, всегда оставались и остаются совершенно безнаказанными, как безнаказанными остаются «сто тысяч заговорщиков против свободы, безопасности и жизни друзей революции, злоумышляющих с утра до ночи против отечества, подкупающих целые армии бандитов, чтобы перерезать его защитников и зажечь огонь гражданской войны, чтобы восстановить царство тирана»²⁵.

В конечном счете, Марат приходит к резко отрицательной оценке судебной реформы, самого «нового» суда, его деятельности, которую он характеризует как антисоциальную, контрреволюционную, реставраторскую. Выражая классовые интересы трудящегося и эксплуатируемого народа, который в 1789—1791 годах, как и прежде, испытывал на себе всю тяжесть репрессии господствующих классов, Марат сумел в известной, доступной для того времени степени подойти к разоблачению сущности буржуазного «правосудия» с позиций защиты классовых интересов эксплуатируемых масс.

Из многочисленных высказываний Марата о суде и правосудии периода 1789—1791 годов видно, что он полностью избавился от иллюзий формально-юридических «гарантий» буржуазного правосудия, которые, как он сам неоднократно отмечал в своих произведениях, ни в малейшей мере не ограждали массы неимущих от произвола буржуазного суда.

Утрачивая эти иллюзии, Марат не делал, и по условиям своего времени не мог сделать, правильных выводов относительно перспектив борьбы с эксплуататорами. И в конце 1790 года он усматривает путь для предотвращения «ужасных несчастий» в том, чтобы вскрыть все пороки конституции, разъяснить их нации, «испугать ее ужасными последствиями их», поднять нацию против Национального Собрания и добиваться, чтобы оно заменило «пагубные декреты» «справедливыми и мудрыми законами». Не менее утопичным было в условиях 1789—1791 годов и другое предложение Марата о предоставлении всем без исключения гражданам публичного обвинения всех должностных лиц и об обеспечении полной неприкосновенности граждан, выступающих подобными обвинителями. Неоднократные попытки привлечения к уголовной ответственности самого Марата за его разоблачительную деятельность, казалось бы, должны были убедить его в том, что господствующие классы эксплуататоров не допустят свободного обличения их агентов — должностных лиц, тем более высших должностных лиц.

Подвергнув судебную реформу, суд, его деятельность самой резкой критике, Марат в процессе развития классовой борьбы в условиях установления диктатуры якобинцев развивает идеи о создании революционных трибуналов, об установлении революционного террора как наиболее действенного средства борьбы с врагами революции, с врагами народа. В обосновании этих идей революционное правосознание Марата достигает своего наивысшего развития.

В июле 1790 года вышло новое издание «Плана уголовного законодательства». Выпуская вновь свой «План», Марат имел в виду предложить его Национальному Собранию в связи с уже проводившейся реформой суда и подготовлявшейся реформой уголовного законодательства. Немедленно после выхода в свет «Плана» Марат через своих знакомых передает его Национальному Собранию. 2 августа 1790 г. «План», как явствует из протоколов Собрания, был «представлен» Собранию²⁶. В опубликованных протоколах Собрания содержится краткая справка по этому поводу. Никаких обсуждений или замечаний в этой связи депутатами сделано не было. Однако нельзя сказать, чтобы в этот день Собрание не интересовалось Маратом. Ему было уделено большое внимание в связи с возбуждением против него преследования за опубликование им в «Друге народа» статьи под названием «Мы погибли». Таким образом, момент для передачи «Плана» Национальному Собранию оказался крайне неблагоприятным для Марата. Бужар в своей монографии о Марате по этому поводу пишет: «Момент был плохо выбран; действительно, это был день, когда депутаты Конституанты решили предать суду Шатлэ Друга народа, донесшего на них²⁷.

Описывая заседание 2 августа 1790 г., Л.Блан пишет: «Заседание было открыто представлением плана уголовного законодательства, сочиненного Маратом, — маневр, направленный к тому, чтобы подумали, что Марат, угрожаемый Собранием, преклоняется перед ним»²⁸.

²⁵ «L'Ami du peuple», 4 mars, 1791, № 389.

²⁶ «Archives parlementaires», 1 Ser, t.XVII.

²⁷ См. F.Chevremont, Jean-Paul Marat, Esprit politique, 1880, t.1, pp.341—342.

²⁸ Л.Блан, История французской революции, т.4, стр.303.

В связи с этим Марат был вынужден в своем «Друге народа» разъяснить действительные мотивы, побудившие его передать свой «План» Национальному Собранию: «Внеочередное заседание в понедельник вечером, пред назначенное для изобличения сочинений, названных поджигательными, но целиком посвященное возвращению к постыдному декрету, было также длинно, как и бурно. Оно было открыто объявлением о представлении моего «Плана уголовного законодательства». Вот уже 10—12 дней, как он был передан одной даме из числа моих друзей для вручения его председателю Собрания. Я очень сожалею, что он был представлен при подобных обстоятельствах. Я совсем не умею делать пошлости»²⁹. Далее Марат определяет свое отношение к законодательной деятельности Национального Собрания и вместе с тем говорит о причинах, побудивших его передать Собранию свой «План». Он пишет: «Далекий от того, чтобы впредь оказывать Собранию какое-либо почтение, я буду придерживаться в отношении его лишь строгой справедливости. Я не воздам ему никакой хвалы; если бы случайно из его недр вышли какие-нибудь хорошие декреты, то оно исполнило бы этим лишь свой долг. Но каждый плохой декрет, который оно издаст, я всегда буду встречать с бичом критики в руках; количество их может быть лишь устрашающим, так как Собрание подчинено врагам народа. К тому же мой «План уголовного законодательства» был ему представлен лишь в надежде на то, что Конституционный комитет воспользуется моей работой. Имеется большая потребность в просвещении и еще более в добродетелях»³⁰.

Работы над реформой уголовного законодательства начались в Национальном Собрании в мае 1791 года. Докладчиком проекта уголовного кодекса был Луи Мишель Лепелетье де Сен-Фаржо — один из активных якобинцев, происходивший из аристократических слоев. За несколько месяцев до убийства Марата, на другой день после казни короля, Лепелетье был убит роялистами в знак мести за то, что он голосовал за смертную казнь короля³¹.

А. А. Герцензон

УГОЛОВНО-ПРАВОВАЯ ТЕОРИЯ Жана Поля МАРАТА

М.: Государственное издательство юридической литературы. 1956

²⁹ «L'Ami du peuple», № 182.

³⁰ Там же.

³¹ Обширный доклад Лепелетье о проекте уголовного кодекса («Archives parliamentaires», I Ser., t.26, pp.319—332), а также прения по поводу проекта (t.t.26, 27, 31) были основаны на идеях просветительской философии и гуманизма, явились попыткой применения на практике идеи Монтескье, Беккариа и Вольтера. Некоторые из депутатов, впрочем, аргументировали и положениями, сформулированными Руссо.

В докладе Лепелетье содержалась резкая критика старого феодального уголовного законодательства. «В бесформенном хаосе наших старых учреждений почти на каждом шагу оскорблялись нравственность и человечность. Невинные действия или легкие ошибки возводились в великие злодеяния. При одной заподозренности в преступлении наказание часто назначалось, как при совершении его. Не было соответствия между преступлениями и наказаниями.

Ужасные пытки, придуманные в века варварства, сохранились все же и в век просвещения. Сам закон толкал злодея к последней степени преступления, потому что с первого же шага он находился на последней ступени наказания. Несвязные положения, без системы, принятые в различные эпохи, под влиянием потребностей данного момента, ни разу не собранные в свод законов, были разбросаны в объемистых сборниках. О них порой вновь вспоминали. Их бессмысленная жестокость дополнялась злоупотреблениями иного рода — произволом судей». В таких словах Лепелетье подверг критике старое уголовное законодательство и деятельность старого суда. Эта критика в целом удовлетворяла классовые интересы буржуазии, стремившейся к установлению твердой буржуазной законности и потому приветствовавшей острую критику обветшалого феодального строя, на смену которому приходил буржуазный строй.

Лепелетье в своем докладе четко сформулировал общие принципы уголовного кодекса: он говорил о гуманизме закона, о соразмерности наказания и преступления, о соответствии природы наказания и природы преступления, о равенстве наказания и т.д. Выдвигая с особой силой принцип равенства всех людей перед уголовным законом, Лепелетье говорил: «Будет показан великий и благодетельный пример, когда среди уголовных преступников увидят министра, подвергнутого более длительному наказанию, потому что его преступление тяжелее отразилось на отечестве, или одного из пользующихся прежде неприкосновенностью, склонившегося под тяжестью тех самых оков, которыми он по своему произволу угнетал невинность».

Характеризуя основные принципы особенной части уголовного кодекса, Лепелетье особо отметил отказ от уголовного преследования за религиозные преступления, а также за многочисленные преступления, связанные с нарушением системы откупов, с нарушением правил цензуры и правил охоты, то есть от преследования за действия, которые признавались преступными с точки зрения феодального права. Лепелетье подчеркнул и то обстоятельство, что кодекс исключил понятие «оскорбление величества», преступление, столь характерное для феодального права.

Лепелетье отметил, что кодекс направлен на борьбу с посягательствами на государство, на частную собственность, на личность. Целью кодекса является сочетать задачу кары с задачей предупреждения преступлений. Докладчик специально остановился на системе предупредительных мер: он говорил о расширении возможностей для применения труда, об обеспечении больных, старых и неимущих и т.д. Вместе с тем Лепелетье отмечал значение создания муниципалитетов, полиции, жандармерии как органов, деятельность которых будет способствовать предупреждению преступлений.

В заключительной части своего доклада Лепелетье высказал надежду, что новый уголовный кодекс не только обеспечит охрану государства и собственности, но и будет содействовать росту благополучия страны; будет уничтожено «чудовищное неравенство в распределении богатства и бедности», на всех граждан распространится «счастливое довольство» и уголовный кодекс «устранит покушения, которые порождаются нуждой».

Сопоставление доклада Лепелетье и «Плана уголовного законодательства» Марата дает основания для утверждения о том, что Лепелетье не шел дальше идей умеренного просветительства, в то время как «Плана» Марата шел значительно дальше. К такому же выводу следует прийти из сопоставления «Плана» и утвержденного Национальным Собранием уголовного кодекса.

Несомненно, Лепелетье был знаком с проектом, составленным Маратом; он был высокообразованным юристом, внимательно следил за уголовно-правовой литературой, делал постоянные ссылки на Беккариа, Монтескье, Руссо, Вольтера и др. Как член якобинского клуба Лепелетье также не мог не быть знакомым с «Планом» Марата³². Но в своем докладе о проекте уголовного кодекса Лепелетье не делает никаких ссылок на этот «План». Подобные ссылки могли лишь вызвать ярость и негодование со стороны большинства депутатов Национального Собрания. Идеи, сформулированные Маратом в «Плане», ни в малейшей мере не соответствовали классовым интересам депутатов Национального Собрания, которые стремились к созданию уголовного кодекса в духе идей Монтескье—Беккариа—Вольтера.

В настоящее время мы не располагаем достаточными материалами для выяснения отношения самого Марата к уголовному кодексу 1791 года. Вряд ли этот кодекс в целом мог удовлетворить автора «Плана уголовного законодательства». Но в решении кодексом некоторых вопросов Марат солидаризировался с ним. В Национальном Собрании развернулись ожесточенные прения по вопросу о включении смертной казни в систему наказаний. Против смертной казни выступил ряд депутатов, в том числе Робеспьер и Петион. В печати их поддержал Гебер. 3 июня 1791 г. Национальное Собрание утвердило систему наказаний, которая предусматривала и применение смертной казни. В «Друге народа» Марат определил свое отношение и к упомянутой дискуссии, и к включению смертной казни в систему наказаний уголовного кодекса. Он писал: «В порядке дня (Национального Собрания) вновь стала дискуссия об отмене смертной казни. Собрание разумно, не в пример другим (декретам), постановило, что смертная казнь должна сохраняться для крупных преступлений — вопрос, по которому наши верные Петион и Робеспьер выявили чувство, делающее честь их чувствительности, но ведущее к слишком серьезным неудобствам, чтобы быть принятим. Право назначать смертную казнь не является сомнительным, ибо оно вытекает из того же источника, что и право убить, которое имеет всякое лицо, — я имею в виду заботу о своем собственном сохранении. Если же всякое наказание должно быть соразмерно преступлению, то наказанием убийцы и отравителя должна быть смертная казнь. Еще с большим основанием это относится к заговорщику и поджигателю».

Излагая далее ход дискуссии о системе наказаний в уголовном кодексе, Марат пишет: «Гарра-старший из религиозного чувства, конечно, хотел, чтобы наказание за отцеубийство было жестокой казнью. Но Собрание решило, что смерть должна быть изысканной лишь со стороны внешних атрибутов казни. Легран потребовал квалифицированных пыток для цареубийцы; это требование дворцового раба. Национальное Собрание приняло декрет³³. Гуманная философия, этот триумф человечности над варварством — это твоя работа. При свете твоего пламени разрушительные предрассудки, наконец, мало-помалу исчезают: придет время, когда люди, лучше осведомленные в своих правах и преимуществах, не будут более краснеть от незнакомства с тобой». Ссылаясь на декрет Национального Собрания о запрещении пыток при применении смертной казни, Марат в примечании пишет: «Читайте статью первую раздела третьего моего «Плана уголовного законодательства». Изданные декреты являются в точности такими, как я там предложил»³⁴. Действительно, в «Плане» Марат писал о том, что, как бы ужасно ни было убийство и какое бы ему ни давали наименование, «казнь должна быть утонченной лишь в отношении бесчестья: пусть же она станет более позорящей, не став более жестокой». При этом Марат указывал, что это должно относиться и к убийству государя, судьи, ministra и других должностных лиц. Весной 1791 года во Франции среди рабочих и подмастерьев развертывается стачечное движение. Оно охватывает плотников, столяров, каменщиков, слесарей, кровельщиков, кузнецов, башмачников, типографских рабочих и т.д. Рабочие выдвигают требование о повышении заработной платы, о некотором сокращении рабочего дня; уже предпринимались и некоторые шаги к объединению усилий рабочих.

В связи с этим муниципалитет Парижа в апреле 1791 года издал обращение к рабочим, в котором была дана резко отрицательная оценка деятельности рабочих организаций. Муниципалитет предостерегал рабочих против создания рабочих союзов: «Союз рабочих, организованный с целью установить одну и ту же заработную плату и принудить других рабочих подчиниться этой фиксации, явно противоречил бы их интересам. Кроме того, подобный союз был бы нарушением закона, подрывом общественного порядка, посягательством на общие интересы; со всех точек зрения он явился бы настоящим преступлением». Не ограничиваясь мероприятиями агитационного порядка, власти производят аресты наиболее активных участников рабочих собраний.

³² В особенности, если учесть, что «План» Марата был официально внесен в Национальное Собрание.

³³ Марат имел в виду постановление ст.2 уголовного кодекса о том, что «смертная казнь состоит в простом лишении жизни и она не может осуществляться путем применения к осужденным пыток».

³⁴ «L'Ami du peuple», № 478. См. Марат, План уголовного законодательства, 1951 (русский перевод), стр.71.

О положении рабочих весной 1791 года ярко говорит коллективное письмо нескольких сот каменщиков, адресованное Марату и опубликованное им в «Друге народа» в первой половине июня 1791 года — за два дня до утверждения антирабочего закона, проект которого уже обсуждался Национальным Собранием. Разоблачая хозяев-каменщиков, рабочие писали: «Не довольствуясь тем, что нажили громадные состояния за счет бедных рабочих, эти жадные угнетатели, сговорившись между собой, распространяют против нас ужасные пасквили, чтобы постараться лишить нас нашей работы. Свою бесчеловечность они довели до того, что обратились к законодателю, добиваясь от него варварского декрета против нас, который обрекает нас на голодную смерть». Несколько дальше рабочие пишут: «...после того, как мы истощили свои силы на службе государству, испытали плохое обращение наших начальников, измученные голодом и усталостью, мы часто не знаем другого выхода, как отправиться кончать свои дни в Бисетр, тогда как наши вампиры живут во дворцах, пьют самые тонкие вина, спят на пуху, разъезжают в золоченых каретах и забывают среди своего изобилия и удовольствий наши несчастья, отказывая часто семье раненого или убитого в полдень рабочего в заработной плате за первую половину дня». Поместив это письмо рабочих в своем «Друге народа», Марат выражает полную солидарность с этим письмом.

В первом полугодии 1791 года Национальное Собрание принимает декреты, непосредственно направленные на борьбу с растущим революционным движением среди рабочих и полу-пролетарских слоев населения.

В мае 1791 года Национальное Собрание приняло закон «О запрещении коллективных петиций». Согласно этому закону было установлено, что «право петиций принадлежит каждому человеку и не может быть передоверено им другому». В силу этого была запрещена подача петиций от имени каких бы то ни было коллективов.

Несколько раньше, в начале марта 1791 года, Национальное Собрание приняло закон о ликвидации сословия цеховых мастеров и звания мастера и об установлении «полной свободы труда». Наконец, в июне 1791 года Национальное Собрание утвердило закон «О собраниях рабочих и ремесленников одного цеха и профессии».

Каково было отношение Марата к этим антирабочим законам?

Оно вытекало из его политических взглядов — Друга народа, борца за интересы трудящегося и эксплуатируемого народа. В марте 1791 года он пишет: «Я выполняю священный и дорогой для моей души долг, отстаивая дело нуждающихся, тех рабочих, которые образуют наиболее здоровую, наиболее полезную часть народа, и без которых общество не могло бы просуществовать ни одного дня, тех драгоценных граждан, на которых тяготеют все государственные повинности и которые не пользуются ни одной из выгод, доставляемых государством, тех несчастных, которым приходится смотреть, как плуты обогащаются, заставляя их работать до изнеможения, и которых жестоко отталкивает подрядчик, наживающийся благодаря их труду, подрядчик-кровопийца, тех несчастных, на долю которых выпадает лишь труд, нищета и голод, тогда как сильные их угнетатели живут в роскоши и неге. Бог браней, если бы я когда-нибудь пожелал владеть твоим мечом, то я стремился бы лишь восстановить по отношению к ним святые законы природы, которые все земные владыки попирают ногами и которые были безжалостно и бесстыдно нарушены даже нашими законодателями»³⁶.

Марат отнесся резко отрицательно ко всем этим трем законам. Он выступил в качестве противника ликвидации цехов, видя в них единственную для своего времени форму организации рабочих и защиты их интересов. Для Марата не была ясна устарелость этой формы, явившейся тормозом как для развития капитализма, так и для развития рабочего движения. Марат в то время не мог и провести резкого различия классовых интересов мастеров, подмастерьев и рабочих. Этим и объясняется его стремление сохранить цеховые организации, внеся в них некоторые изменения.

Отношение Марата к закону «О запрещении коллективных петиций» было также резко отрицательным. Следует отметить, что в этом Марат не был одинок. При обсуждении проекта этого закона, названного по имени его составителя «первым законом Ле Шапелье», Демулен и Робеспьер энергично выступили против него. Робеспьер, в частности, говорил: «Я говорю с этой трибуной не для того, чтобы подстрекать народ к возмущению, а для того, чтобы защищать права граждан... Я буду защищать главным образом самих бедных. Чем слабее и несчастнее человек, тем необходимее ему право петиций». Однако закон был принят, и Марат в своем «Друге народа» подвергает его самой резкой критике и обосновывает право подлинно народных организаций на проведение собраний, на принятие постановлений, на подачу коллективных петиций. Более того, он обосновывает право на любые активные действия этих организаций, направленные на разоблачение и пресечение козней врагов народа. В начале марта 1791 г. Марат пишет: «...ни одно братское общество, ни одно патриотическое собрание не имеет права вмешиваться в общественные дела, чтобы вести их или управлять ими, — это бесспорно, и в целях содействия общественному благу они обладают лишь простым правом предлагать, советовать, требовать,

³⁶ «L'Ami du peuple», 28 mars, 1791.

просить — это тоже бесспорно. Но когда дело идет о том, чтобы парализовать покушения на свободу и общественную безопасность, когда дело идет о противодействии махинациям врагов революции, когда дело идет о наказании заговорщиков, когда дело идет о предотвращении гибели отечества, тогда патриотические общества имеют право быть не только обществами обсуждающими и решающими, но также и действующими, выносящими порицание, карающими, убивающими, после того, как они тщетно испробовали все законные пути подавить врагов общества, а носители власти столковались, чтобы убаюкивать народ, усыплять его на краю пропасти и вызвать его погибель. В этом просто выражается право сопротивления угнетению, и заботиться о своей безопасности — право, которое природа дала каждому человеку при рождении его, которое признали все свободные правительства и торжественно подтвердило само Собрание. И теперь оно будет иметь бесстыдство посягать на право. Станет стараться сделать его недействительным. Будет стараться отнять его у нас. Оно может попытаться сделать это, потому что оно достаточно неблагоразумно, чтобы не понимать безумия этой затеи; но я предсказываю ему, что его жизненные усилия не дадут иного плода, кроме позора и стыда»³⁷.

Марат яркими, острыми словами рисует возможные последствия лишения народа права собраний, права петиций, права принятия решений и постановлений коллективов, объединяющих трудящийся и эксплуатируемый народ. Марат ставит вопрос о том, какими средствами может Национальное Собрание обеспечить защиту прав широких масс от посягательств на них со стороны их угнетателей, и приходит к выводу, что у Национального Собрания нет таких средств. Марат восклицает: «Как, неужели мы согласимся вручать свою часть в руки развращенных депутатов, вероломных администраторов, продажных агентов, судей-взяточников? Неужели мы спокойно предоставим им лишать нас нашей свободы, отнимать наши имущества, покушаться на нашу честь, добиваться нашей гибели? Неужели мы станем молча терпеть, как они мучают нас, грабят, тиранят ради редкой привилегии выяснить нашу невинность или наши права людям, заинтересованным в том, чтобы не слушать нас, и могущими не выслушивать нас?»³⁸

В этой же статье Марата, опубликованной в «Друге народа» 4 марта 1791 г., дается исключительно яркая картина разоблачения многочисленных преступлений врагов народа. К этой статье в дальнейшем придется еще раз вернуться.

Антирабочий закон Ле Шапелье был принят Национальным Собранием 14 июня 1791 г. В своем докладе Ле Шапелье прежде всего дал отрицательную оценку выступлениям рабочих против своих хозяев, считая, что эти выступления, а равно и существование каких бы то ни было рабочих организаций, угрожают общественному порядку. Ле Шапелье говорил: «Цель этих организаций, которые все больше распространяются в королевстве и уже вступают между собой во взаимные связи,— принудить предпринимателей, так называемых мастеров, к повышению заработной платы, помешать рабочим и отдельным предпринимателям, дающим им работу в своих мастерских, заключать между собой договоры по своему усмотрению, и добиться того, чтобы они своей подписью обязались подчиняться тем постановлениям относительно уровня заработной платы и рабочего регламента, которые рабочие собрания позволят себе составлять. Не останавливаются даже перед применением силы, чтобы добиться принятия этих условий». Ле Шапелье призвал Национальное Собрание к тому, чтобы не относиться с излишней снисходительностью к этим попыткам объединения рабочих, приводящим уже теперь в ряде мест к беспорядкам. «Рабочие побуждаются устраивать эти сходки не столько стремлением достигнуть посредством своих союзов повышения поденной платы, сколько тайным намерением вызвать беспорядки». Обосновывая внесенный им законопроект, Ле Шапелье предложил запретить профессиональные собрания и организации рабочих на том основании, что революция отменила все корпорации. «Существуют, — говорил Ле Шапелье, — только отдельные интересы отдельных лиц и всеобщий интерес, общественный интерес». На этом основании должны быть запрещены какие бы то ни было рабочие организации как порождающие «большую опасность для общественного порядка». Эту опасность Ле Шапелье видел в том, что рабочие организации «имеют целью заставить предпринимателей увеличить поденную плату, воспрепятствовать рабочим и частным лицам, предоставляющим им работу в мастерских, заключать между собой договоры полюбовно, заставить их подписывать обязательства, подчиняться также поденной платы, установленной этими собраниями, а также и другими, которые они позволяют себе выносить». Желая представить проект декрета как якобы «защищающий» интересы рабочих, Ле Шапелье говорил, что рабочих «заставляют» выполнять постановления корпораций, что их «заставляют» покидать мастерство, что их «понуждают» к беспорядкам и т.д.³⁹

³⁷ «L'Ami du peuple», 4 mars, 1791, № 389.

³⁸ «L'Ami du peuple», 4 mars, 1791, № 389.

³⁹ Содержание закона 14 июня 1791 г. сводится к следующим основным положениям, сформулированным в восьми статьях.

Первая статья провозглашает, что упразднение всех видов корпорации граждан, принадлежащих к одному цеху, состоянию или к одной профессии, является одной из коренных основ конституции. Закон воспрещает

Как реагировали депутаты Национального Собрания на проект закона и на доклад Ле Шапелье? Следует отметить лишь робкую попытку нескольких депутатов внести ясность в вопрос о том, относится ли этот закон ко всем ассоциациям или только к рабочим ассоциациям. Национальное Собрание удовлетворилось справкой о том, что закон относится к любым ассоциациям. Предложение же эту справку запротоколировать было отклонено подавляющим большинством Национального Собрания. Робеспьер, который так резко выступал месяц назад против проекта закона о запрещении подачи коллективных петиций, на этот раз не сказал ни слова по поводу нового законопроекта Ле Шапелье. Демулен, который на страницах своей газеты также подверг первый закон Ле Шапелье резкой критике, ничего не написал о втором его законопроекте.

Как же отнесся Марат к этому антирабочему закону буржуазии, оцененному К. Марксом как буржуазный государственный переворот?

Марат встретил этот закон резко отрицательно. В «Друге народа» 18 июня 1791 г., через четыре дня после принятия закона, Марат опубликовывает статью, в которой разоблачает коварные махинации врагов народа, направленные к тому, чтобы ограничить права трудящегося народа, ликвидировать ассоциации трудящихся. Марат утверждает, что большинство депутатов Национального Собрания являются «гнусными агентами власти, на первых порах напускавшими на себя патриотизм и фрондировавшими власть лишь для того, чтобы подороже продать свои голоса». Национальное Собрание последовательно проводит линию на ограничение прав трудящихся. Эти враги народа «изо всех сил старались распускать его собрания, парализовать их, изолировать его членов». В качестве примеров антинародной деятельности Национального Собрания Марат приводит ряд законов, изданных до июня 1791 года. Но Национальное Собрание не ограничилось этим. Оно посягнуло на братские общества (клубы), лишив их возможности принимать постановления и обращаться с коллективными петициями. Закон 14 июня 1791 г. завершает эту цепь чудовищных посягательств на трудящиеся массы: «Чтобы предотвратить многолюдные собрания народа, которого они (реакционное большинство Национального Собрания. — А.Г.) так боятся, они отняли у бесчисленного класса батраков и рабочих право собираться, чтобы надлежащим образом совещаться о своих интересах, под тем предлогом, что эти собрания могли бы привести к восстановлению уничтоженных корпораций»⁴⁰.

Из приведенных высказываний Марата видно, что он совершенно отчетливо представлял себе политический смысл закона 14 июня 1791 г. как закона, направленного против «бесчисленного класса батраков и рабочих», как закона, направленного против классовых их интересов и лишающего их возможности «надлежащим образом совещаться о своих интересах». Марат меньше останавливался на экономической стороне закона 14 июня 1791 г., чем на его политической характеристике и оценке. Он был единственным политическим деятелем французской революции, который в атмосфере замалчивания или восхваления этого закона поднял свой голос для разоблачения махинаций врагов революции.

В этой связи уместно остановиться на оценке отношения Марата к закону Ле Шапелье, содержащейся в некоторых исторических работах.

Жорес в своей «Истории Великой французской революции», в целом высоко оценивший революционную роль Марата, весьма критически относился к его экономическим взглядам и, в частности, к его оценке закона 14 июня 1791 г. Оценивая взгляды Марата, Жорес подходил к ним с позиций XX века, без всякого учета условий XVIII века. По мнению Жореса, Марат вовсе не понял закона 14 июня 1791 г., и его взгляды являются реакционными. «Этот закон являлся в его глазах не орудием классовой борьбы, придуманным революционной буржуазией против пролетариата, а орудием, приготовленным сторонниками старого порядка против новых свобод нации. Марат обвиняет Учредительное собрание не в том, что оно препятствует рабочим собираться и вступать в соглашения друг с другом, имея в виду удержать низкую заработную плату, а в том, что оно разгоняет граждан, собирающихся для того, чтобы защищать общественную свободу. Сам он игнорирует социальный характер данного закона, и в том, в чем Маркс изображает буржуазный государственный переворот, Марат видит всего лишь контрреволюционный маневр. Ему ни разу не приходит в голову, что рабочие могли бы заняться на сходках выяснением своих классовых интересов; но, по его мнению, Учредительное собрание воспрещает эти сходки потому, что рабочие сообща занялись бы на них общественным делом» (т.1, стр.487).

В этой оценке взглядов Марата отразились социал-реформистские взгляды самого Жореса, оторвавшего экономическую борьбу от борьбы политической и усмотревшего ошибку Марата в том, что он в каждом законе стремился прежде всего вскрыть его политический смысл. Между тем если Марат и не вскрыл (и не мог по условиям времени вскрыть в полном объеме) экономической сущности закона, то он в максимально доступной для своего времени степени раскрыл политический смысл этого закона, правильно усматривая единую политическую линию всех врагов трудящегося и эксплуатируемого народа — от духовенства и дворянства до крупной буржуазии. Жорес далее «обвиняет» Марата в том, что он не сумел подойти к оценке закона 14 июня 1791 г.

⁴⁰ «L'Ami du peuple», 18 juin, 1791.

так, как сделал это К.Маркс. Вряд ли такое «обвинение» нуждается в рассмотрении. Марат был революционным демократом XVIII века, верным и стойким защитником интересов трудящегося и эксплуатируемого народа, но он, конечно, не обладал и не мог обладать подлинно научным знанием законов развития общества, впервые раскрытых и сформулированных К.Марксом. Наконец, нужно указать и на существенную неточность в критике Жоресом взглядов Марата. Жорес утверждает, что Марат игнорирует социальный характер закона 14 июня 1791 г., что ему ни разу не приходит в голову, что рабочие могли бы на своих собраниях заняться выяснением своих классовых интересов. Мы уже видели, что Марат в статье от 18 июня 1791 г. прямо говорит о том, что закон отнял «у бесчисленного класса батраков и рабочих» возможность собираться, «чтобы надлежащим образом совещаться о своих интересах». Утверждение Жореса вызывает тем большее удивление, что он сам приводит только что цитированные отрывки из статьи Марата.

Неправильную оценку взглядов Марата на закон 14 июня 1791 г. дает и Г.Кунов в своей книге «Борьба классов и партий в Великой французской революции 1789—1794 г.». Кунов утверждает, что Марат вовсе не понял смысла этого закона (стр.189—190) и якобы свел его лишь к «восстановлению деспотизма на развалинах завоеванной народом свободы», что Марат говорил о «народе» без какой бы то ни было классовой дифференциации. Конечно, у Марата не было и не могло еще быть достаточно отчетливого представления о классах и классовой борьбе. Но в целом ряде своих работ, в том числе и в статье о законе 14 июня 1791 г., Марат особо выделяет «рабочих и батраков».

Вывод, к которому необходимо прийти в результате изучения взглядов Марата на закон Ле Шапелье, состоит в том, что Марат явился единственным политическим деятелем Французской буржуазной революции, который обратил внимание на реакционную сущность антирабочего закона Ле Шапелье, попытался раскрыть его классовую сущность, сумел установить прямую связь этого закона с другими антенародными законами Национального Собрания, призывал широкие массы трудящегося и эксплуатируемого народа к борьбе против антенародных законов, призывал их к активным революционным действиям против их угнетателей, стремился найти политическое и теоретическое обоснование деятельности революционных организаций французской бедноты. Не обладая знанием подлинных законов общественного развития, имея лишь смутное представление о классах и классовой борьбе, не разделяя взглядов даже социалистов-утопистов своего времени, не располагая сколько-нибудь определенной экономической программой, Марат, естественно, не мог полностью раскрыть социально-политическое содержание закона Ле Шапелье. Но этого от него и нельзя было требовать в условиях последнего десятилетия XVIII века.

ГЛАВА V. МАРАТ И РАЗОБЛАЧЕНИЕ КОНТРРЕВОЛЮЦИОННЫХ ПРЕСТУПЛЕНИЙ

Разоблачение происков контрреволюции — основа политической деятельности Марата.

Марат о задачах борьбы с контрреволюцией. Понятие контрреволюционного преступления.

Связь внутренней и внешней контрреволюции. Контрреволюционный характер деятельности

спекулянтов. Разоблачение контрреволюционной деятельности Людовика XVI и его придворные. Марат и процесс Людовика XVI. Разоблачение Маратом многочисленных попыток контрреволюции расправиться с ним как с Другом народа

По существу вся политическая деятельность Марата в годы революции, все его памфлеты, статьи и плакаты преследовали одну цель — разоблачение коварных, чудовищно преступных махинаций врагов народа. Поэтому в настоящей главе делается попытка осветить наиболее существенные из высказываний Марата о контрреволюционных преступлениях.

Для уяснения этой стороны деятельности Марата большое значение имеет его собственная оценка неустанной борьбы с врагами народа, которую он вел с первых дней революции до своей трагической смерти.

В марте 1793 года он пишет, что за истекшие годы революции все его время «было поглощено политикой, защитой угнетенных, раскрытием заговоров против отечества, преследованием зачинщиков всяких козней»¹. Свой образ мыслей Марат характеризует следующими словами: «...Убежденный в развращенности приспешников старого порядка и врагов свободы, я понял, что от них нельзя ничего добиться иначе, как силой; возмущенный их преступлениями, их постоянно возобновлявшимися заговорами, я признал, что этому можно положить конец, лишь истребив преступных зачинщиков; негодяя на то, что представители народа находятся среди его самых смертельных врагов и что законы служат лишь для устранения невинных, которых они должны были бы защищать, я напомнил народу, обладающему верховной властью, что так как ему больше нечего ждать от своих представителей, то он должен сам отомстить за себя, что он несколько раз и сделал» (там же).

¹ «Le Publiciste de la Republique Francaise», 17 avril, 1793, № 170.

В ряде произведений Марат формулирует свои политические цели. Он пишет, что с конца ноября 1789 года посвятил «свое перо делу защиты свободы» и убедился в необходимости систематически разоблачать злодеяния врагов народа. «В разгар революции, совершенной против угнетателей и вампиров народа, против привилегированных сословий и приспешников старого порядка, в разгар революции, задевшей столько страстей и различных интересов, я понял, что самой неотложной обязанностью доброго гражданина является надзор за государственными чиновниками, столь склонными злоупотреблять своими обязанностями, за носителями власти, готовыми на заключение союза с деспотом; в эту обязанность входит наблюдение за намерениями кабинета, разоблачение его козней, расстройство его заговоров и срывание маски с вероломных. Эту важную задачу я выполнял с испытанным рвением и энергией»¹. Изучая письма, статьи, памфлеты, речи Марата, написанные и произнесенные им в годы революции, нельзя не прийти к выводу, что разоблачение козней контрреволюционеров явилось центральной задачей, которую поставил перед собой Марат и осуществлению которой он подчинил всю свою деятельность.

С каких же позиций Марат разоблачал контрреволюционные преступления врагов народа, чьи далеко еще полностью не осознанные классовые интересы он защищал? Выяснение этого вопроса представляется особенно важным потому, что в годы революции многие ее деятели также вели борьбу с контрреволюцией, разоблачали происки врагов народа, призывали к беспощадной борьбе с контрреволюцией, но вместе с тем оставались в конечном счете на позициях защиты интересов буржуазии, хотя и произносили пламенные речи о защите интересов народных масс.

В 1789 году, характеризуя третье сословие, Марат относит к нему служащих, ремесленников, рабочих, мастеровых, торговцев, крестьян, учителей, артистов, врачей, писателей, ученых, церковнослужителей, военнослужащих, называя третье сословие неисчислимым, непобедимым легионом, который сплотил «в недрах своих все виды просвещения, таланта, могущества и добродетели»². Относясь с наибольшей симпатией к трудящемуся и эксплуатируемому народу, Марат в 1789 году все же выступает защитником интересов всего третьего сословия. В этот период еще не полностью рассеялись иллюзии Марата относительно «добродетелей» Людовика XVI и возможности добиться от него необходимых народу свобод. Но уже через два года, в 1791 году, Марат проводит разграничение между третьим сословием и трудящимся и эксплуатируемым народом, защите интересов которого Марат посвятил все свои силы. Он указывает, что в ходе революции «партия друзей свободы оказалась состоящей уже только из нуждающихся классов, из простонародья, необразованного, не имеющего ни средств, ни вождей, защищаемого лишь немногими добродетельными, но не обладающими состоянием людьми и несколькими писателями-патриотами, лишенными власти»³. Марат неоднократно говорит о людях, лишенных собственности, и всячески подчеркивает, что он выступает от имени их интересов. И систематически, настойчиво разоблачая контрреволюционные преступления врагов народа, Марат выступает от имени трудящегося и эксплуатируемого народа, от имени городской и сельской бедноты. Для него ясно, что «революция была совершена и поддержана лишь самыми низшими классами общества, рабочими, ремесленниками, мелочными торговцами, земледельцами, простонародьем, теми обездоленными, которых наглое богатство называет чернью и которых римская заносчивость называла пролетариями»⁴.

Уже в самом начале революции Марат определяет свои задачи борьбы с контрреволюцией. Он пишет: «Борясь против врагов государства, я буду беспощадно нападать на мошенников, буду разоблачать лицемеров, буду изобличать изменников; я буду отстранять от общественной деятельности жадных людей, спекулирующих своим притворным усердием, и бездельников, не способных служить отечеству, подозрительных людей, на которых оно совсем не может полагаться. Какой бы суворостью ни отличалось мое перо, оно будет страшно только для пороков, и что касается даже злодеев, то оно будет уважать истину; если оно отклонится на минуту от нее, оскорбляя невинность, то пусть накажут опрометчивого — он под рукой закона. Я знаю, чего должен ожидать от толпы злых людей, которых я восстановлю против себя; но страх не имеет надо мной никакой силы; я посвящаю себя отечеству и готов пролить за него всю мою кровь»⁵. Когда Марат писал эти слова, он не предвидел, насколько они явились пророческими: вся жизнь Марата явилась служением своей родине, своему народу, трудящимся и эксплуатируемым массам, и кровь его была пролита злейшими врагами народа, являвшимися и его врагами.

А. А. Герцензон

УГОЛОВНО-ПРАВОВАЯ ТЕОРИЯ Жана Поля МАРАТА

М.: Государственное издательство юридической литературы. 1956

² «Le Publiciste de la Republique Francaise», 30 mars, 1793, № 156.

³ «L'Ami du peuple», 21 septembre, 1791, № 558.

⁴ «L'Ami du peuple», 7 juillet, 1792, № 667.

⁵ «L'Ami du peuple», 23 septembre, 1789, № 13.

Большой интерес представляют высказывания Марата о его служении народу и о его борьбе с контрреволюцией в памфлете «Разоблачение, направленное против Неккера». Доказывая бессмысленность контрреволюционного утверждения о том, что Марат был подкуплен, он указывает, что со временем Руссо никого нельзя поставить рядом с ним, Маратом, по степени добродетельности и неподкупности. Задав вопрос, кому бы он, действительно, мог продаться, Марат отвечает: «Не Национальному ли Собранию, против которого я столько раз выступал, на некоторые гибельные декреты которого я нападал и которое я часто призывал к исполнению долга? Не короне ли, на гнусные узурпации которой я всегда нападал, как и на ее ужасные прерогативы? Не правительству ли, которое я выставлял вечным врагом народа, обвиняя членов его в том, что они являются предателями родины? Не принцам ли, скандальную роскошь которых я требовал прекратить, с тем, чтобы их расходы ограничивались положенными им годовыми доходами, причем я требовал предания суду виновных из их числа? Не духовенству ли, распутство и смехотворные притязания которого я выставлял напоказ, требуя, чтобы его имущества были возвращены бедным? Не дворянству ли, несправедливые притязания которого я подрывал, на неправильные привилегии которого я нападал, коварные замыслы которого я разоблачал? Не парламентам ли, честолюбивые планы которых, как и их опасные правила, возмутительные злоупотребления, я раскрывал и упразднял которых я требовал? Не взяточникам ли, растратчикам, финансистам, пиявкам государства, в отношении которых я требовал, чтобы народ заставил их вернуть награбленное? Не капиталистам ли, банкирам и ростовщикам, которых я преследовал, как общественную чуму? Не муниципалитету ли, тайные намерения которого я разоблачил, опасные планы которого я раскрыл, преступления которого я обнаружил и который меня арестовал? Не округам ли, на угрожающий состав которых я нападал, требуя их реформы? Не национальной ли милиции, против глупых приемов которой и глупейшего доверия к подозрительным начальникам которой я выступал?»⁶

Перечисляя здесь свои разоблачительные выступления, Марат далеко не исчерпал их. Он действительно выступал и против антинародной законодательной деятельности Национального и Законодательного собраний, и против короля и королевской власти, и против дворянства и духовенства, против крупной буржуазии и т.д. Он разоблачал Людовика XVI, Марию Антуанетту, их министров — в особенности Неккера, он разоблачал Лафайета — одно время бывшего кумиром французской буржуазии, он разоблачал Балти, он разоблачал судилище Шатле, он сигнализировал о готовящейся измене генералитета во главе с Дюмурье, он разоблачал спекулянтов, торговцев и множество других больших и малых врагов народа. Для того чтобы полностью осветить деятельность Марата по разоблачению контрреволюционных преступлений врагов народа в период 1789—1793 гг., потребовалось бы изложить всю историю классовой борьбы этого периода, ибо Марат откликался на все важнейшие события, комментировал и оценивал политическое значение каждого из них, неустанно разоблачая прописки врагов народа.

Приведенная нами выдержка заканчивается следующими словами: «Итак, остается народ..., права которого я постоянно защищал и интересы которого я охранял с безграничным рвением. Но народ никого не подкупает, да и с какой целью он мог бы подкупить меня? Я и так целиком принадлежу ему; неужели меня обвинят в том, что я ему отдался?» (там же).

Историки французской революции, чьи политические взгляды характеризуются реакционностью, склонны в своем большинстве объяснять разоблачительную деятельность Марата особенностями черт его характера, его темперамента, условиями его жизни, даже чертами его внешности. Жестокость, подозрительность, долгие годы подпольной жизни, неудачи на научном поприще, тщеславие, хроническая болезнь — вот, по мнению многих реакционных историков — Тьера, Тэна, Ламартина и других, — основы разоблачительной деятельности Марата. В этой «оценке» Марата решающую роль сыграла ненависть буржуазии к трудящимся, защитником которых являлся Марат.

В начале революции, когда большинство политических деятелей революции склонно было доверять уступкам, сделанным господствующим классом в отношении третьего сословия, резко прозвучал одинокий тогда голос Марата. Он горячо доказывал, что все эти уступки не были добровольными, являлись вынужденными, и поэтому призывал народ к тому, чтобы не доверять пышным фразам о справедливости, гуманности, патриотизме. Марат писал: «Ведь при свете пожаров своих подожженных замков они великодушно отказываются от привилегии держать в оковах людей, вернувших себе свободу с оружием в руках. Ведь это при виде казни грабителей, взяточников, верных слуг деспотизма они имеют великодушие отказаться от сеньоральных десятин и больше ничего не требовать от несчастных, которым почти нечем жить. Ведь только услышав проскрипционные списки и при виде участи, ожидающей осужденных, они оказывают нам благодеяние, упраздняя кроличьи садки и разрешая нам не отдавать себя на съедение животным»⁹. Дальнейший ход развития революции показал, насколько прав был Марат, не

⁶ Марат, Разоблачение, направленное против Неккера, Памфлеты. М, 1934, стр.336—337 (примечание).

⁹ «L'Ami du peuple», 15 fevrier, 1791, № 372. «L'Ami du peuple» 21 septembre, 1789, № ц.

доверяя красивым словам господствующих классов и предвидя, что за этими жестами кроется лишь маневр со стороны врагов народа, поджидающих момента, чтобы попытаться вернуть себе утраченные привилегии и расправиться с народными массами.

В том же 1789 году Марат разъясняет массам их действительное положение, которое фактически не изменилось и которых попрежнему угнетают их многочисленные тираны. Марат призывает массы не останавливаться на начальных успехах революции и добиваться действительного освобождения. В этой связи Марат пишет: «Где отечество тех, кто не имеет никакой собственности, кто не может рассчитывать ни на какую должность, кто не извлекает никаких преимуществ из общественного договора? Обреченные повсюду служить другим, они находятся под игом своих сограждан, если не находятся под игом господина; и какая бы революция ни произошла, их вечным уделом является рабство, бедность, угнетение. Каковы в таком случае могут быть их обязанности по отношению к государству? Оно ведь ничего не сделало для них, разве только увековечило их нищету и заклепало их цепи. Они обязаны по отношению к нему только ненавистью и проклятиями. Служите государству вы, кому оно обеспечивает спокойный и счастливый жребий, не требуйте ничего от нас, достаточно уже того, что беспощадная судьба привела нас к жестокой необходимости жить среди вас»².

Нетрудно убедиться, что в только что приведенной выдержке из статьи, написанной в ноябре 1789 года, Марат развивает революционную теорию, сформулированную им еще в «Цепях рабства» и в «Плане уголовного законодательства». Это обоснование права народа на революционное восстание против его поработителей, обоснование права не подчиняться тираническим законам.

В своих разоблачениях преступной деятельности министра Неккера Марат широко применяет общие принципы и положения, сформулированные им в «Плане уголовного законодательства». По сути дела он применяет здесь мысли о мнимых и подлинных государственных преступлениях и ярко доказывает преступный характер всей деятельности Неккера и его соучастников, расценивая ее как деятельность антнародную и изменническую.

По мере развития и обострения классовой борьбы в ходе революции все более возвышается голос Марата, разоблачающий контрреволюционные происки врагов народа.

В 1791 году Марат публикует статью, в которой делает обзор истории развития революции и, раскрывая коварные происки врагов народа, намечает путь борьбы с ними. Применяя и здесь теорию общественного договора, Марат указывает, что в самом начале революции был заключен «торжественный договор» в виде Декларации прав человека и гражданина. Однако очень скоро прежние угнетатели грубо нарушили этот договор и стали на путь контрреволюции. По этому поводу Марат писал: «Прежние угнетатели, огорченные тем, что уже не могут безнаказанно быть ими, затаили свою печаль, свою злобу, свою ненависть и стали стараться только о том, чтобы отнять у нас наши права, понемногу вернуть своему главе все средства снова поработить нас, чтобы грабить и угнетать нас, сколько вздумается; они не переставали затем злоумышлять против нашей свободы, нашего покоя, устраивать заговоры против общественного блага и убивать руками своих приспешников всех друзей свободы. Получается, следовательно, что они ведут против нас войну, несправедливую, гнусную, жестокую, возмутительную, нарушая по отношению к нам все законы справедливости и чести. Поэтому мы вынуждены ради нашей собственной безопасности обращаться с ними, как с врагами общества»¹⁰. Здесь уместно напомнить развивавшиеся Маратом' в «Плане уголовного законодательства» понятия подлинных и ложных государственных преступлений, и в особенности понятие заговора против народа в условиях, когда народ добился свободы. В приведенном отрывке Марат, несомненно, стремится применить на практике свои теоретические положения: заговоры, которые составляются с целью освободить народ от угнетения, не могут считаться преступными; но заговоры, имеющие целью отнять у народа завоеванную им свободу, являются тягчайшими государственными преступлениями, которые должны караться смертной казнью. Враги народа посягают на только что завоеванную свободу, следовательно, они подлежат смертной казни. Марат нисколько не обольщается относительно деятельности Национального и Законодательного собраний, как не обольщается он и относительно органов правосудия: все они стоят на страже интересов господствующих классов, все они направляют свои мечи против народа. И Марат призывает массы угнетенного народа самим осуществить борьбу с их угнетателями, самим разоблачать и карать их тягчайшие контрреволюционные преступления. «Поэтому надо увечить шпионов, которых они подкупают, чтобы обирать наших смелых защитников, если мы хотим лишить первых возможности вечно вредить нам. Поэтому надо расправляться кинжалом с разбойниками, которых они подкупают убивать нас, если мы хотим сделать их неспособными умертвить одного за другим друзей революции. А они сами должны быть удалены из нашей среды, если мы хотим спасти отчество, готовое погибнуть. Пусть закон займется их наказанием, — я благословляю небо за это и сейчас же перестану подстрекать расправляться с ними, лишь бы совершилось правосудие. Но если законы будут и

¹⁰ «L'Ami du people», 15 fevrier, 1791, № 372.

впредь бессильны по отношению к ним и если суды будут продолжать хранить вероломное молчание, то, граждане, вам самим придется позаботиться о вашей безопасности каким бы то ни было способом и лишить их в дальнейшем возможности злоумышлять против вас, хотя бы для обеспечения вашего покоя, вашей свободы, вашей жизни понадобилось в силу жестокой необходимости умертвить их всех. Таков голос разума, справедливости, природы, такова нравственность по отношению к контрреволюционерам, нашим непримиримым врагам»¹. В этих словах содержится сформулированное Маратом с позиций революционного правосознания понятие контрреволюционного преступления и политическое, а также и юридическое обоснования задач беспощадной борьбы с контрреволюцией. К этим положениям Марат неоднократно возвращался, обосновывая необходимость введения революционного террора по отношению к врагам народа. Он развивает их применительно к отдельным видам и формам контрреволюции, по мере развития и обострения классовой борьбы.

Марат очень глубоко и ярко вскрывал связи различных групп контрреволюционеров — врагов народа, которые образовывали единый антинародный фронт. В 1791 году Марат писал по этому поводу: «Вокруг этих честолюбивых интриганов, презренных креатур двора, скоро сплотились его приверженцы и приспешники — дворянство, духовенство, армейское офицерство, судебное сословие, представители судебской знати и юристы, финансисты и биржевые игроки, пиявки государства, торговцы словом, крючкотворцы, вся дворцовая сволочь, — одним словом, все те, кто основывает свое величие, свое благосостояние, свои надежды на злоупотреблениях правительства, кто существует за счет его пороков, его преступлений, его расточительности и кто старался увековечить эти безобразия, чтобы извлекать выгоду из общественного бедствия. Понемногу вокруг них сгруппировались разные дельцы, ростовщики, ремесленники, изготавляющие предметы роскоши, писатели, ученые, артисты, которые наживаются в свою очередь за счет счастливцев сегодняшнего дня или распутных девиц. После этого пришли купцы, капиталисты, состоятельные граждане, для которых свобода является лишь привилегией беспрепятственно приобретать, надежно владеть и наслаждаться миром. Вслед за ними появились трусы, которые меньше опасаются рабства, чем политических бурь, отцы семейства, опасающиеся и намека на какую-нибудь перемену, которая может повести к потере места или общественного положения»¹¹.

Обрисовав столь ярко и детально единый фронт контрреволюции, Марат противопоставляет ему фронт, который образуют «неимущие классы, т.е. масса народа». Марат указывает на «противоположность интересов, разделяющих различные классы граждан», и он призывает народ к беспощадной борьбе с контрреволюцией. Он рекомендует народу «избрать себе просвещенного и неподкупного вождя, чтобы срубить преступные головы и помешать изменникам бежать».

Разоблачая контрреволюционные преступления врагов народа, Марат неустанно повторяет, что эти враги использовали и используют революцию, завоевания революции для своих классовых целей. Он показывает, как в ходе революции богатые слои населения умножают свои капиталы, создают монополии, занимаются захватами, грабежами, обманами, ростовщичеством, в результате чего «бесчисленный класс бедняков» стоит перед опасностью погибнуть от нищеты. Марат показывает, что для законодателя (Национального и Законодательного собраний) революция явилась лишь предлогом «для проявления вероломства, мошенничества, плутовства, коварства и тирании». В ряде статей, написанных в 1791—1792 годах, Марат путем сопоставления положения народных масс до революции и во время революции стремится показать, что массы ничего не выиграли от революции, что от нее выигрывают лишь враги народа, что сам народ должен стремиться к дальнейшему развитию революции, что он должен разоблачить и покарать своих врагов.

С исключительной глубиной раскрывает в 1792 году Марат революционную роль городской и деревенской бедноты и контрреволюционную роль «высших классов». Говоря о «простонародье, т.е. низших классах общества», Марат пишет: «В момент восстания они все сокрушают своей массой, но каковы бы ни были вначале их успехи, в конце концов они неизменно терпят неудачу; они всегда лишены знаний, умения, богатства, оружия, вождей и плана действий, и потому у них нет средств от заговорщиков, преисполненных проницательности, коварства и ловкости, от вечных интриганов, имеющих в своем распоряжении богатства, оружие, боевые припасы, все должности, требующие доверия, все средства, даваемые воспитанием, политикой, состоянием и властью. Так именно случилось с французской революцией; неверно, что вся нация поднялась против деспота: ведь он был всегда окружен своими приспешниками, дворянством, духовенством, судебными сановниками, финансистами, капиталистами, учеными, литераторами и их креатурами. Если вначале образованные, зажиточные и склонные к поискам люди высших классов были против деспота, то лишь затем, чтобы повернуться против народа, когда позже они добились его доверия и использовали его силы с целью стать на место упраздненных ими привилегированных сословий.

¹¹ «L'Ami du peuple», 21 septembre, 1791, № 556.

Таким образом, революция была совершена и поддержана лишь самыми низшими классами общества, рабочими, ремесленниками, мелочными торговцами, земледельцами, простонародьем, теми обездоленными, которых наглое богатство называет чернью и которых римская заносчивость называла пролетариями»¹².

У Марата не было ясной экономической программы; не обладал он в силу этого и ясной политической программой. Своим политическим чутьем он раскрыл противоположность классовых интересов трудящегося и эксплуатируемого народа и его многочисленных угнетателей. Для него не было сомнений в том, что враги народа стремятся к еще большему его угнетению, что они создают заговоры против народа. Своим классовым чутьем он распознавал контрреволюционные преступления и разоблачал многочисленных врагов народа. Сознавая слабость, неорганизованность неимущих масс, отсутствие у них опыта политической борьбы, отсутствие материальной базы для оказания сопротивления опытным, организованным, обладающим значительными материальными ресурсами, располагающим силой государственного принуждения эксплуататорам, Марат видел единственный путь организации борьбы народных масс с их угнетателями в проведении революционного террора. И именно поэтому, разоблачая преступления врагов народа, он постоянно призывает к организации революционного террора.

Борьба со спекуляцией явилась одним из острых участков классовой борьбы во Франции в период французской буржуазной революции XVIII века. Особенно остро стал вопрос о борьбе со спекуляцией съестными припасами зимой 1791/92 года, когда в стране начал ощущаться недостаток в продовольствии, резко возрастали цены на него, и народные массы начали выступать с требованиями установить предельные цены и обуздать торговцев-спекулянтов. В многочисленных петициях трудящихся масс, обращенных к Законодательному Собранию, а позже к Конвенту, содержались указания на то, что «свобода хлебной торговли несовместима с существованием нашей республики», что «закон должен следить за снабжением республики припасами и продовольствием для всех». В этих петициях обращалось внимание на бедственное положение народа, на безудержную спекуляцию на народной нужде. В них содержались требования установить суворейшие наказания по отношению к скопщикам хлеба, спекулянтам, в виде каторжных работ и смертной казни.

Под влиянием требований народных масс Законодательное Собрание 9 и 16 сентября 1792 г. приняло законы, которыми устанавливалось обязательное снабжение рынков продовольствием торговцами и допускалась реквизиция его у частных лиц для продажи на рынках. Однако после сентябрьского восстания рабочих и крестьян в 1792 году эти законы были отменены, просуществовав, таким образом, крайне непродолжительное время. В декабре 1792 года был принят декрет, которым подтверждалась «самая полная свобода» в области торговли, с тем лишь изъятием, что категорически, под страхом смертной казни, запрещался вывоз хлеба за границу.

В связи с этим еще более усилилась борьба трудящихся масс за установление предельных цен на продовольствие и за введение борьбы со спекуляцией.

Большой интерес представляет острая политическая борьба, развернувшаяся вокруг этих вопросов.

Вождь жирондистов — Бриссо обратился «Ко всем республиканцам Франции» с воззванием, в котором он назвал дезорганизаторами тех, «кто хочет все уравнять: собственность, достаток, установить цены на пищевые продукты, определить ценность различных услуг, оказанных обществу и т.д.». Открыто выступая в роли защитника интересов крупной буржуазии и спекулянтов, Бриссо говорит, что эти «дезорганизаторы» разжигают классовую борьбу и «постоянно надоедают Конвенту петициями». Это воззвание Бриссо было опубликовано в октябре 1792 года.

В декабре 1792 года по тому же вопросу выступил Робеспьер. Он утверждал, что «свобода торговли необходима, но лишь до тех пор, пока убийственная жадность не начинает злоупотреблять ею». Допуская, чтобы спекулянты взвинчивали иены на предметы, которые не являются предметами первой необходимости, ибо вовсе не обязательно, «чтобы каждый покупал роскошные материи», Робеспьер резко выступил против спекуляции предметами первой необходимости. «Собственность существует прежде всего для того, чтобы жить. Неверно, что интересы собственности могут когда-либо стоять в противоречии с потребностью людей в продовольствии, которая так же священна, как сама жизнь». Робеспьер предложил «остановить силой закона преступную руку монополистов, как обычновенных убийц». Пытаясь примирить частную собственность и свободу торговли с жизненными интересами народных масс, Робеспьер говорил: «Я хочу, чтобы была сохранена свобода торговли; я только хочу, чтобы уничтожили контрреволюционные монополии и скупки; чтобы обращение зерна по всей республике было обеспечено; чтобы были приняты все необходимые предосторожности, для того, чтобы торговле не чинились препятствия». В заключение Робеспьер, пытаясь примирить интересы торговцев и интересы трудящихся, указывал: «Я вовсе не отнимаю у богатых людей честной прибыли или

¹² «L'Ami du peuple», 7 juillet, 1792, № 667.

законной собственности; я только лишаю их права наносить вред собственности других. Я уничтожаю не торговлю, а разбой монополистов; я осуждаю их лишь для того, чтобы они давали возможность жить своим ближним».

Иные, более прямолинейные и более решительные взгляды развивал Жак Ру — вождь «бешеных». Еще летом 1792 года он выступил с речью, в которой потребовал осуществления беспощадной борьбы со спекуляцией и со спекулянтами. «Требуйте смертной казни для скупщиков съестных припасов, для тех, которые торговлей деньгами, фабрикацией монет ниже их естественной стоимости дискредитируют наши ассигнаты, чрезмерно повышают цену наших съестных припасов и быстрыми шагами ведут нас к контрреволюции. Поэтому поспешите установить во всем государстве одни и те же меры, один и тот же вес. Требуйте строгих правил для хлебной торговли, требуйте запрещения продажи предметов первой необходимости за пределами государства. Заставьте крупных собственников продавать свой урожай только на указанных рынках, в пределах их дистриктов, устройте во всех городах и крупных местечках общественные магазины, где цена на товары установилась бы конкуренцией». В декабре 1792 года Ру произнес речь, в которой вновь призывал вести беспощадную борьбу с теми, «кто присваивает себе плоды земли и продукты промышленности, кто жадно скапливает на складах предметы первой необходимости и подчиняет своим ростовщическим расчетам слезы народа и вопрос о его снабжении». В феврале 1793 года в Париже произошли крупные волнения на почве продовольственных трудностей. Народные массы требовали введения нормированных цен на продовольственные товары и примерного наказания спекулянтов.

В мае 1793 года под давлением народных масс Конвент принял декрет о введении предельных цен на зерно. Виновные в продаже или покупке зерна или муки по повышенным ценам карались конфискацией зерна и штрафом. Лица, которые были уличены в злостной порче или укрывательстве зерна или муки, карались смертной казнью. Последующее законодательство 1793—1794 годов всемерно расширило нормировку цен и применение суровых мер репрессии к спекулянтам.

Из приведенных материалов видно, что борьба со спекуляцией явилась действительно одним из острых участков классовой борьбы, в которой народные массы выступали с требованиями самых решительных мер против спекулянтов и спекуляции. Эта борьба народных масс понуждала Конвент к принятию законов о борьбе со спекуляцией, против которых выступали жирондисты. Эти законы были поддержаны, хотя и не сразу, якобинцами. Крайние точки этого участка классовой борьбы занимались Бриссо — открытым глашатаем интересов торговцев и спекулянтов, и Жаком Ру — мужественным и страстным борцом за интересы трудящегося и эксплуатируемого народа. Первоначальная позиция Робеспьера, как и других якобинцев, была еще непоследовательной — в ней сказывалось стремление сочетать охрану интересов трудящегося народа с обеспечением свободы торговли, сочетать карательные меры против спекулянтов с сохранением свободной торговли. В дальнейшем развитие классовой борьбы приводит якобинцев к выводу о необходимости ввести предельные цены на продукты питания и проводить систему суровой кары в отношении спекулянтов.

Анализ развития взглядов Марата на борьбу со спекуляцией представляет значительный интерес.

Необходимо прежде всего напомнить, что и в своих дореволюционных работах, в особенности в «Плане уголовного законодательства», Марат обращает пристальное внимание на преступления торговцев. Опасную для жизни и здоровья потребителей фальсификацию торговцами съестных припасов он приравнивает к умышленному убийству, а самих преступников оценивает как врагов народа. Он особо выделяет в число преступлений против собственности обманное изменение товаров и предлагает сурово карать торговцев, совершающих такое преступление. В определении опасности этих преступлений Марат исходит из интересов трудящегося и эксплуатируемого народа.

Голос Марата, разоблачающий коварные преступления торговцев-спекулянтов, возвышается в годы революции. В работе «Разоблачение, направленное против Неккера», опубликованной в начале 1790 года, Марат специально останавливается на разоблачении спекулянтов, наживающихся на народной нужде. «Боже мой, — восклицает Марат, — какая низость — вся эта спекуляция на наживе, бремя которой всей своей тяжестью ложится на плечи бедняков, страдающих от того, что им приходится терять столько времени, дежуря у дверей булочных, еще больше, чем от повышения цены на хлеб. Какая жестокость — обрекать стольких отцов на невозможность прокормить своих детей. Какое варварство — оставить для пропитания огромного народа только какой-то вредный продукт, расшатывающий здоровье и вызывающий эпидемические заболевания. Не знаю, как и называть эти гнусные преступления. Какими бы отговорками они ни прикрывались, они все равно отвратительны, и ужасный человек, который является их виновником, достоин самой жестокой казни»¹³. Марат в мае того же 1790 года

¹³ Марат, Памфлеты, М, 1934, стр.11—312.

раскрывает крупные спекулятивные аферы с зерном, которые проводились при участии и под покровительством Неккера. Он говорит о том, что король снабжается отборным хлебом, а народ вынужден питаться суррогатами хлеба, и что враги народа осуществляют чудовищный план — «создать обильный источник дохода из подлой спекуляции зерном». Марат доказывает, что шайка спекулянтов действует в высшей степени организованно, и ее соучастниками являются не только торговцы, но и министры, и другие крупные должностные лица, в том числе и члены муниципалитета.

Наибольшее внимание борьбе со спекуляцией Марат уделяет в конце 1792 — начале 1793 года в связи с описанными выше событиями — народными петициями о введении максимума, о наказании спекулянтов, обсуждением законопроектов о максимуме и выступлениями целого ряда политических деятелей — от Бриссо до Жака Ру.

В конце февраля 1793 года, в своем «Журнале Французской Республики» Марат, разоблачая врагов народа, относит к ним спекулянтов, которые «удваивают рвенье с целью привести народ в отчаяние чрезмерным повышением цен на съестные припасы первой необходимости и страхом голода»¹⁴. Марат говорит о том, что он не надеется на меры, которые примет законодатель, и не видит другого способа, кроме «полного истребления этого проклятого отродья для обеспечения спокойствия государства». Можно ли удивляться, что народ, доведенный до отчаяния, применяет крайние меры самозащиты? «Во всякой стране, где права народа не являются пустым высокопарным упоминанием в простой декларации, разграбление нескольких магазинов и повешение у их дверей перекупщиков должны скоро положить конец этим злоупотреблениям, повергающим в отчаяние пять миллионов человек и обрекающим тысячи людей голодной смерти». Не веря в силу репрессивных мер, предусмотренных действующими законами, Марат призывает народ к революционным действиям. Он рекомендует поручить Комитету общественной безопасности розыск перекупщиков и спекулянтов и предания их суду как изменников родине. Этот суд должен быть образован в виде государственного трибунала, состоящего «из пяти самых неподкупных и строгих членов». Для того чтобы усилить впечатление от предлагаемых им мер, Марат упоминает о такой мере, как «объединение наиболее зажиточных граждан с целью ввоза из-за границы съестных припасов первой необходимости, продажи их по покупной цене и снижения таким образом их цен с того уровня, до которого они поднялись, чтобы установилось правильное равновесие». Приводя этот фантастический план, Марат тут же оговаривается, что он неосуществим, так как для него необходимо «наличие доблестей, редкостных в стране, где господствуют плуты, разыгрывающие граждансскую доблесть лишь для того, чтобы лучше обманывать дураков и грабить народ». Вряд ли сам Марат сколько-нибудь серьезно рекомендовал этот план использования крупной буржуазии для борьбы со... спекуляцией. Это был лишь своеобразный полемический прием, рассчитанный на то, чтобы народ сам понял неизбежность и необходимость осуществления революционных мер борьбы со спекуляцией.

В этой же статье Марат выражает уверенность, что продовольственные беспорядки - явление кратковременное, преходящее: «Народ поймет, наконец, ту великую истину, что он должен всегда сам спасать себя».

Содержание этой статьи Марата, как будет показано в дальнейшем, было инкриминировано ему как подстрекательство к продовольственным беспорядкам и к произошедшему в связи с ними эксцессам. Здесь же мы отметим, что в своих предложениях о наказании тяжких преступлений спекулянтов Марат в известной мере солидаризировался с Ру, который, кстати сказать, считал, что «бакалейные торговцы только вернули народу то, за что они в течение долгого времени заставляли его слишком дорого платить». В феврале 1793 года Марат считал центральной задачей борьбы со спекуляцией — осуществление строжайших карательных мер, организацию государственного трибунала. Для борьбы с врагами народа. В отношении мер экономического порядка борьбы со спекуляцией он рекомендовал уничтожение системы ассигнаций. По мнению Марата, это прекратило бы рост цен на съестные припасы и привело бы к улучшению материального положения народных масс. По отношению к установлению максимума цен на продовольственные товары Марат первоначально высказываеться отрицательно, разделяя взгляды Робеспьера. Когда в феврале 1793 года в Конвент была представлена петиция сорока восьми секций Парижа об установлении максимума и ограничения свободной торговли продовольствием, Марат отнесся к этому предложению резко отрицательно, обвиняя петиционеров в контрреволюционных намерениях. Однако дальнейшее развитие классовой борьбы воочию показало Марату неправильность его отношения к максимуму и ограничению свободной торговли съестными припасами, и в середине апреля 1793 года он уже поддерживает петицию Парижских секций.

¹⁴ «Journal de la Republique Fran;aise», 25 juillet, 1793, № 133.

Наиболее сильной стороной высказываний Марата о борьбе со спекуляцией является разоблачение им преступных махинаций спекулянтов всех мастей и рангов, раскрытие классовой сущности спекуляции как прямого посягательства на трудящийся и эксплуатируемый народ, выяснение связи, существующей между спекулянтами и другими врагами народа. Обращает на себя внимание также неустанно повторяемое Маратом требование создания государственного трибунала по борьбе со спекулянтами и другими врагами народа, требование проведения самых решительных карательных мер в отношении спекулянтов.

Марат в решении данного вопроса, как и многих других вопросов, переоценивал роль репрессии, роль карательных мер, роль устрашения. Основные экономические меры борьбы со спекуляцией представлялись ему в довольно смутном виде: он говорил о денежной реформе как средстве пресечения спекуляции, о создании из крупных буржуа общества по ввозу и продаже хлеба внутри страны по пониженным ценам и т.д. Мы видели, что Марат не сразу присоединился к такому революционному требованию масс, как ограничение свободной торговли и установление максимума цен на продовольственные товары. Но, отмечая эти слабые стороны высказываний Марата о борьбе со спекуляцией, следует отдать ему должное в формулировании с позиций революционного правосознания понятия спекуляции как тяжкого преступления и спекулянта как заклятого врага трудящегося народа. С тех же позиций революционного правосознания обосновал Марат необходимость и неизбежность применения к спекулянтам суровых мер подавления.

Процесс Людовика XVI явился одной из ярких страниц ожесточенной классовой борьбы в условиях Французской буржуазной революции конца XVIII века. Десэз, защитник Людовика XVI, назвал этот процесс процессом между целой нацией и одним человеком. Десэз заблуждался или, скорее, стремился сам ввести в заблуждение членов Конвента: это был яркий эпизод классовой борьбы, который сплотил в едином лагере якобинцев как выразителей чаяний и интересов пролетарских и полупролетарских слоев французского общества против их вековых врагов — эксплуататоров всех рангов и мастерей. В подготовке и проведении процесса выдающуюся роль сыграли памфлеты и выступления Марата, а также представленная им в Конвент в письменном виде обвинительная речь.

Представляет значительный интерес выяснение взглядов Марата на ответственность монарха за преступления, совершаемые им или от его имени и посягающие на интересы трудящихся. Эти взгляды Марата не оставались неизменными, они подвергались весьма существенному развитию по мере развития и усложнения, а также обострения классовой борьбы.

Еще в «Цепях рабства» и в «Плане уголовного законодательства» Марат развивает взгляды, которые в годы революции приобретают еще более острый и целеустремленный характер Лишай государя религиозно-мистической одежды наместника бога на земле, Марат в «Плане» выдвигает мысль о том, что «государь является слугой закона», что незаконные, несправедливые повеления государя не подлежат исполнению, что сопротивление этим повелениям является неотъемлемым правом каждого человека. Подлинным сувереном нации является сам народ, а государь является лишь слугой народа. Касаясь специально вопроса о цареубийстве, Марат считает его простым, а не квалифицированным видом убийства, и не рассматривает его в качестве государственного преступления. Эти мысли Марат повторяет и развивает и в 1790, и в 1792 годах, всегда ссылаясь на свой «План» как на источник.

В 1789 и 1790 годах Марат, отдавая «дань времени» и в известной мере следуя если не взглядам просветителей, то во всяком случае их манере обращаться к «просвещенным монархам», сохраняет, видимо, некоторые иллюзии относительно личности Людовика XVI. Марат проводит грань между Людовиком XVI как королем Франции и его многочисленными придворными и министрами. Он не скучится в выражениях одобрения личности Людовика XVI, точно так же как не скучится в нелестных эпитетах королевским министрам. Трудно, впрочем, полностью решить вопрос о том, являлись ли обращения к «добродетели», «уму», «сердцу» Людовика XVI искренними в устах Марата или же это была необходимая дань цензуре в сочетании с весьма искусственным приемом политической борьбы: обращаться к мудрости короля с тем, чтобы разоблачать преступления его министров и его агентов.

В 1789 году в «Даре отечеству» и в дополнениях к этому произведению Марат говорит о том, что «честность, правдивость и справедливость избрали своим храмом душу Людовика XVI». Он считает, что Людовик XVI не может претендовать на то, что «только он один имеет право угнетать народы»¹⁵. Марат призывает короля показать на деле, что он желает народу добра, и рекомендует ему обширную программу реформ: уничтожение дворцовой роскоши, уничтожение пенсий, наказание «откупщиков, вымогателей, взяточников и грабителей, расхищающих государственное достояние», и т.д. Марат убеждает Людовика XVI, что «в наш просвещенный век» государи должны располагать справедливыми правительствами, пекущимися о народном благодеянии. Говоря в возвышенных выражениях о Людовике XVI, Марат пишет, что «прекрасная его душа не знает преступлений, он гнушается мерзкими радостями тиранов, он жаждет только славы и знает, что

¹⁵ Марат, Памфлеты, М., 1934, стр.217.

вернейший способ выделиться из толпы монархов — это воцарить в стране справедливость и сделать поданных своих счастливыми» (стр.252). В этом же плане Марат пишет о несовместимости власти монарха с теми злоупотреблениями, преступлениями и пороками, которые свойственны монархическому образу правления. Марат стремится доказать, что прерогативы короны нисколько не умаляются, когда ее носители лишают возможности «запятнать свое царствование взяточничеством, хищничеством, насилием, кровью, убийством и резней, короче говоря — создавая для него счастливую необходимость быть мудрым, справедливым и добрым»(стр.250).

В 1790 году в произведениях Марата еще сохраняется эта своеобразная форма разоблачения преступных махинаций короля, королевской власти, ее многочисленных агентов в сочетании с комплиментами, обращенными к личности Людовика

Так, разоблачая преступные махинации Неккера, Марат обвиняет его в том, что он побудил короля изменить «природной своей доброте».

Но уже в том же 1790 году в произведениях Марата появляются новые ноты в отношении Людовика XVI. Все более усиливая остроту своих разоблачений врагов народа, Марат говорит о том, что «государь только слуга нации»¹⁶, что «покушение на его жизнь не может быть не чем иным, как частным преступлением», что оно «гораздо менее важно, чем покушение на представителя Национального Собрания»¹⁷. Правда, приводя эти мысли, воспроизводящие идеи, сформулированные еще до революции в «Плане уголовного законодательства», Марат все же указывает, что это не значит, что «при нынешней конъюнктуре смерть Людовика XVI не была бы истинным несчастьем для нации, не в том смысле, как это понимают его низкие рабы, а в том, что он как раз такой человек, как нам нужно: без прожектов, без фальши, без коварства, он был бы хорошим государем, если бы он был при этом достаточно тактичен, чтобы иметь мудрых министров. Но, увы, его свирепые министры делают его царствование столь же отвратительным, как правление тиранов» (там же). Это писалось Маратом в августе 1790 года. Но уже в ноябре 1790 года, по мере обострения классовой борьбы, по мере разоблачения козней и прискорбий врагов народа всех мастей ему становится ясным, что «деспотизм, правда, поражен, но деспот еще существует»¹⁸. Разоблачая один за другим заговоры короля и других контрреволюционеров, Марат в декабре того же 1790 года высказывает уже значительно более решительно. Он пишет: «Начните же с того, что обеспечьте за собой короля, наследника и королевское семейство; поставьте их под сильную охрану, и пусть головы караула отвечают за все события»¹⁹. Что же касается королевских министров, генералитета, мэра и членов муниципалитета, то Марат призывает «срубить без колебания их головы» (там же).

Последующие высказывания Марата сводятся к безоговорочному обвинению короля в тягчайших преступлениях против народа, к требованию привлечения его к уголовной ответственности, к наказанию его смертной казнью.

Попытка бегства короля разоблачила многочисленные заговоры, участником которых был Людовик XVI. В конце июня 1791 года Марат в «Друге народа» разоблачает Людовика XVI как изменника, а депутатов Национального Собрания — как его сообщников. Марат перечисляет преступления, организатором или участником которых был король: попытки подкупа законодателя (депутатов Национального Собрания), попытка бегства за границу, организация заговоров против революции, организация и осуществление массовых убийств и резни.

Приветствуя идею о низложении короля, Марат разоблачает контрреволюционную деятельность министров Людовика XVI и членов Национального Собрания: «Не довольствуйся обеспечением безнаказанности всем приспешникам деспота, всем соучастникам его преступлений, всем разбойникам, которые по его приказу подготавливали нашу гибель; не довольствуйся тем, что под предлогом заботы о безопасности границ оно поставило все национальные вооруженные силы под команду генералов армии, причем дало им абсолютную власть, чтобы лишить солдат возможности сопротивляться их варварским приказам, — Собрание еще декретировало, чтобы обезопасить их от возможности быть выданными агентами их заговоров, что «командующие генералы могут при существующих условиях брать себе адъютантов среди всех чинов армии, даже среди национальных гвардейцев»²⁰.

Марат разоблачает махинации Национального Собрания, состоящие в том, чтобы реабилитировать изменника Людовика XVI. Марат постоянно теперь называет Людовика XVI изменником, клятвопреступником и т.д. Он требует низложения его с престола и предания суду за совершенные им злодеяния. Людовик XVI — «вечный враг народа, исконный враг новых законов,

А. А. Герцензон

¹⁶ «L'Ami du peuple», 19 avril, 1790, № 227.

¹⁷ «L'Ami du peuple», 10 avril 1790, № 221.

¹⁸ «L'Ami du peuple», 8 novembre, 1790, № 274.

¹⁹ «L'Ami du peuple», 18 décembre 1790, № 344.

²⁰ «L'Ami du peuple», 2 juillet, 1791, № 511.

душа всех заговоров против отечества и покровитель предателей»²¹, должен быть взят как заложник «до тех пор, пока не будет произнесен окончательный приговор»²², пишет Марат 20 августа 1792 г. В целом ряде статей Марат обосновывает необходимость привлечения Людовика XVI к ответственности и справедливого его наказания. В особенности Марат разоблачает коварные махинации врагов народа, направленные на то, чтобы любыми средствами помешать революционному народу расправиться с королем и его приспешниками.

10 августа 1792 г. Людовик XVI был низложен. 21 сентября 1792 г. Конвент постановил, что королевская власть во Франции уничтожена. В начале октября 1792 года Конвент начал обсуждение вопроса о привлечении Людовика XVI к уголовной ответственности. В борьбе революционных масс за осуждение Людовика XVI значительную роль сыграла деятельность Марата.

Конвент поручил созданным им комиссиям доложить ему о преступности действий короля и о привлечении его к ответственности. Первый докладчик Дюфриш Валазэ на основании собранных Комиссией материалов осветил многочисленные преступления, соучастником, организатором или вдохновителем которых явился король. Второй докладчик — Мэль доложил Конвенту обоснование необходимости привлечения Людовика XVI к уголовной ответственности. Не останавливаясь здесь на подробном изложении этих докладов, отметим лишь, что докладчик Мэль, обосновывая уголовную ответственность Людовика XVI, опирался на Уголовный кодекс 1791 года. Мэль внес предложение о том, чтобы Людовик XVI подлежал суду, чтобы он был судим самим Конвентом, который путем поименного голосования вынесет ему приговор. Однако в Конвенте развернулись ожесточенные прения по вопросу о том, подлежит ли бывший король суду. Оставляя в стороне взгляды целого ряда выступавших ораторов, отметим особую точку зрения Робеспьера, против которой в печати выступил Марат. Робеспьер выступил с утверждением, что Людовика XVI нельзя судить, так как он уже осужден историей. Процесс над ним означал бы одновременно и процесс над революцией, ибо если Людовик виновен, то не виновен народ, и, наоборот, если Людовик не виновен, то виновен народ, совершивший революцию. Отвергая возможность и необходимость проведения процесса над Людовиком XVI, признавая его уже осужденным, Робеспьер считал необходимым его казнить. Робеспьер сказал: «Когда речь идет о короле, сброшенном с трона ураганом революции, которая далеко еще не упрочена справедливыми законами, о короле, одно имя которого навлекает бич войны на восставшую нацию, тогда ни тюрьма, ни изгнание не могут обезвредить его. И это жестокое исключение из обычных законов, которое допускается справедливостью, обусловливается самой природой его преступлений. С прискорбием высказываю роковую истину: пусть лучше погибнет Людовик, чем сто тысяч добродетельных граждан; Людовик должен умереть, потому что родина должна жить». И Робеспьер внес предложение, чтобы Конвент немедленно постановил о казни Людовика как изменника французской нации и преступника перед человечеством. Однако Конвент не согласился с этим предложением. А Марат спустя несколько дней выступил в печати с резкой критикой самой концепции Робеспьера. Марат писал 13 декабря 1792 г.: «С болью вижу я, как лучшие патриоты среди членов Конвента бросаются, очертя голову, в расставленную им ловушку. Как они не понимают, что их хотят толкнуть на ложный путь, подстрекая к поспешному осуждению Людовика Капета. Я призываю их к размышлению. Они должны решить участь бывшего монарха в полнейшем спокойствии и благородстве, не столько для поддержания своего собственного достоинства, сколько для того, чтобы лишить повода его сообщников возводить на них ложное обвинение, что они закололи его мечом закона». Марат понимал, что соблюдение юридических гарантий личности, точное соблюдение норм революционного права имеет огромное политическое значение, в особенности в таком процессе, как процесс о тягчайших преступлениях низложенного короля. Хотя точка зрения Робеспьера и казалась на первый взгляд наиболее революционной, — на деле оказалось, что Марат подошел к решению этого вопроса политически значительно правильнее.

10 декабря 1792 г. Конвент заслушал обвинительный акт, представленный от имени Комиссии Линдэ. В заключительной части обвинительного акта, после детального изложения преступлений, совершенных Людовиком XVI, указывалось: «Людовик виновен во всех вышеупомянутых посягательствах, которые он задумал с самого начала и не раз пытался приводить в исполнение. Все его шаги, все его действия постоянно клонились к одной и той же цели: к восстановлению абсолютной власти и устранению всяких препятствий на этом пути. Более твердый и непреклонный в своих намерениях, чем все его советники, он никогда не подпадал под влияние министров; бывший король не может сваливать на них ответственность за свои преступления, ибо в действительности он постоянно руководил ими и увольнял их по своему произволу. Европейская коалиция, война с иностранными державами, вспышки гражданской войны, опустошение колоний, беспорядки внутри страны, которые возбуждались, поддерживались и разжигались по его приказанию, вот те средства, при помощи которых Людовик должен был восстановить свой трон или

²¹ «L'Ami du peuple», 7 août, 1792, № 677.

²² Марат, Памфлеты, М, 1934, стр.638.

похоронить себя под его развалинами».

Для депутатов Конвента, даже для представителей партии жирондистов, была совершенно очевидна виновность Людовика XVI. Однако известная часть жирондистов, тайно находившаяся в сношениях с королевской семьей и с различными его приближенными лицами, всячески стремилась оттянуть вынесение приговора. С этой целью они внесли предложение о всенародном обсуждении участи короля. Выступления Робеспьера и других якобинцев убедили Конвент в необходимости немедленного вынесения приговора и немедленного приведения его в исполнение. Конвент произвел поименное голосование по трем вопросам: 1. Виновен ли Людовик XVI в предъявленном ему обвинении? 2. Будет ли Конвент свой приговор выносить на всенародное утверждение? 3. Какая мера наказания должна быть применена к виновному?

15 января 1793 г. Конвент решил первые два вопроса. По первому вопросу ответ был почти единогласным: Людовик XVI был признан виновным в предъявленном ему обвинении. По второму вопросу значительным большинством голосов была отвергнута необходимость всенародного утверждения приговора.

Относительно меры наказания большинство депутатов (361) высказались за смертную казнь; 334 депутата голосовали за применение других мер наказания — изгнание, или тюремное заключение, или работы на галерах. Голосуя за осуждение к смертной казни, Робеспьер сказал: «Я неумолим по отношению к угнетателям, так как чувствую сострадание к угнетенным; мне чужда гуманность, которая свирепствует над народами и прощает деспотам. То же самое чувство, которое в Учредительном собрании побуждало меня требовать, хотя и безуспешно, отмены смертной казни, заставляет меня теперь требовать ее применения к тирану моей родины и к самой королевской власти в его лице». Голосуя за осуждение Людовика к смертной казни, Марат в нескольких словах обосновал необходимость этой меры: «Глубоко убежденный, что Людовик является главным виновником преступлений, вызвавших кровопролитие 10 августа, и всех зверских избиений, осквернивших почву Франции с начала революции, я вотирую за, казнь тирана в 24 часа». Впрочем, Марат мог и не произносить этих слов, так как его взгляды на процесс Людовика XVI уже раньше были высказаны им в печати. 3 декабря 1792 г. он вручил Конвенту свою речь в письменном виде, а на другой день (4 декабря) опубликовал ее в своем «Журнале Французской Революции». В этом же журнале 10 января 1793 г. Марат опубликовал статью, в которой высказал свое резко отрицательное отношение к попытке жирондистов перенести вопрос о наказании Людовика XVI на всенародное обсуждение. Кроме того, Марат издал отдельную брошюру, в которой подробно освещает процесс Людовика XVI и в заключение требует применения смертной казни.

Остановимся на речи Марата, которую он представил Конвенту в письменном виде 3 декабря 1792 г. и которая, как указывает Марат в вышедшей несколько позже брошюре, была скрыта от депутатов одним из вождей жирондистов — Роланом

В своей речи Марат прежде всего отмечает, что преступления Людовика Капета реальны, установлены, общеизвестны.

Имеет ли нация право судить и наказывать своего высшего чиновника? Так ставит вопрос Марат и следующим образом обосновывает положительный ответ: «Сомневаться в том, имеет ли нация право судить и наказать смертью своего высшего чиновника, если он прикрылся маской лицемерия, чтобы успешнее интриговать против нее, если он воспользовался для угнетения своих соотечественников властью, которая была дана ему для их охраны, если он сделал законы орудием злобы, направленным против революции, если он употребил деньги, взятые с граждан, на жалованье их же врагам, если он лишил их средств к существованию, чтобы содержать варварские орды, призванные для их избиения, если он организовал шайки кулаков и скупщиков, чтобы истребить население голодом и нищетой, если он стал во главе изменников и заговорщиков, если он обратил против нации оружие, врученное ему для ее защиты, если он замышлял перебить борцов за свободу, чтобы снова заковать народ в старые цепи, — сомневаться в этом при таких условиях — значит оскорблять разум, идти вразрез с природой и справедливостью. Всякое сомнение насчет того, можно ли судить и пре дать смертной казни деспота, запятнанного всевозможными преступлениями, чудовище, обагренное кровью друзей отечества, — подобное сомнение было бы насмешкой над человечеством и забвением всякого стыда».

Марат разоблачает «длинный ряд постыдных несправедливых, репрессивных, тиранических декретов», «уродливую Конституцию», на основании которых враги народа хотели и хотят обосновать неприкосновенность бывшего короля. Марат указывает, что даже эти законы не могли предоставить бывшему королю привилегию безнаказанного совершения тягчайших преступлений, которые он фактически совершил: расхищать общественное достояние, подкупать должностных лиц и законодателей, содержать орды шпионов, убийц и разбойников, передавать врагам продовольствие, оружие, золото, которые были предназначены для защитников отечества, и т.д.

Разбивая аргументы защитников короля, основанные на нормах конституции, Марат блестяще доказывает, что, даже с точки зрения этих норм, преступления бывшего короля подлежат самой суровой каре. Марат приводит нормы о том, что король подчинен закону, что

одинаковые преступления караются одними и теми же наказаниями, без всяких индивидуальных различий, и т.д.

Опровергая аргументацию защитников короля, Марат в своей речи ставит последний вопрос — о наказании Людовика XVI. Марат говорит: «Одна уже забота об общественном благе должна заставить вас отвергнуть всякое другое наказание, кроме смертной казни, ибо пока бывший король сможет надеяться на какое-либо непредвиденное событие, которое вернет ему свободу, он будет служить связующим звеном для врагов отечества и центром всех заговоров». Из речи Марата видно, как отчетливо представлял он себе связи бывшего короля со всеми контрреволюционными организациями и заговорами, видя единую по своему содержанию антинародную, эксплуататорскую, террористическую линию деятельности всех врагов трудящегося народа. «Людовик Капет не один замышлял гибель отечества; будучи предан суду, он укажет своих сообщников, своих министров, своих агентов, неверных представителей народа, администраторов, судей и генералов, вместе с ним строивших козни против нации. Поэтому его процесс есть вернейшее средство избавить нацию от ее опаснейших врагов, навести страх на изменников, искоренить заговоры и обеспечить, наконец, мир, свободу и процветание страны; иначе все наши стремления восстановить спокойствие и подготовить царство законов останутся тщетными».

Говоря об организации самого процесса, Марат требует строжайшего соблюдения законов, законности. Бывшего короля «надо судить торжественно, по всей строгости законов»; «тиран должен быть судим Конвентом», ибо простому трибуналу нельзя поручить столь важное дело; Людовик XVI должен быть приговорен к смертной казни.

Рассмотрим содержание изданной во время процесса над Людовиком XVI брошюры Марата «Речь Марата о защите Людовика XVI, о поведении Конвента и о тревожном пути, по которому роялистская партия силится заставить его следовать в приговоре низложенного тирана». При рассмотрении этой брошюры неизбежны некоторые повторения, так как в этой брошюре более подробно развиваются мысли, изложенные Маратом в речи, представленной им Конвенту 3 декабря 1792 г.

Марат вскрывает классовую политическую подоплеку различных предложений по поводу проведения процесса, которые вносились отдельными депутатами Конвента. Марат считает необходимым «разорвать покров и возвестить верным представителям народа об ужасном заговоре, который вскоре зажжет среди нас факелы гражданской войны, если истинные друзья отечества не поспешат забить тревогу, если они не сочтут своим священным долгом сорвать маску с зачинщиков и запечатлеть на их лбу клеймо позора»²³.

Марат клеймит заговорщиков «порочными людьми», «презренными интриганами», «коварными мятежниками», «низкими злодеями», «свирипыми лицемерами», «предателями». И надо сказать, что все эти эпитеты не в бровь, а в глаз разят тех жирондистов, которые любыми средствами стремились выгородить экс-короля, смягчить его участь, оттянуть вынесение приговора. На процессе Людовика XVI и после процесса выявились позорные, предательские связи Лафайета, Мирабо, Верньо и других с королем и его окружением. Тем самым лишний раз подтвердились политическая острота и политическое чутье Марата, разгадавшего преступные махинации и изменнические действия неразоблаченных еще врагов народа.

Марат затем обращается к критике доводов защиты Людовика XVI. Защита исходила из предпосылки, что никто не может быть судим иначе, как по законам, которые действовали при совершении преступления, вследствие чего Людовик XVI не может быть привлечен к ответственности за те действия, которые он совершал, будучи королем; его низложение, по мнению защиты, исчерпало вопрос об его ответственности. Марат доказывает всю лживость и вздорность подобного утверждения защиты: даже становясь на позиции конституции, никак нельзя признать, что конституция предоставляет королю «право» расточать общественное достояние, подкупать депутатов, содержать шпионов и убийц, совершать акты коварной измены и т.д.

Разбивая один за другим доводы защиты, Марат приходит к выводу, что «если преступления тирана несомненны и очевидны, то доводы его защиты смешны и ничтожны». Далее Марат разоблачает маневры роялистов и жирондистов, направленные к тому, чтобы любой ценой спасти Людовика XVI. Жирондисты, указывает Марат, вынуждены были признать Людовика виновным в государственной измене, но постарались «обосновать» отсутствие у Конвента права судить виновника этого преступления. Марат разоблачает подлинные намерения этих людей. Он называет их наглыми лицемерами, которые «поставляют по заказу каждый день новый принцип, приспособляемый ими к обстоятельствам, к времени, к месту и к людям». Марат разоблачает лживость уверений жирондистов в их приверженности к законам и законности, лживость их утверждений о любви к человечеству, к справедливости. Он раскрывает истинную цену этих слов: они испытывают нежное чувство к ужасному тирану и не думают о страданиях народа. Эти люди никогда не пролили слез при виде страданий народа, никогда не сделали ни одного шага помочь ему. Почему все эти враги народа так защищают Людовика XVI? «Дело заключается в том, что они

²³ Марат, Памфлеты, М., 1934, стр.687.

связаны с его судьбой тайными узами, которые они пытаются прикрыть гуманностью и справедливостью».

Марат подвергает последовательной и беспощадной критике доводы сторонников передачи дела Людовика XVI на всенародное обсуждение. С железной последовательностью он раскрывает контрреволюционный характер этих предложений, лживость фраз о народном суверенитете, которые расточали жирондисты. «От народа, перед которым они теперь так торжественно опускают секиры, принижая функции законодателя, они отрекались каждый раз, когда дело шло о его угнетении, о его обездолении, о его порабощении», говорит Марат и напоминает, что у народа не спросили, когда его втянули «в губительную войну, стоившую отечеству два миллиарда денег и триста тысяч лучших граждан» (стр.714). Марат рассматривает предложение об обращении к народу как коварную ловушку, имеющую целью обеспечить безнаказанность тирана, я также разжечь в стране граждансскую войну, имеющую целью восстановление тирании. Марат в заключение призывает депутатов Конвента «к преданному, мужественному и стойкому выполнению порученных вам важных обязанностей; они заключаются в освобождении народа от тирана, которое совершился лишь тогда, когда он будет обращен в прах; в лишении врагов свободы возможности объединяться, чего вы достигнете при помощи ужаса, которым это зрелище наполнит души заговорщиков; в восстановлении порядка и мира, в укреплении общественной свободы кровью деспота» (стр.720).

Из приведенных материалов видно, что в процессе Людовика XVI роль Марата определялась его значением и местом в общественно-политической жизни Франции перед началом якобинской диктатуры. Будучи идеологом самых низших слоев французского общества — пролетариата и полупролетарских масс, — Марат очень ярко отразил в своем отношении к процессу интересы трудящегося и эксплуатируемого народа, которые в этом вопросе, как и во многих других вопросах, уже существеннейшим образом отличались от интересов буржуазии. Марат глубоко уяснил, что процесс Людовика XVI — это один из ярких эпизодов классовой борьбы между эксплуататорами и эксплуатируемыми, что преступления Людовика XVI неразрывно связаны с преступлениями всех эксплуататорских классов. Острота революционной бдительности Марата нашла свое яркое выражение в разоблачении весьма искусных маневров скрытых и явных сторонников Людовика XVI, вокруг которого пытались сплотиться все те, кто по-звериному ненавидел революционные массы трудящегося и эксплуатируемого народа Необходимо, наконец, отметить, что высказывания Марата по поводу процесса Людовика XVI характеризуют дальнейший рост его революционной теории уголовного права, основы которой он создавал еще в дореволюционные годы. Между «Цепями рабства», «Планом уголовного законодательства» и «Речами Марата» на процессе нельзя не усмотреть преемственности и последовательного развития.

Классовая ненависть единого фронта дворянства, духовенства и крупной буржуазии к Марату, как Другу народа, как защитнику интересов городской и деревенской бедноты, проявилась в неоднократных попытках судебной и внесудебной расправы с ним. Эти попытки учащаются и усиливаются по мере обострения классовой борьбы и завершаются злодейским террористическим актом контрреволюционеров, нанесших руками Шарлотты Корде смертельную рану Марату в то время, когда он был тяжко болен.

Марат мужественно, стойко боролся со всеми попытками преследования его контрреволюционерами, используя эти преследования для разоблачения контрреволюции. Поэтому представляет большой интерес рассмотрение основных этапов борьбы Марата с его преследователями.

Первая попытка преследования Марата относится к концу 1789 — началу 1790 годов.

Политически острые и очень резкие разоблачения Марата, направленные против видных политических деятелей Совета Коммуны Парижа, вызвали у них ненависть к Марату. Воспользовавшись народными волнениями в октябре 1789 года, приведшими к возвращению Людовика XVI в Париже, и призывами Марата к революционным выступлениям масс, Совет Коммуны издает приказ об аресте Марата и о закрытии его газеты. Марат вынужден был перейти на нелегальное положение. Его обращение к Национальному Собранию с требованием прекратить незаконные преследования остается без внимания. Однако первая попытка преследования Марата осталась незавершенной. Марат с удвоенной энергией развернул свои разоблачения преступных происков врагов революции. Он вскрывает преступления министров и крупных чиновников, с особой силой обрушивается против королевского суда — парижского Шатлэ и против Национального Собрания как антинародного собрания

Контрреволюция объединяет свои силы для борьбы против Марата. В начале января полиция делает попытку арестовать Марата, но ему удается скрыться. Национальное Собрание признает его поджигателем. Дело о Марате переходит в суд Шатлэ 22 января 1790 г. Лафайет по приказу Балли направляет войска в район Кордельеров для того, чтобы оцепить весь район и захватить Марата. Марат вновь успевает скрыться, и власти захватывают лишь часть его переписки. Но в защиту Марата выступает народ, который препятствует войскам и полиции продолжать розыски

Марата. Действия народных масс в защиту Марата оказываются настолько активными и внушительными, что Национальное Собрание оказывается вынужденным издать особый декрет о сопротивлении личному задержанию Марата. Марат вновь переходит на нелегальное положение, а затем временно уезжает в Англию, где находится около трех месяцев. В Англии Марат пишет брошюру под названием: «Призыв к нации Ж.-П.Марата, Друга Народа, гражданина из дистрикта Кордельеров и автора нескольких патриотических сочинений, направленных против министра финансов, против муниципалитета и против парижского суда Шатлэ, с изложением кратких доводов за отрешение этого управителя государственной казны от должности, за очищение этой корпорации и за упразднение этого судилища, каковые лица и учреждения являются ярыми приверженцами деспотизма»²⁴. В этой брошюре Марат подводит итоги своей политической деятельности в начале революции, обобщает свои разоблачения антинародной деятельности всевозможных врагов народа, описывает меры судебного и внесудебного его преследования и дает политическую оценку этого преследования.

Марат указывает, что с самого начала революции он убедился в необходимости иметь самый бдительный надзор за Генеральными штатами, а затем и за Национальным Собранием, так как в них проникло множество врагов революции. Поэтому Марат посвятил свою политическую деятельность разоблачению «тревожных декретов и притеснительных постановлений», разоблачению гнусных козней «против отечества задолго до того, как могли проявиться их последствия». Марат говорит об обвинении его в том, что он не соблюдает никакой меры в своих выступлениях. «Но мог ли я, раздраженный жалобами на должностных лиц, которые посыпались мне отовсюду, утомленный толпой притесняемых, искаших у меня защиты, возмущенный постоянными злоупотреблениями властей, все новыми и новыми покушениями приверженцев деспотизма, — мог ли я не вознегодовать на виновников стольких злодеяний и не излить перед ними отвращение, которое наполняло мою душу?» (стр.345). Марат сравнивает себя с солдатом, служащим отечеству. «Если мое рвение на благо народа и заводило меня порою слишком далеко, то можно ли вменять мне в вину, что я видел только опасности, грозящие народу, и пожертвовал собою ради него» (стр.346).

В «Призыва к нации» Марат развивает мысль, ранее сформулированную им в «Плане уголовного законодательства», относительно права каждого гражданина выступать против любых должностных лиц, «если поведение их незаконно, двусмысленно или подозрительно» (стр.348). Каждый гражданин имеет право «всенародно клеймить их, разоблачать их злоупотребления, происки и замыслы; он должен 'быть ответственен только перед общественным трибуналом, чью признательность он заслуживает, если его разоблачение продиктовано желанием оказать услугу отечеству, и чей гнев обрушивается на него, если разоблачение это подсказано злостным умыслом» (там же). Должностные лица, которые оказываются виновными в возводимых на них преступлениях, должны быть судимы государственным трибуналом. Но этот принцип, указывает Марат, не действует во Франции, и представители власти, используя силу и законы, ведут беспощадную войну со своими разоблачителями. Таковы, в частности, королевский прокурор и судьи Шатлэ. Марат называет их гнусными приверженцами тирании, низкими рабами наживы, чудовищами, недостойными лицезреть свет. «Таковы люди, о французы, купившие за деньги право быть судьями в своих же делах, право обвинять, арестовывать и притеснять вас и располагать по своему произволу вашей свободой, покоем и жизнью. Таковы верховные судьи этого средневекового трибунала, которым Национальное Собрание поручило рассматривать дела о преступлениях против нации, мстить за народ и карать его притеснителей; таковы люди, в руках которых находится ваша судьба. Посмотрите, как они силятся оправдывать врагов отечества и обвинять его защитников. Осты! Сердце мое разрывается от скорби, все мое существо сокрушается, и жизнь моя готова изойти кровавыми слезами» (стр.350). Марат подробно излагает совместные действия против него со стороны войск, полиции, прокуратуры и суда и разоблачает подлинный смысл этих действий, направленных против народа, его интересов, против свободы слова, против права народа и его представителей разоблачать преступления носителей власти независимо от занимаемой ими должности. Разоблачая классовый смысл первых попыток преследования его врагами народа, Марат призывает народ ликвидировать старое судилище и создать новые, революционные суды. Марат призывает народ усилить бдительность и неустанно разоблачать врагов народа: «мало удовольствоваться разоблачением вероломных депутатов, злодеев и лихоимцев; это ни к чему не приведет, если нация не позаботится о столь же срочных и верных мерах к их обузданию и наказанию. Орудие кары может быть вручено лишь испытанным патриотам, которые и являются блюстителями мудрыми, твердыми и неподкупными. Они одни должны составить государственный трибунал, суду которого общественные цензоры будут предавать должностных лиц, злоупотребивших своею властью» (стр.365—366).

Так в ответ на попытки уголовного преследования Марат ответил своим врагам острым обвинительным актом.

²⁴ Марат, Памфлеты, М., 1934, стр.340—373.

обвинительным актом.

Великий русский мыслитель-революционер А.Н.Радищев пристально следил за перипетиями классовой борьбы во Франции, особенно ярко проявившейся в эпизоде с привлечением Марата к уголовной ответственности за его разоблачения врагов революции. Начав печатать свое «Путешествие из Петербурга в Москву» в январе 1790 года, Радищев в корректуре вставил в главу «Краткое повествование о происхождении цензуры» следующие слова: «Но дивись несообразности разума человеческого. Ныне, когда во Франции все твердят о вольности, когда необузданность и безнечалие дошли до края возможного, цензура во Франции не уничтожена. И хотя все там печатается ныне невозбранно, но тайным образом. Мы недавно читали, — да восплачут французы о участии своей и с ними человечество — мы читали недавно, что народное собрание, толико же поступая самодержавно, как доселе их государь, насильственно взяли печатную книгу и сочинителя оной отдали под суд за то, что дерзнул писать против народного собрания. Лафает был исполнителем сего приговора. О, Франция, ты еще хождаешь близ Бастильских пропастей»²⁵. Этим сочинителем был Марат, которому Радищев протягивал свою братскую руку.

Новая попытка преследования Марата была связана с тем, что 26 июля 1790 г. Марат опубликовал памфлет под названием «Мы погибли», который был расклеен в Париже. В этом памфлете Марат разоблачал новые покушения на революцию со стороны ее врагов и призывал народ к решительным действиям. Он потребовал, чтобы народ взялся за оружие, арестовал короля и его семью, а также капиталистов, руководителей муниципалитета, военное командование. Он призывал народ, чтобы он не уступал «ложной гуманности» и казнил наиболее отъявленных своих врагов: «снесите пятьсот-шестьсот голов, и вы обеспечите себе покой, свободу и счастье».

31 июля 1790 г. депутат Малуэ внес в Национальное Собрание предложение привлечь Марата к ответственности за «оскорбление нации». По его предложению Национальное Собрание приняло декрет «О сочинениях, возбуждающих народ к восстанию». Содержание этого декрета было следующее: «Национальное Собрание, по выслушании доноса, сделанного одним из его членов, о листке, озаглавленном «Мы пропали», и о последнем номере «Революций Франции и Брабанта», декретировало и декретирует, чтобы в настоящем же заседании был призван королевский прокурор при суде Шатлэ и чтобы ему дан был приказ преследовать, как виновных в оскорблении нации, авторов, типографщиков и разносчиков означенных сочинений, возбуждающих народ к восстанию против законов, к пролитию крови и к ниспровержению конституции».

В связи с этим декретом Национального Собрания, который создавал «юридическую базу» для уголовного преследования Марата, он публикует в августе 1790 года статью под названием «Разоблачение Малуэ». В этой статье Марат разоблачает истинные намерения Национального Собрания и рассматривает указанный декрет как способ Собрания расправиться со своими политическими врагами. Затем Марат подвергает критике самое содержание этого декрета. Он указывает на смехотворность обвинения разносчиков газет и типографщиков в оскорблении нации. Он подробно критикует проводимый в декрете взгляд на свободу слова как на оскорблении нации. Здесь Марат глубоко развивает мысли, первоначально сформулированные им еще в «Плане уголовного законодательства».

Свобода слова встречает врагов лишь среди тех, кто хочет сохранить свободу делать все, что им вздумается. Свобода слова является необходимым условием политики свободного народа. Так называемые опасные мнения или зажигательные мнения — «туманные и незначащие слова», которые были придуманы деспотами для того, чтобы бороться со свободой слова. «Таким образом, — заключает Марат, — речи и писания, самые недостойные, самые запальчивые, самые резкие, самые свирепые, самые скандальные, никогда не могут быть преступным оскорблением нации; для того, чтобы совершить такое преступление, надо действовать против нации; надо стараться уничтожить ее суверенитет, нарушить ее интересы, посягнуть на ее свободу или повергнуть опасности ее благополучие. Отсюда заключаем, что виновные в оскорблении нации никогда не могут оказаться среди патриотических писателей, которые так часто являются пугалом для такого рода преступников; их можно найти при дворе, в кабинете министров, в Национальном Собрании, где они проявляют себя нагло и безнаказанно. Если нужны примеры, я укажу на большинство Капетов, всех министров, все проклятое отродье черных и полученных, особенно на комиссию по выработке конституции, на комиссию финансовую, всех членов Шатлэ, всю муниципальную администрацию, весь штаб парижской милиции»²⁶. И далее Марат называет фамилии конкретных виновников этих преступлений, среди них — Бальи, Лафайет, Мирабо, Малуэ — «наибольший негодяй из всех».

²⁵ А.Н.Радищев, Избранные философские сочинения, М., 1949, стр.156 и прим. на стр.526.

²⁶ Марат, Памфлеты, М, 1934, стр.418—419.

Свое отношение к декрету Национального Собрания о привлечении его к ответственности Марат выявил и в своих письмах к Камиллу Демулену, написанных вскоре после принятия указанного декрета. Он говорит о том, что этот декрет — дело рук людей, «составивших заговор против свободы, людей, погрязших в пороках и продавшихся беззаконию, людей, для которых злоумышление против отечества стало обычной игрой, а резня самых ревностных защитников отечества — обязанностью»²⁷. Марат разоблачает чудовищную несправедливость Национального Собрания, которое, не выяснив, являются ли инкриминируемые ему поступки преступными, передает его дело тому суду, преступные махинации которого разоблачал сам Марат. В заключение Марат говорит о том, что он презирает и тех, кто издал декрет, и тех, кто должен привести этот декрет в исполнение. Он не тревожится за последствия этого декрета, так как доверяет здравому смыслу народа. «Я не поколебался бы отдать себя в руки суда, если бы я мог признать его за государственный суд, если бы я имел гарантию, что меня не посадят в тюрьму и будут допрашивать при свете дня»²⁸. Таким образом, Марат отрицательно решил вопрос о своей явке на суд, который он справедливо рассматривал как орудие классовой мести. И он вновь уходит в подполье, продолжая свою кипучую революционную деятельность. Контрреволюционные власти не прекращают слежки за Марата и делают неоднократные попытки арестовать его и пресечь его политическую деятельность. В связи с этим Марат вновь уезжает в Англию, где находится с декабря 1791 года по апрель 1792 года.

Вскоре после возвращения Марата из Англии, в мае 1792 года Законодательное Собрание предъявляет ему новое обвинение, издает приказ об его аресте и о закрытии его газеты «Друг народа». Поводом для привлечения Марата к ответственности послужила его статья-листовка, посвященная разоблачению изменнических действий некоторых генералов и призыву к солдатам уничтожить этих изменников. Отказавшись явиться на суд, который был бы лишь политической расправой врагов народа над ним, Марат вновь скрывается в подполье, продолжая издавать свою газету.

Марат политически верно оценивал значение своей газеты и причины столь острой ненависти к нему со стороны врагов революции. Он писал: «влияние моей газеты на революцию зависело вовсе не от тех сжатых рассуждений..., в которых я методически раскрывал гибельные недостатки декретов, изготавливавшихся комиссиями Учредительного собрания, а от ужасного скандала, который она производила в публике, когда я беспощадно разрывал покров, прикрывавший вечные заговоры, умышлявшиеся против общественной свободы врагами отечества в сообществе с монархом, законодателем и главными носителями власти. Влияние газета имела еще и потому, что я смело топтал ногами всякие вредные предрассудки, изливал мою душу, давал простор порывам сердца, резко восставал против гнета, делал порывистые выпады против угнетателей, кричал от боли, от негодования, ярости и отчаяния против негодяев, злоупотреблявших доверием и силой народа, чтобы обмануть его, ограбить, заковать в кандалы и бросить в пропасть. Знайте, что всякий раз, когда из Собрания исходил покушавшийся на свободу декрет, и всякий раз, когда общественное должностное лицо позволяло себе сделать покушение на слабых и обездоленных, я спешил поднять народ против этих недостойных законодателей. Тревожные и яростные вопли, которые вы считаете словами, брошенными на ветер, были самым искренним выражением того, что накипело у меня на сердце; знайте, что если бы я мог рассчитывать на столичный народ после ужасающего декрета против нансийского гарнизона, я искрошил бы варваров-депутатов, которые издали этот декрет. Знайте, что после произведенного судом Шатлэ следствия о событиях 5 и 6 октября я велел бы скечь на костре неправедных судей этого подлого суда. Знайте, что если бы после бойни на Марсовом поле я нашел бы две тысячи человек, одушевленных теми же чувствами, которые разрывали мою грудь, я пошел бы во главе их с кинжалом, чтобы заколоть генерала посреди его батальонов-разбойников, чтобы скечь деспота в его дворце и наделать чучел из наших жестоких представителей, как я заявлял им в свое время».

Из этой выдержки видно, что преследования Марата не сломили его воли к борьбе, но еще более воодушевили его на дальнейшие разоблачения коварных преступлений врагов народа.

Новая серьезная попытка преследования Марата была произведена Конвентом в сентябре 1792 года, когда Марат был избран депутатом Конвента от Парижа. В это время жирондисты сделали попытку расправиться с Маратом и тем самым дискредитировать революционную часть Конвента. Поводом для обвинения Марата послужили сентябрьские волнения 1792 года, к которым якобы подстрекал Марат, его призыв к установлению диктатуры и его новые разоблачения врагов народа, которые жирондисты пытались представить в качестве клеветнических. 25 сентября 1792 г. в заседании Конвента ряд жирондистов выдвинул указанные обвинения против Марата, приводя различные выдержки из статей Марата. Заседание Конвента происходило в исключительно напряженной обстановке, выступления ораторов-жирондистов поддерживались криками их сторонников, требовавших отправить Марата на гильотину.

²⁷ Марат, Письма, П.—М., 1923, стр.101.

²⁸ Марат, Письма, П.—М., 1923, стр.103.

Неожиданно выступил сам Марат, который опроверг клеветнические обвинения, разоблачил маневр жирондистов и вскрыл намерения жирондистов во что бы то ни стало расправиться с ним.

Выхватив пистолет и приставив его к своей голове, Марат воскликнул, что если обвинительный декрет будет принят Конвентом, то он «умрет у подножия трибуны». «Я не могу изменить своих убеждений, ибо они вытекают из самой сущности вещей», сказал Марат. Речь Марата была покрыта рукоплесканиями его сторонников. Конвент не решился принять обвинительный декрет против Марата. Таким образом, и эта попытка обвинения Марата, предпринятая его врагами, также не увенчалась успехом. Марат ушел с заседания Конвента, завоевав еще большую популярность у народа.

Новое обвинение Марата состоялось в Конвенте в феврале 1793 года. В конце февраля в Париже, как уже отмечалось выше, происходили волнения и беспорядки на почве недостатка продовольствия. Как показала история, эти беспорядки в значительной мере были спровоцированы врагами народа. Однако жирондистская часть Конвента решила использовать опубликованную в день начала беспорядков статью Марата, в которой он, в частности, указывал, что «разграбление нескольких магазинов и повешение у их дверей перекупщиков должны скоро положить конец этим злоупотреблениям, повергающим в отчаяние пять миллионов человек и обрекающим тысячи людей голодной смерти»²⁹. На другой день в Конвенте была зачитана статья Марата. Только что приведенная выдержка из этой статьи вызвала у жирондистской части депутатов бурю негодования, требование немедленно привлечь его к сюровой ответственности или поступить с ним, как с сумасшедшим. Марат выступил с объяснениями и очень резкими замечаниями по адресу выступавших ораторов. Конвент не принял декрета об обвинении Марата, и дело о нем было направлено в обычновенный суд.

1 марта 1793 г. Марат в своем «Журнале Французской Республики» выступил со статьей, посвященной памятному заседанию Конвента 26 февраля 1793 г. В этой статье Марат отмечает, что враги революции использовали один отрывок из его статьи с чисто провокационной целью — «с тем, чтобы спровоцировать разграбление нескольких бакалейных лавок и затем вероломно взвалить на меня вину за беспорядки, которые были подготовлены жадностью спекулянтов и тайными интригами эмиссаров преступной фракции, действовавших в стачке с эмигрантами и прочими контрреволюционерами». Марат говорит о том, что он глубоко убежден в бесплодности попытки привлечь его к ответственности, ибо «декрет этот бесчестен только тем, что его приняли под наимом преступников, продиктовавших его»³⁰.

Новую попытку врагов народа расправиться с ним Марат «использует для новых разоблачений преступных махинаций врагов революции. Он говорит о покушении врагов народа на свободу слова и печати, о глубокой нищете и угнетении народа, о контрреволюционном терроре против истинных друзей народа и т.д.

В апреле 1793 года Конвент вновь занимается рассмотрением обвинения Марата, принимает решение о предании его суду. 22 апреля Марат был арестован, а 24 апреля состоялся над ним суд. Это был в высшей степени острый эпизод классовой борьбы, и на нем следует остановиться подробнее.

Поводом для нового обвинения Марата явилось подписанное им возвзание к народу, с призывом к восстанию: «Вооружимся, республиканцы. Восстанем! Да, восстанем все! Арестуем всех врагов нашей революции и всех подозрительных! Истребим без жалости всех заговорщиков, если мы не желаем, чтобы они истребили нас!» При чтении выдержек из этого возвзания клуба якобинцев, которое было подписано Маратом, как председателем, жирондистская часть Конвента многочисленными возгласами потребовала предания Марата суду. С большим трудом Марату удалось дать свои объяснения, которые, как всегда, он превратил в разоблачение своих врагов. Он указал, что жирондисты стремятся расправиться с ним и используют для этого возвзание клуба якобинцев как предлог.

Заседание Конвента 12 апреля 1793 г. закончилось принятием декрета о предварительном аресте Марата, с тем, чтобы на другой день Конвенту было представлено обвинительное заключение против Марата. Выслушав решение Конвента, Марат заявил, что он не согласен быть подвергнутым предварительному аресту, и, сопровождаемый огромной массой своих сторонников, беспрепятственно вышел из зала заседания Конвента и скрылся в подполье. Однако в тот же вечер он выступал в клубе якобинцев при огромном стечении народа. К очередному заседанию Конвента Марат представил свое заявление, написанное в очень резком тоне. Он заявил, что не даст себя арестовать, так как все его «дело» является плодом заговора врагов революции. «Прежде, чем принадлежать составу Конвента, я принадлежу отечеству. Я должен служить народу, оком которого состою». Поименное голосование проекта декрета дало следующие результаты: за привлечение Марата к ответственности голосовало 220 депутатов, против — 92, за отсрочку принятия декрета — 7 и, кроме того, было заявлено отводов — 48. Таким образом,

²⁹ «Journal de la Republique Francaise», 25 fevrier, 1793, № 133.

³⁰ «Journal de la Republique Francaise», 1 mars 1793, № 137. стр.609.

декрет о предании Марата суду был принят большинством 220 голосов из общего числа 367 голосов. Принятие Конвентом этого декрета вызвало многочисленные петиции и протесты сторонников Марата. Однако через два дня обвинительное заключение по делу Марата было направлено министру юстиции, а затем прокурору, который вручил его Марату 23 апреля. Промежуток времени между 12 и 23 апреля Марат использовал, находясь в подполье, для разоблачения истинных целей подготовлявшегося против него процесса.

В отличие от своей политики неявки на суд, которой Марат придерживался раньше, теперь он решает явиться на суд. Явившись добровольно под арест, Марат предварительно опубликовал обращение к народу, в котором писал: «Народ! Завтра твой неподкупный защитник предстанет перед Революционным трибуналом. Он всегда желал только твоего счастья. Его невиновность должна восторжествовать. Его враги должны быть посрамлены. Он должен выйти из этой борьбы еще более достойным тебя». Воззвание Марата объединило огромные массы парижской бедноты, которая к открытию заседания трибунала окружила здание. Следует отметить, что председателем трибунала и государственным обвинителем были назначены монтаньяры, и это, конечно, предопределяло ход процесса.

Обвинительное заключение содержало следующие пункты обвинения: 1. Марат виновен в призывах к грабежу и убийству. 2. Марат виновен в призывах к умалению суверенитета народа и 3. Марат виновен в призывах к унижению и роспуску Конвента.

Марат категорически отверг все три пункта обвинения. Он произнес горячую защитительную речь, в которой уделил значительное место разоблачению преступных происков врагов революции.

Председатель трибунала поставил перед присяжными три вопроса: 1. Доказано ли, что в статьях, помещенных в «Друге народа» и «Публицисте», Марат призывал к грабежу, убийству, к установлению власти, нарушающей суверенитет народа, к унижению и роспуску Конвента. 2. Является ли Марат автором этих статей и 3. Преследовал ли Марат в этих произведениях контрреволюционные цели. Присяжные пришли к единодушному выводу, что в произведениях Марата нет состава контрреволюционного преступления, и вся его деятельность проникнута духом подлинного патриотизма. Трибунал признал Марата невиновным в предъявленном ему обвинении и немедленно освободил.

Приговор был встречен ликованием огромных масс народа, которые организовали шествие во главе с Маратом в Конвент и в течение нескольких часов устраивали ему овацию. Так закончился процесс над Маратом — один из ярких и острых эпизодов классовой борьбы, о котором Маркс сказал, что «преследование Марата было непосредственным прецедентом для событий 31 мая»³¹.

В марте 1793 года Марат в статье, опубликованной в «Публицисте Французской Республики», подробно разбирает все те клеветнические утверждения, которые распространяли его враги еще до начала последнего процесса. Марат говорит о том, что его враги стремятся изобразить его «канархистом, который повергает во прах все законы и которому нравится только беспорядок», «честолюбцем, стремящимся к власти», «людоедом и кровопийцей», «непоследовательным существом с восторженной головой» и т.д.

Оправдывая эти клеветнические измышления, Марат объясняет причины, которые побудили его требовать применения самых решительных мер по отношению к врагам революции. «Убежденный в развращенности приспешников старого порядка и врагов свободы, я понял, что от них нельзя ничего добиться иначе, как силой; возмущенный их преступлениями, их постоянно возобновлявшимися заговорами, я признал, что этому можно положить конец, лишь истребив преступных зачинщиков; негодяя на то, что представители народа находятся среди его самых смертельных врагов и что законы служат лишь для устрашения невинных, которых они должны были бы защищать, я напомнил народу, обладающему верховной властью, что так как ему больше нечего ждать от своих представителей, то он должен сам отомстить за себя, что он несколько раз и сделал»³².

Марат отмечает, что он является противником излишнего пролития крови и что он предпочел бы более мягкие меры обуздания врагов революции, если бы эти меры могли быть действительными. Но так как подобные меры оказались «смехотворными» и привели лишь к усилению врагов, то Марат вынужден был потребовать применения крайних мер.

17 апреля, то есть за несколько дней до начала процесса, когда Марату уже были известны основные пункты обвинения, он помещает в своей газете «Публицист Французской Республики» статью, в которой освещает свое отношение к процессу и к содержанию обвинительного акта, утвержденного Конвентом.

Марат прежде всего разоблачает подоплеку декрета об его аресте и об утверждении обвинительного акта: он рассматривает этот декрет как способ ввести в заблуждение народные

³¹ К.Маркс и Ф.Энгельс, Соч., т.III.

³² «Le Publiciste de la Republique Francaise», 14 mars, 1793, № 147.

massы и вместе с тем расправиться с Маратом.

Марат указывает, что данный декрет — третий по счету, направленный против него. Первый декрет был издан врагами народа в связи с тем, что Марат «предсказал истребление национальной гвардии, влекомой на бойню; предсказал постыдные поражения у Монса, Куртре, Турне и все бедственные события первой кампании; под тем предлогом, что я клеветал на наших генералов и уничтожал доверие к нашим армиям, что весьма не нравилось путам, вызвавшим объявление войны»³³. Второй декрет против Марата был издан жирондистами «за то, что я преследовал их, как соучастников Дюмурье, за то, что я разоблачал их, как лицемеров и отвратительных заговорщиков и вынудил их самих признаться в том, что они сторонники Людовика — Филиппа Орлеанского, приспешники королевской власти, пользующиеся покровительством эмигрировавших и мятежных Капетов» (там же).

Эти обвинительные декреты были оценены Маратом как тиранические, и поэтому он «попрал их ногами в силу неотъемлемого права всякого свободного человека сопротивляться угнетению, в какой бы форме оно ни проявлялось» (там же). Тиранический характер этих декретов сделал их ничтожными, недействительными и безрезультатными.

Марат указывает, что он решил теперь не уклоняться от явки на суд, для того чтобы не давать пищи врагам революции клеветать на него. Он предупреждает, что использует трибуну суда не только для своей защиты, но и в особенности для разоблачения коварных замыслов своих врагов, являющихся врагами народа.

В рассматриваемой статье Марат определяет свое отношение к основным пунктам обвинительного акта.

Первый пункт обвинения сводится к тому, что Марат подписал в качестве председателя якобинского общества патриотический адрес. Марат напоминает, что этот адрес подписало около двухсот членов Конвента, таким образом, данный пункт обвинения отпадает, ибо этот адрес является патриотическим.

Второй пункт обвинения состоит в том, что Марат в статье, помещенной 25 февраля 1793 г., призывал народ к грабежам и убийствам.

Марат, выявила свое отношение к продовольственным беспорядкам 25 февраля 1793 г., разъясняет истинный смысл своей статьи и подчеркивает провокационные действия врагов народа, направленные на организацию этих беспорядков: «...среди негодяев, подстрекавших народ к грабежу этих лавок, имелись бывшие придворные дамы, бывшие аристократы, слуги эмигрантов, которые были задержаны, затем втихомолку освобождены, и о которых клика, покровительствующая беспорядкам, убийцам и грабителям, тщательно умолчала» (там же).

Третий пункт обвинения Марата состоит в том, что он призывал «снести две тысячи голов». По этому поводу Марат писал: «Наблюдая ход событий в начале революции, пораженный бесплодием мер, принятых для пресечения козней врагов родины, и приведенный в отчаяние потоками крови, проливаемой патриотами, я сказал, что от пятисот до шестисот голов, во-время снесенных, положили бы конец всем заговорам и

укрепили бы свободу. Возмущенный зрелищем смут, беспорядков, несчастий, бедствий, без конца усиливавшихся в течение ряда лет вследствие вечных козней приспешников старого порядка, лиц, пользующихся покровительством двора, врагов родины, предателей и заговорщиков, я сказал, что свобода никогда не восторжествует, пока не будут снесены преступные головы двухсот тысяч негодяев. Я отлично понимаю, что это не могло успокоить врагов общественного дела, но это было простое предсказание политического деятеля, умеющего читать в будущем; кто же во всем свете имеет право поставить мне это в вину? Следовательно, мои враги по глупости сделали из этого пункт обвинения, желая предать меня суду революционного трибунала»³⁴.

Через несколько дней после окончания процесса, 29 апреля Марат публикует статью, описывающую процесс и народную демонстрацию, стихийно возникшую после вынесения оправдательного приговора. Он воспроизводит здесь свои слова, произнесенные в Конвенте после того, как оправдательный приговор был встречен овациями: «Законодатели! Свидетельства гражданственности и радости, проявившиеся в этих стенах, являются данью уважения по адресу национального представительства, по адресу одного из ваших коллег, чьи священные права были нарушены в моем деле. Я был вероломно обвинен; я приношу вам чистое сердце, я буду продолжать защиту прав человека, гражданина и народа со всей энергией, какой меня одарило небо»³⁵.

Таким образом, новая попытка врагов народа применить к Марату меры судебной репрессии не увенчалась успехом. Процесс лишь еще более повысил популярность имени Марата в народе и еще больше разоблачил коварные происки контрреволюции.

³³ «Le Publiciste de la Republique Francaise», 17 avril, 1793, № 170.

³⁴ «Le Publiciste de la Republique Francaise», 17 avril, 1793, № 170.

³⁵ «Le Publiciste de la Republique Francaise», 29 avril, 1793, № 181.

Революция 31 мая — 2 июня 1793 г. привела к еще большему обострению классовой борьбы. Изгнание из Конвента жирондистов обусловило еще большее усиление их сопротивления, их объединение со всеми враждебными народным массам контрреволюционными силами. Еще более возросла ненависть контрреволюции к Марату. Все попытки расправиться с ним мерами судебной репрессии не увенчались успехом даже в тех условиях, когда жирондисты были правительственный партией. И контрреволюция обратилась к испытанному ею методу контрреволюционного индивидуального террора. 13 июля 1793 г. Марат был убит сторонницей жирондистов Шарлоттой Корде. Террористка была присуждена к смертной казни и гильотинирована. Приговор и сама казнь были восприняты с огромным удовлетворением народными массами. Смерть Марата сплотила революционные народные массы, которые воочию увидели, на какие злодейские акты способны злые враги революции. Вся жизнь Марата была посвящена разоблачению и преследованию контрреволюции. Его смерть также способствовала дальнейшему разоблачению врагов революции и послужила основанием для усиления борьбы с ними.

ГЛАВА VI. МАРАТ О РЕВОЛЮЦИОННОЙ ЗАКОННОСТИ И О РЕВОЛЮЦИОННЫХ МЕРАХ ПОДАВЛЕНИЯ СОПРОТИВЛЕНИЯ ВРАГОВ НАРОДА

Содержание и задачи революционной законности, сформулированные Маратом.

Противопоставление «законности» эксплуататоров и революционной законности трудящихся масс. Марат о роли законодательства в осуществлении социально-экономических реформ.

Обоснование необходимости проведения революционного террора в отношении врагов народа

Революционный террор и идеи гуманизма. Практическое применение идей Марата о революционном терроре и деятельности Конвента в 1793—1794 годах

Как в дореволюционные годы, так и в годы революции Марат придерживается договорной теории. Он подробно излагает ее в своем проекте «Декларации прав человека и гражданина», опубликованном в 1789 году. У человека существуют прирожденные потребности, стремление к счастью, любовь к самому себе. Все это является основой человеческого рода и вместе с тем источником «раздоров, борьбы, насилия, убийств, одним словом, всякого беспорядка, нарушающего, как кажется, естественный уклад и в самом деле расстраивающего порядок общественный»¹. Мир существует между людьми лишь до тех пор, пока человек обеспечен, всем ему необходимым. Но когда у одних людей образуются излишки, а другим недостает самого существенного, между ними наступают раздоры. Тот, у кого нет необходимых средств существования, тот, у кого узурпировали эти средства, имеет право силой вернуть себе средства существования. «Для продления своих дней человек имеет право покушаться на собственность, на свободу, даже на жизнь себе подобных. Чтобы избавиться от угнетения, он вправе угнетать, порабощать, истреблять» (стр.254). Люди получили от природы одинаковые права; следовательно, и в обществе они должны сохранять приблизительно одинаковые права и преимущества. По мнению Марата, полного равенства между людьми не может быть, так как его нет ни в природе, ни в обществе. Но общество обязано обеспечить каждому своему члену личную безопасность, личную свободу, личную собственность. В обществе «не должно быть иного неравенства богатства, кроме того, которое проистекает из неравенства природных способностей, из лучшего употребления времени или стечения каких-либо благоприятных обстоятельств»². Марат считает, что целью «хорошего законодательства» должно быть предотвращение излишнего неравенства состояний. Иначе люди, которым общество предоставляет слишком мало или вовсе ничего не дает, не будут иметь стимула поддерживать общественный договор.

Марат подробно развивает мысль о противоположности интересов богатых и бедных: «В то время, как богатый, пользующийся уважением, вниманием, покровительством, имеет все радости жизни, в то время, как он должен только требовать, чтобы получать, и приказывать, чтобы его слушались, бедный ощущает свое существование лишь как лишения, усталость, страдания. Для него предназначен тяжелый труд, для него — низкие, отвратительные, вредные, опасные ремесла; для него предназначены нужда, рабство, презрение. Самая свобода, утешающая нас в стольких страданиях, ничто для него: слишком ограниченный, чтобы вызывать в ком-либо подозрение, он не понимает счастья быть защищенным от ударов властей, и какая бы революция ни произошла в государстве, он не чувствует уменьшения своей зависимости, всегда пригвожденный к изнурительному труду. Наконец, если он получает какую-либо выгоду от лучшего управления, то она выражается в том, что он платит несколько дешевле за черный хлеб, которым он питается» (стр.255—256).

А. А. Герцензон

УГОЛОВНО-ПРАВОВАЯ ТЕОРИЯ ЖАНА ПОЛЯ МАРАТА

¹ «Projet de Declaration des droits de l'Homme et du Citoyen, suivi d'un plan de Constitution juste, sage et libre, par l'auteur de l'Offrande à la Patrie», Paris, 1789; см. также Марат, Памфлеты, М., 1934, стр.253.

² Марат, Памфлеты, М., 1934, стр.255.

«Хорошее законодательство», по мнению Марата, обязано заботиться об обеспечении людей, лишенных необходимых средств существования. «Честный гражданин, — развивает Марат постоянно повторяемую им мысль, — которого общество покинуло в нужде и отчаянии, возвращается в естественное состояние и имеет право требовать вооруженной рукой те права, которые он мог уступить лишь для получения больших; всякая власть, противодействующая этому, тиранична, и судья, приговаривающий его к смерти, только подлый убийца. Наконец, всякий гражданин имеет право на самое точное осуществление правосудия и на лучшее из правительства» (стр.250). Люди же, не имеющие никакой собственности, вправе требовать от общества разумного раздела излишних богатств, сосредоточенных в руках немногих; они вправе требовать от общества предоставления им средств к жизни, «чтобы они могли кормиться, одеваться, оплатить приличное жилище, на которые они могли бы иметь уход во время болезни и в старости и воспитывать своих детей» (там же). Со всеми этими положениями мы уже встречались в «Плане уголовного законодательства» Интересно отметить, что, повторяя эти мысли вновь в 1790 году, Марат пишет: «Смотри развитие этого великого принципа и в моем проекте конституции, и в моем проекте уголовного законодательства».³

Сопоставление проекта «Декларации прав» и проекта конституции, предложенных Маратом, с «Декларацией прав человека и гражданина» 1789 года и с конституцией 1791 года приводит к выводу, что Марат в своих проектах шел значительно дальше законодательных актов, принятых Национальным Собранием. Уделяя внимание основным гарантиям личности, Марат проявлял особую заботу о гарантиях личности трудящегося и эксплуатируемого народа. Хотя его социально-экономическая программа была весьма умеренной, он все же стоял за ограничение права собственности, за перераспределение «излишних богатств», за обеспечение неимущих необходимыми условиями существования. Его проекты, составленные в 1789 году, в значительной мере напоминают якобинскую конституцию, а по ряду вопросов идут даже впереди ее.

Развив руководящие принципы законодательства, Марат опирается на них для разоблачения бесправия и беззакония, царящих во Франции по отношению к трудящимся массам. Он ярко рисует картину бесправного положения трудящихся, не овладевших ни гражданской свободой, ни домашней свободой, не получивших в результате революции никакой собственности у постоянно подвергающихся унижению и тирании со стороны богачей, королевских чиновников и прочих приспешников класса угнетателей. В письме к Камиллу Демулену в середине 1790 года Марат пишет: «Что касается гражданской свободы, то мы никогда как следует ею не наслаждались и никогда полнее не будем наслаждаться. К чему обманывать себя? При теперешнем якобы господстве свободы нам живется еще гораздо хуже, чем при господстве рабства»⁴. Обращаясь далее к «сенаторам», Марат пишет: «Вы знаете, что это бесценное благо свободы, которым вы собираетесь наслаждаться, создано не для нас; в этом отношении мы так же чужды революции, как если бы мы вовсе не входили в состав государства Вы уделили много внимания собственности, поставленной вами под защиту законов, но как мало значат все эти установления для человека, которому не приходится вести дел, не приходится защищать интересов. Да и какое значение может иметь для неимущего сама собственность?» (стр.93).

Марат оценивает законы, которые действовали во Франции в первые годы революции как законы несправедливые и тиранические, защищающие интересы угнетателей народа. Он говорит о том, что эти законы имеют целью снова одеть оковы на народ, ввергнуть его в нищету, вновь подчинить народ тирании короля и его приспешников. Марат призывает народ не подчиняться этим несправедливым законам. Люди, которые подчиняются подобным законам, поступают, как рабы.

Целая серия законов, принятых Национальным Собранием, была направлена против революционных масс, против попыток объединения городской и сельской бедноты, против их революционных выступлений. Достаточно напомнить в этой связи декреты 10 августа и 21 октября 1789 г., каравшие смертной казнью «мятежные сбиращи», декрет 1791 года о запрещении подачи коллективных петиций, декрет Ле Шапелье и др.

Марат резко критикует законодательную деятельность Национального Собрания. «Исключите несколько декретов, вроде декрета о декларации прав, об уничтожении религиозных орденов, вроде декрета об отмене особых привилегий, об отобрании церковных имуществ, о суверенитете нации. Все другие имеют целью лишь вернуть монарху верховную власть и восстановить деспотизм; пагубные декреты, которые проводят эти мнимые представители народа, или, вернее, эти враги отечества, в надежде, что король, восстановленный в полноте власти, восстановит их самих в полноте их прав. И совокупность подобных декретов составляет конституцию. Их авторы применили тысячу хитростей и уловок, чтобы вырвать наше согласие и заставить нас поклясться защищать их изо всех сил. Клятва бессодержательная и смешная, которая не должна нас связывать! Эти декреты взаимно уничтожают друг друга. Те из них, которые подрывают

³ «L'Ami du peuple», 24 octobre, 1790, № 260.

⁴ Марат, П.—М., 1923, стр.90.

декларацию прав, священную основу конституции, не имеют юридической силы; те, которые нападают на нее, не могут ее задеть, и, следовательно, законными являются только те декреты, какие служат для общего блага. Каким же образом можем мы принимать все декреты без различия? Отвергать дурные, соблюдать хорошие и признавать их законами государства только в том случае, если их признает и санкционирует нация после зрелого рассмотрения их, — вот единственный путь, какой предписывает благородное, какой внушает справедливость»⁵.

Из приведенного отрывка видно, что Марат, исходя из разделаемой им договорной теории происхождения государства и права, в которую он стремился внести критерий противоположности классовых интересов имущих и неимущих, вновь обосновывал право неимущих не подчиняться несправедливым и тираническим законам Национального (а позднее и Законодательного) Собрания. Марат противопоставлял законности эксплуататоров революционную законность трудящегося и эксплуатируемого народа. Считая Национальное и Законодательное собрания состоящими из врагов народа, он не рассчитывал на то, что издаваемые этими собраниями законы смогут обеспечить интересы трудящегося народа. Поэтому он и призывал народ не подчиняться этим законам сплошь, а к каждому закону подходить с позиций революционного правосознания. Подчиняться следует только тем законам, которые не противоречат интересам народа, то есть, иначе говоря, народ должен исполнять только те законы, которые соответствуют его революционному правосознанию. В этом нельзя не усмотреть существа решения в данных конкретно исторических условиях вопроса о законах и революционной законности, четко сформулированного Маратом.

В процессе нарастания классовой борьбы, в процессе становления якобинской диктатуры Марат ставит и решает основные вопросы революционной законности, подчиняя их центральной задаче — обеспечить подавление сопротивления врагов народа путем наибольшего развития революционной деятельности масс и путем проведения революционного террора.

При рассмотрении взглядов Марата на законы и революционную законность необходимо выяснить его отношение к осуществлению социально-экономических реформ.

Марат, как уже указывалось, не являлся сторонником взглядов социалистов-утопистов. Он был, как сам неоднократно заявлял, противником «агарного закона», не разделял взглядов Ру и других представителей «бешеных» на ликвидацию частной собственности. Однако он не являлся и сторонником превращения института собственности в «священный» институт, требовал изъятия большей части церковной собственности для удовлетворения нужд неимущих, ратовал за создание национальных общественных мастерских, обосновывал необходимость удовлетворения насущных материальных нужд неимущих, требовал уничтожения «слишком» значительного неравенства имуществ и состояний и, что является самым важным, постоянно призывал народ к тому, чтобы он не соблюдал законы, пока не будут удовлетворены основные нужды народных масс.

Приведем некоторые из социально-экономических предложений Марата.

В 1790 году Марат выдвинул проект создания общественных мастерских и мануфактур, используя для этой цели монастыри. В этих мастерских, по мысли Марата, должна быть обеспечена работа для всех нуждающихся. Придавая большое значение созданию этих мастерских, Марат предполагал, что с их организацией исчезнут нужда, нищенство, праздность, пьянство и разврат⁶.

В связи с ростом дороговизны и развития спекуляции съестными припасами, как было показано выше⁷, Марат вносит предложение, во-первых, карать спекулянтов, а во-вторых, объединить «наиболее зажиточных граждан» для ввоза из-за границы хлеба и продажи его по покупной цене. Правда, выдвигая это предложение, Марат, видимо, чувствовал его утопичность, потому что тут же прибавлял, что для осуществления его проекта нужны доблести, которых мало в стране, «где господствуют плуты, разыгрывающие гражданскую добродетель лишь для того, чтобы лучше обманывать дураков и грабить народ».

В связи с обесценением денег Марат признает центральной экономической задачей ликвидацию бумажных денег и выкуп всего государственного долга.

Марат, как и все его современники, переоценивал роль и значение законов в деле преустройства общества. Он рассматривал законы как главное и решающее средство устранения недостатков, несправедливостей, существующих в обществе. Проведению этих мудрых, справедливых законов препятствуют враги народа. Стоит только убрать этих врагов народа и разработать систему мудрого законодательства, как народ окажется действительно свободным, действительно счастливым, окончательно сбросившим свою цепь рабства. Эти мысли и положения Марат очень подробно развил в «Даре отечеству», изданном в 1789 году. Однако развитие революции и обострение классовой борьбы очень скоро показали Марату, что его радужным

⁵ «L'Ami du peuple», 4 mars, 1791, № 389.

⁶ См. Марат, Памфлеты, М., 1934, стр.449-158.

⁷ См. гл.V.

надеждам будет не так легко осуществиться.

В произведениях Марата, относящихся к революционной эпохе, одно из центральных мест занимает требование и обоснование необходимости проведения революционного террора в отношении врагов народа. Происхождение этих взглядов Марата на необходимость осуществления суворых мер подавления контрреволюционеров следует отнести к его дореволюционным работам, в особенности к его «Плану уголовного законодательства». В этом произведении Марат, рассматривая «подлинные государственные преступления», совершаемые в условиях, когда народ становится свободным, относит измену родине, заговоры и диверсии к самым тяжким преступлениям, заслуживающим наиболее суворого наказания. «Нет такой казни, которой не заслуживало бы подобное посягательство», восклицает Марат. По существу весь «План уголовного законодательства» пронизан идеей охраны интересов трудящегося и эксплуатируемого народа от преступных посягательств на него со стороны эксплуататоров. Подчеркивая преемственность взглядов Марата на задачи подавления эксплуататоров, сформулированные им в «Плане», с его взглядами на задачи революционного террора против врагов народа, сформулированные им в произведениях революционной эпохи, мы тем самым показываем всю лживость и несостоятельность утверждений буржуазных фальсификаторов Марата относительно его «беспринципности». Буржуазные фальсификаторы Марата — историки и юристы — обычно изображают дореволюционного Марата в качестве рядового последователя буржуазного гуманизма, рядового популяризатора идей Беккариа и Вольтера, уголовно-правовые взгляды которого якобы исчерпывались требованиями буржуазных гарантий личности, смягчения наказания и осуществления предупреждения преступлений. Исказив, таким образом, подлинные взгляды Марата, буржуазные фальсификаторы затем пытаются представить его взгляды на революционный террор, как якобы полный отказ от гуманизма, называют «апостолом резни» и т.д., не делая ни малейшей попытки выяснить действительное содержание и развитие маратовской теории революционного террора.

Чем больше развивалась революция и обострялась классовая борьба между трудящимся и эксплуатируемым народом и его угнетателями, тем громче и резче звучал голос Марата и его призывы к всемерному повышению революционной бдительности народа, к дальнейшему разоблачению коварных преступлений врагов народа, к проведению революционного террора по отношению к этим врагам. Требуя осуществления мер революционного террора, Марат постоянно разоблачает контрреволюционный террор со стороны врагов народа, он указывает, что народ, народные массы всегда несравненно более гуманны, чем его угнетатели. В 1789 году Марат пишет о том, что народная месть всегда является по существу справедливой, что народ приносит «на алтарь справедливости» небольшое число жертв, что во время революции народ пролил лишь «несколько капель крови» своих врагов. Все это, по мнению Марата, не может идти ни в какое сравнение с неисчислимymi жертвами тирании, которая всегда проливает море крови угнетенных масс «Что значит несколько капель крови, пролитых чернью во время нынешней революции для того, чтобы вернуть себе свободу, в сравнении с потоками крови, пролитыми каким-нибудь Тиверием, Нероном, Калигулой, Каракалой или Коммодом, в сравнении с потоками крови, пролитыми из-за мистического безумия Карла IX, в сравнении с потоками крови, пролитыми преступным честолюбием Людовика XIV? Что значит разграбление нескольких домов толпою в сравнении с обирательством, которое вся нация испытывала в течение пятнадцати веков при трех династиях наших королей? Что значит разорение немногих отдельных лиц в сравнении с миллиардом людей, разоренных откупщиками, вампирами, расхитителями общественного достояния?»⁸

Но недостаточно, указывает Марат, только разоблачать злодеяния тиранов и эксплуататоров. Одновременно необходимо осуществлять и революционные меры обуздания и наказания врагов народа. Марат очень скоро убедился в том, что проведенная Национальным Собранием судебная реформа ни в малейшей мере не обеспечивает борьбы с преступлениями врагов народа, ибо «новые» суды попрежнему охраняют интересы эксплуататоров и их приспешников. Правосудие должно быть поручено не этим судьям, а «испытанным патриотам, которые и являются блюстителями мудрыми, твердыми и неподкупными»⁹. Именно они и должны будут составить государственный трибунал, карающий врагов революции. Если же и это средство окажется недостаточным для обуздания врагов народа, то тогда Марат предлагает «назначить на краткий срок верховного диктатора, вооружить его всей полнотой общественной силы и поручить ему расправу с виновными». По мнению Марата, суворая репрессия по отношению к врагам народа — лучшее средство их обуздания и предупреждения тяжких преступлений, «Две-три кстати срубленные головы надолго останавливают общественных врагов и на целые столетия избавляют нацию от бедствий нищеты, от ужасов гражданской войны; но такие истины весьма чужды нам, при наших губительных предрассудках» (стр.366).

⁸ «L'Ami du peuple», 10 novembre, 1789, № 34.

⁹ «Appel a la Nation par J.P.Marat, l'Ami du Peuple», 1790.

По мере обострения классовой борьбы и усиления активности контрреволюционной деятельности врагов народа Марат призывает ко все более решительным действиям против королевских заговоров, поддерживаемых капиталистами, крупными чиновниками, генералами, офицерами и т.д. Он требует задержания короля и его семейства, ареста участников контрреволюционных заговоров, отмены декретов, противоречащих интересам народа, и проведения мер революционного террора Марат постоянно предостерегает народ против чреватой тяжкими последствиями излишней мягкости к врагам, ибо эта мягкость может стоить жизни массы людей: стоит только врагам народа почутъять свою силу и безнаказанность их преступлений, они будут безжалостно истреблять народ. «Сами они, погружая свои человекоубийственные руки в вашу кровь, будут терзать ваши трепещущие внутренности и внутренности в бледной груди ваших жен и детей. Вот плоды ваших лишений, вашего недоедания, ваших трудов, ваших опасностей, ваших ран, ваших битв, ваших побед или, вернее, вот плоды вашего слепого доверия, вашего глубокого успокоения»¹⁰. Эти слова Марат писал в 1790 году.

Нарастание требований проведения революционного террора Марат обосновывает ростом и обострением контрреволюционной борьбы со стороны врагов народа. В этой связи Марат призывает народ для спасения родины провести массовый террор. «Шесть месяцев тому назад пятьсот-шестьсот голов было бы достаточно для того, чтобы отвлечь вас от разверзшейся пропасти. Теперь, когда вы глупо предоставили своим непримиримым врагам составлять заговоры и приводить их в исполнение, понадобится, может быть, срубить их от пяти до шести тысяч. Но если бы даже пришлось бы срубить двадцать тысяч голов, нельзя колебаться ни одну минуту. Если вы не предупредите их, они варварски уничтожат вас, чтобы облегчить свое господство»¹¹.

В 1791 году Марат возвращается к мысли о необходимости создать специальный карательный орган для борьбы с преступлениями врагов народа; он предлагает создать «Клуб мстителей закона». Членами этого клуба могут быть только истинные патриоты. Целью его явится «каратъ все преступления, которые посягают на общественную или личную безопасность и свободу и которые мешают спасению народа»¹².

Марат предостерегает против увлечения словами и призывает народ к активным революционным действиям, направленным против врагов народа. Когда дело идет о спасении революции, о защите интересов трудящегося и эксплуатируемого народа, о подавлении сопротивления его врагов, — тогда нужны не слова, а действия. Истинно патриотические общества, указывает Марат, должны быть «не только обществами осуждающими и решающими, но также и действующими, выносящими порицание, карающими, убивающими, после того, как они тщетно испробовали все законные пути подавления врагов общества, а носители власти столковались, чтобы убаюкивать народ, усыплять его на краю пропасти и вызывать его погибель»¹³. Из приведенных высказываний Марата видно, что он рассматривал массовый революционный террор как крайнее и самое решительное средство борьбы с врагами народа: сначала речь идет о разоблачении и осуждении прискорбий врагов народа, затем — об использовании всех легальных возможностей борьбы с преступлениями врагов народа, и лишь после этого — о мерах массового революционного террора. Нужно напомнить также, что Марат в высшей степени наглядно показывает, что революционный террор неизмеримо гуманнее террора контрреволюционного, продолжающегося уже много столетий и пролившего море народной крови. Нужно напомнить и тот несомненный факт, что, призывая к революционному террору в форме требования «срубить» мятежные головы, Марат первоначально говорит о незначительном числе подлежащих казни врагов и лишь по мере обострения классовой борьбы усиливает эти свои требования. Внимательное изучение развития высказываний Марата о революционном терроре наглядно показывает клеветнический характер утверждения фальсификаторов взглядов Марата относительно его кровожадности. Марат был сторонником суровых мер подавления сопротивления врагов революции, и его взгляды, несомненно, отражали всю остроту классовой борьбы в период Французской буржуазной революции XVIII века, являлись прямым и ясным ответом на контрреволюционный террор врагов народа. Наконец, и это является наиболее важным для характеристики высказываний Марата о революционном терроре, для него террор являлся не самоцелью, как об этом постоянно твердят буржуазные фальсификаторы Марата, а средством, значение которого, правда, Марат переоценивал, для дальнейшего развития революции, для роста революционной деятельности масс городской и сельской бедноты. Призыв к революционному террору против врагов народа являлся у Марата также одним из средств революционной пропаганды, одним из способов пробуждения революционной сознательности масс, одним из средств повышения их революционной бдительности, наконец, одним из средств вовлечения этих масс в революционное движение. В этой связи следует признать весьма

¹⁰ Приложение к «L'Ami du peuple», C6 aout, 1790, № 202.

¹¹ «L'Ami du peuple», 18 decembre, 1790, № 314.

¹² «L'Ami du peuple», 16 janvier, 1791, № 342.

¹³ «L'Ami du peuple», 4 mars, 1791, № 389.

характерным для Марата следующий отрывок из его «Друга народа», опубликованного в середине 1791 года: «Если вы могли, дорогие друзья по оружию, избежать жестокой мести тюильрийского тирана, инквизиторских обысков и варварской ярости его проституировавшихся лакеев и приспешников, контрреволюционных сенаторов, Мотье, адского убийцы патриотов Нанси, Лашапли и Марсового поля, Балти, ужасного исполнителя кровавых приказов, конных альгавазилов, головорезов застав, буржуазных стрелков, подлых палачей миролюбивых сограждан, бедных стариков, беременных женщин, грудных младенцев, и если небо удостаивает вмешиваться в земные дела, то пусть эти чудовища сделаются скоро предметом его мстительного гнева. Пусть народ, поднявшийся сразу во всех концах королевства, принесет их в жертву своей справедливой ярости в отплату за их черные преступления; пусть он, наконец, оставит тем, у кого будет соблазн подражать им, этот спасительный пример ужаса и страха»¹⁴.

Из приведенных выше выдержек видно, что Марат, предлагая проведение мер революционного террора, рассчитывал на то, что народу удастся парализовать деятельность врагов народа, пресечь многочисленные акты измены родине, заговоры, восстания, диверсии, спекуляцию на народном голоде путем устрашения всех этих врагов народа. Марат не видел, да и не мог в ту эпоху видеть каких-либо иных средств борьбы с врагами трудящегося народа, кроме мер революционного террора, а так как поступательный ход истории являл все новые и новые факты роста сил эксплуататоров, то Марат вновь и вновь выступал с требованиями развертывания революционного террора. В 1792 году он выступает с призывом к массам «казнить каждого десятого из числа контрреволюционных членов муниципалитета, мирового суда, департамента, Национального Собрания» (стр.638). В 1793 году Марат еще более усиливает остроту своих требований. Он считает, что все враги народа — «капиталисты, спекулянты, монополисты, продавцы предметов роскоши, пособники крючкотворства, судебские крючки, бывшие аристократы и т.п.»¹⁵ — являются сторонниками старого режима, которых не представляется возможным переделать. «Я не вижу, — говорит Марат, — другого способа, кроме полного истребления этого проклятого отребья для обеспечения государства, которое они не перестают подрывать, пока сохранят силу» (стр.638).

Марат считает необходимым предоставить Комитету общественной безопасности, состоящему из истинных патриотов, полномочия для розыска врагов народа и предания их суду государственного трибунала, состоящему «из пяти самых неподкупных и строгих членов».

Выше были освещены взгляды Марата на революционный террор. В какой мере соответствуют эти взгляды общим взглядам Марата на уголовное право, что нового внесли они в развитие уголовно-правовой теории Марата?

В дореволюционную эпоху Марат выступил убежденным сторонником идеи гуманизма в уголовном праве. В отличие от всех политических мыслителей идущей к власти буржуазии Марат проповедовал не абстрактный гуманизм в уголовном праве, а подчинял его идеи защиты интересов трудящегося и эксплуатируемого народа. В этой связи необходимо подчеркнуть, что и в дореволюционную эпоху Марат был чужд ложно понятых идей гуманизма. Напомним, что он считал необходимым применение самых суровых мер репрессии к государственным преступлениям, посягающим на народ, ставший свободным; определяя критерии индивидуализации репрессии, он настаивал на повышенном наказании лиц, совершивших преступление против интересов трудящихся масс; устанавливая санкции за совершение различного рода преступлений, он определял повышенные наказания для тех преступлений, совершителями которых обычно являются представители привилегированных слоев общества, и, наоборот, пониженные наказания — для тех преступлений, совершителями которых обычно являются представители трудящихся.

Эти мысли Марат развивает еще более решительно в годы революции. Являясь сторонником «заповеди гуманности, сострадания, мягкого человеколюбия», Марат проводит резкую принципиальную грань между нарушителями закона из народа и врагами народа — изменниками и заговорщиками. К первым Марат рекомендует применять мягкие наказания. Ко вторым же должны быть применены самые суровые, самые беспощадные меры наказания. «Всякая снисходительность в отношении этих преступников становится варварством по отношению к народу. Необходимо, чтобы мы их раздавили, или они раздавят нас»¹⁶. В своих статьях Марат не раз указывал, что он вовсе не является сторонником пролития крови, но к этому его побуждают обстоятельства. «Никто не питает большего отвращения к пролитию крови, чем я, — писал Марат в 1792 году. — Но для того, чтобы она не лилась ручьями, я настаиваю, чтобы вы пролили несколько капель»¹⁷. В 1793 году, отвечая на возведившиеся на него обвинения, Марат писал. «Единственный способ упрочения революции заключается в том, чтобы партия свободы

¹⁴ См. Марат, Памфлеты, М., 1934, стр.586.

¹⁵ «Journal de la Republique Francaise», 25 fevrier, 1739, № 133.

¹⁶ «Journal de la Republique Francaise», 2 mars, 1793, № 138.

¹⁷ Марат, Памфлеты, М., 1934, стр.638.

раздавила партию своих врагов. Следуя этому убеждению, я предложил энергичные действия, которые приспешники деспотизма назвали кровожадными. Мне пришлось бы лучше по вкусу более мягкие меры, если бы они были действительны; поэтому я иногда прислушивался к предложениям законных мер для наказания лиц, нарушающих свой долг, угнетателей и интриганов, но вскоре, убедившись с негодованием в том, что эти мероприятия смехотворны, что они дают лишь новое оружие нашим врагам, я вернулся к своим первоначальным взглядам; поэтому не я непоследователен, а законодатели и должностные лица, обманувшие народ своими лживыми обещаниями, своими смехотворными мероприятиями, своим нарушением долга и своими преступлениями»¹⁸.

Созданная Маратом в годы революции теория революционного террора явилась одной из самых ярких сторон его политических и юридических взглядов, дальнейшим развитием передовой революционной мысли XVIII века.

Настойчивые требования Марата принять решительные меры подавления сопротивления врагов народа реализуются в практической деятельности Конвента в 1793 году, отчасти еще при жизни Марата.

10 марта 1793 г., еще при господстве в Конвенте жирондистов, в результате давления революционных масс Конвент принимает декрет об организации чрезвычайного революционного трибунала. Этот декрет был принят по докладу Дантоне. Согласно этому декрету ведению трибунала подлежали «...все контрреволюционные предприятия, все покушения против свободы, равенства, единства и неделимости республики, внутренней и внешней безопасности государства, а также все заговоры, направленные к восстановлению королевской власти или к восстановлению всякой иной власти, посягающей на свободу, равенство и суверенитет народа, будут ли обвиняемые гражданскими или военными чиновниками или простыми гражданами». Декрет предусматривал, что к осужденным будут применяться меры наказания, предусмотренные уголовным кодексом и последующими законами. Этот же декрет предусматривал применение ссылки к лицам, которые являются опасными «в силу отсутствия у них гражданских чувств или в силу того, что их пребывание в республике может вызвать общественные волнения».

Выше были приведены многочисленные высказывания Марата начиная с 1790 года относительно необходимости создания подобного трибунала.

Вскоре после принятия указанного декрета, 19 марта 1793 года Конвент принимает декрет о наказании мятежников. Содержание этого декрета также отражает основную мысль Марата о принятии беспощадных мер подавления сопротивления врагов народа.

Декрет объявил вне закона участников контрреволюционных мятежей и восстаний. В случае захвата их с оружием в руках они через двадцать четыре часа «будут переданы в руки палача и преданы смерти». Остальные участники после признания их виновными, в случае их принадлежности к привилегированным сословиям, также подлежат смертной казни: «.. священники, бывшие дворяне, сеньоры, а также служащие и прислуга всех этих лиц; иностранцы, лица, занимавшие или занимающие какие-либо общественные должности как при прежнем правительстве, так и со временем революции; лица, подстрекавшие или поддерживающие заговорщиков; главари, подстрекатели и лица, виновные в убийстве, поджоге или грабеже, — подлежат смертной казни». Декрет предусматривал, что к лицам, объявленным вне закона, «не могут быть применены законы, устанавливающие порядок уголовного судопроизводства, и, в частности, закон о суде присяжных».

Этот декрет был принят при несомненном влиянии идей, постоянно развивавшихся Маратом.

После установления якобинской диктатуры Конвент усиливает борьбу с сопротивлением врагов народа и принимает ряд декретов. Эта деятельность Конвента развивалась уже после смерти Марата, но при несомненном влиянии его идей о необходимости обеспечить все более усиливающееся подавление врагов народа по мере дальнейшего развития революции.

1 сентября 1793 г. Конвент принял декрет о подозрительных. Этот декрет предусматривал применение мер административной и судебной репрессии к лицам, которые признаются подозрительными. К числу последних декрет относил: лиц, которые своим поведением, связями, речами или сочинениями «проявляют себя сторонниками тирании, федерализма и врагами народа»; лица, не имеющие законных средств существования и являющиеся неблагонадежными; лица, эмигрировавшие из Франции; «те из бывших дворян, так же, как их мужей, жен, отцов, матерей, сыновей или дочерей, братьев или сестер, а равным образом и агентов эмигрантов, которые не проявляли постоянно своей преданности революции».

Наконец, приведем декрет 10 июня 1794 г. о революционном трибунале.

A. A. Герцензон

УГОЛОВНО-ПРАВОВАЯ ТЕОРИЯ ЖАНА ПОЛЯ МАРАТА

¹⁸ «Le Publiciste de la République Française», 17 avril, 1793, № 170.

Этот декрет установил, что «враги народа — те, которые стремятся уничтожить общественную свободу силой или хитростью». В соответствии с этим декрет объявил врагами народа тех, кто побуждает или стремится к восстановлению королевской власти и к свержению или умалению республики; кто совершают изменнические действия; кто стремится вызвать голод в республике; кто способствует врагам республики, укрывая врагов, преследуя патриотов и тому подобными способами; кто путем обмана склоняет народ и его представителей к поступкам, противным интересам свободы; кто ведет пропаганду, направленную на способствование замыслам объединенным тиранам; кто распространяет ложные сведения, чтобы вызвать раздоры или смуты в народе; кто разлагает общественную нравственность и народное просвещение, стремится ослаблять энергию и чистоту революционных и республиканских принципов или задерживать их прогресс путем антиреволюционных и коварных сочинений или всякими иными махинациями; кто допускает недобросовестные поставки и хищения общественного достояния; кто злоупотребляет своим служебным положением, чтобы помогать врагам республики, раздражать патриотов и угнетать народ; кто любыми иными способами будет посягать на свободу, безопасность и единство республики или стремиться помешать ее упрочнению.

Декрет 10 июня 1794 г. предусматривал в качестве меры наказания для лиц, признанных виновными в совершении указанных преступлений и объявленных врагами народа, исключительно смертную казнь.

В этом декрете с наибольшей силой отразились идеи, которые значительно раньше сформулировал и развил Марат. Это видно из самого перечня преступлений, совершаемых врагами народа, а также из характера наказания врагов народа.

Выше были приведены лишь некоторые из законодательных актов, принятых якобинским Конвентом для борьбы с наиболее опасными видами преступлений. Но и приведенных материалов достаточно для того, чтобы судить о значительном влиянии революционной теории Марата на развитие уголовного законодательства якобинского Конвента уже после смерти Марата. Это влияние, конечно, не случайно: Марат был одним из самых ярких выразителей чаяний и постепенно осознаваемых классовых интересов городской и сельской бедноты. Он ближе других якобинцев стоял к народу, инстинктивно воспринимал его интересы и отражал в своих газетах. Когда произошла революция 31 мая — 2 июня 1793 г., «неимущие массы Парижа захватили на одно мгновение власть»¹⁹. В этих условиях, как указывал В.И.Ленин, Конвент был именно диктатурой самых низших слоев городской и сельской бедноты.

Именно тогда нашла свое конкретное применение революционная теория Марата, в особенности — разоблачение преступлений врагов народа, всемерное усиление революционной бдительности народа и его представителей в Конвенте и в органах революционного правосудия, неуклонное проведение мер революционного террора по отношению к изобличенным врагам народа.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ СОЦИАЛЬНО-ПОЛИТИЧЕСКАЯ ОЦЕНКА УГОЛОВНО-ПРАВОВОЙ ТЕОРИИ МАРАТА

Характеризуя революционных мыслителей XVIII века, Ф.Энгельс писал: «Великие мыслители XVIII века, так же как и все их предшественники, не могли выйти из рамок, которые им ставила их собственная эпоха»¹. Эти слова должны быть отнесены и к Марату. Марат не обладал — и в ту историческую эпоху не мог обладать — знанием законов общественного развития. Пролетариат как класс лишь выходил на историческую арену. Не было и материальных предпосылок для осуществления победы трудящихся и эксплуатируемых масс. Став безоговорочно на защиту интересов трудящегося и эксплуатируемого народа, Марат сумел стать подлинным выразителем этих интересов, идеологом городской и сельской бедноты, пламенным трибуном революционных масс. Он был одним из тех «якобинцев с народом», о которых писал В.И.Ленин, одним из великих революционеров и патриотов своей революционной родины.

Оценивая революционную теорию уголовного права, созданную и развитую Маратом, следует подчеркнуть ее коренные принципиальные отличия от буржуазных теорий уголовного права, созданных в ту же эпоху идеологами восходящей к власти буржуазии. Это была уголовно-правовая теория, отвечающая интересам трудящегося и эксплуатируемого народа эпохи Французской буржуазной революции конца XVIII века в той мере, в какой классовые интересы трудящихся масс уже могли быть ими осознаны и противопоставлены классовым интересам буржуазии. Марат использовал уголовно-правовые требования и лозунги идеологов идущей к власти буржуазии, придав им совершенно иной классовый смысл и повернув острие репрессии против контрреволюционных сил. Он не ограничился провозглашением формально-юридических гарантий личности, но основное внимание обратил на обеспечение охраны личности трудящегося

¹⁹ Ф.Энгельс, Анти-Дюiring, 1948, стр.241.

¹ Ф.Энгельс, Анти-Дюинг, 1948, стр.17.

и эксплуатируемого народа. Он не ограничился раскрытием юридического содержания преступления, но основное внимание обратил на разоблачение преступлений эксплуататоров, посягающих на интересы народа. Он не ограничился выяснением основных «качеств» наказания, вытекающих из разумного законодательства, но основную цель наказания видел в подавлении сопротивления эксплуататоров.

Марат переоценивал роль и возможности «хорошего законодательства», роль «моральных санкций» в обеспечении охраны интересов трудящегося и эксплуатируемого народа. Он переоценивал и роль репрессии в деле подавления эксплуататорских классов в условиях, когда для уничтожения этих классов еще не было надлежащих исторических предпосылок, ибо буржуазия лишь восходила к власти. Для характеристики и оценки уголовно-правовой теории Марата нельзя упускать из виду указание В.И.Ленина о том, что «125 лет тому назад французским мелким буржуа, самым ярым и самым искренним революционерам, было еще извинительно стремление победить спекулянта казнями отдельных, немногих «избранных» и громами декламации...»²

Но признавая историческую ограниченность уголовно-правовой теории Марата, мы все же оцениваем ее как одно из ярких выражений уголовно-правовых взглядов трудящегося и эксплуатируемого народа конца XVIII в., как систему уголовно-правовых взглядов, прямо противоположных по своему классовому содержанию уголовно-правовым взглядам буржуазии.

Изучая уголовно-правовую теорию Марата, ее развитие в дореволюционную эпоху и в годы революции, нельзя не отнести с глубоким уважением к тем высоким идеям беззаветного служения народу, которыми характеризуется эта теория. Ненависть к эксплуататорам, неустанное разоблачение всех их тягчайших преступлений, высокая революционная бдительность, постоянные призывы к народу повышать эту бдительность, требования сурового наказания врагов народа за совершаемые ими тягчайшие преступления, стремление развивать революционное правосознание трудящегося и эксплуатируемого народа и противопоставить его реакционному правосознанию эксплуататоров — таковы основные черты уголовно-правовой теории Марата — Друга народа, которые вошли в историю революционно-демократического уголовного права.

УКАЗАТЕЛЬ ИМЕН

Составил А.М.Яковлев, редактор книги. Ссылки на подборки материалов из электронных библиотек даны нами

Б

Беккариа, Чезаре (1738—1794) — просветитель XVIII века, юрист и публицист. Основная работа «О преступлениях и наказаниях» (1764). Призывал к устраниению произвола в выборе наказания и к смягчению его. Беккариа один из первых поднял вопрос об отмене смертной казни. Возражал против системы формальных доказательств и инквизиционного процесса.

Блан, Луи (1811—1882) — деятель французской революции 1848 года, историк. Основные труды: «История французской революции» (в 12 томах), «Организация труда» (1840), «История десяти лет» (1844). После февральского переворота 1848 года член временного правительства. В августе 1848 года эмигрировал в Англию. В 1871 году был избран в Национальное Собрание, отказался примкнуть к Парижской Коммуне, остался в Версале. Являясь одним из последних представителей французского утопического социализма, впоследствии скатился на позиции соглашательства с буржуазией и предательства интересов рабочего класса. <http://vive-liberta.narod.ru/ref/ref1.htm#lblanc>

Бриссо, Жан Пьер (1754—1793) — деятель Французской буржуазной революции конца XVIII века. Вождь партии жирондистов. Перед революцией выступал как сторонник просветителей, противник монархии. Будучи в начале революции активным членом Якобинского клуба, Бриссо в дальнейшем переходит на позиции буржуазной контрреволюции. 31 октября 1793 г. был казнен по приговору революционного трибунала.

<http://vive-liberta.narod.ru/ref/ref1.htm#brst>

В

Вольтер, Франсуа Мари Аруэ (1694—1778) — выдающийся французский писатель, один из крупнейших деятелей французского буржуазного просвещения XVIII века. Основные труды: «Эдип» (1717), «Генриада» (1723), «Философские письма» (1733), «Трактат о метафизике» (1734), «Основы философии Ньютона» (1738), «Светский человек» (1736), «Трактат о веротерпимости» (1763), «Философский словарь» (1764), «Кандид или оптимизм» (1759), «Опыт о всеобщей истории и о нравах и духе народов» (1756—1769), «Простодушный» (1767), «Орлеанская девственница» (1755), «Заговоры против народов» (1766). Написал ряд работ по уголовному праву и процессу. Призывал к борьбе с католической церковью, разоблачал и высмеивал церковные догматы. Его учение противоречиво. Пытался соединить материализм с деизмом. Тем не менее Вольтер до середины XVIII века был самой крупной фигурой в борьбе против феодализма и католической церкви. <http://vive-liberta.narod.ru/ref/ref2.htm#V>

Г

Гельвеций, Клод Адриан (1715—1771) — один из идеологов революционной французской буржуазии XVIII века. Основные труды: «Об уме» (1758), «О человеке, его умственных способностях и его воспитании» (1773). Философ-материалист, смело критиковавший феодальные порядки и феодально-религиозную философию.

A. A. Герцензон

² В.И.Ленин, Соч., т.27, стр.304.

Гольбах, Поль Анри (1723—1789) — французский философ-материалист и атеист, один из идеологов французской революционной буржуазии. Основной труд «Система природы» (1770). Несмотря на метафизичность его материализма и идеализм в объяснении законов развития общества, Произведения Гольбаха, систематизировавшие мировоззрение французских материалистов, представляют собой образец боевой атеистической литературы XVIII века.

Д

Даламбер, Жан Лерон (1717—1783) — французский философ, математик, просветитель предреволюционного периода во Франции. Совместно с Дидро и другими работал над «Энциклопедией наук, искусств и ремесел». Был менее последовательным материалистом и атеистом, чем Дидро. <http://vive-liberta.narod.ru/ref/ref2.htm#alambert>

Дантон, Жорж Жак (1759—1794) — видный деятель Французской буржуазной революции конца XVIII века. В начале революции сблизился с признанными вождями французской революционной демократии — Маратом и Робеспьером, совместно с ними призывал народ к революции. В дальнейшем вошел в правительство жирондистов. В 1792 году, в дни, когда армия интервентов двигалась на Париж, проявил огромную революционную отвагу, энергию, решительность. Однако по мере обострения классовых противоречий стал проявлять колебания, пытался примирить якобинцев и жирондистов. Организовав группу дантонистов, выступал с призывами к «умеренности», к отказу от революционного террора. Его деятельность, угрожавшая революции, — бесспорна. 31 марта 1794 г. Дантон и его единомышленники были арестованы, и по приговору якобинского революционного трибунала 5 апреля 1794 г. Дантон был казнен. <http://vive-liberta.narod.ru/ref/ref1.htm#dnt>

Демулен, Камилл (1760—1794) — политический деятель Французской буржуазной революции конца XVIII века. Борясь сначала против монархии, а затем против жирондистов, в дальнейшем примкнул к Дантону, выступал в авангарде контрреволюционных сил. Был арестован за контрреволюционную деятельность и по приговору революционного трибунала казнен. <http://vive-liberta.narod.ru/ref/ref1.htm#cdem>

Дидро, Дени (1713—1784) — французский философ-материалист, писатель. Основные труды: «Философские мысли» (1746), «Прогулка скептика, или аллеи» (1747), «Письмо о слепых в назидание зрячим» (1749), «Мысли об объяснении природы» (1754), «Сон Даламбера» (1769), «Философские принципы материи и движения» (1770), «Монахиня» (1760), «Племянник Рамо» (1762—1779), «Жак Фаталист» (1773). Вместе с Даламбером, Вольтером, Монтескье и другими в течение 20 лет пишет «Энциклопедию наук, искусств и ремесел», в которой были изложены основы прогрессивного в то время буржуазного мировоззрения. Глава энциклопедистов, крупнейший идеолог предреволюционной французской буржуазии. Один из наиболее яких представителей домаркового материализма и атеизма. <http://vive-liberta.narod.ru/ref/ref2.htm#DD>

Дюмурье, Шарль Франсуа (1739—1823) — французский генерал и политический деятель. В связи с успехами Французской буржуазной революции конца XVIII века сблизился с жирондистами. Был министром иностранных дел, военным министром и командующим центральной армией. Вел тайные переговоры с контрреволюционными силами о мерах по удушению революции. Его предательская деятельность привела французские войска к поражению при Неервиндене в марте 1793 года. В связи с провалом попытки открыть фронт и повести войска на революционный Париж перебежал к австрийцам. <http://vive-liberta.narod.ru/ref/ref2.htm#dmr>

Е

Екатерина II, Алексеевна (1729—1796) — императрица всероссийская (с 1762 г.). Во внутренней политике под непосредственным впечатлением крестьянских волнений и в связи с потребностями экономического развития вынуждена была лавировать, сочетая систему беспощадных репрессий с частичными попытками преобразования, стараясь под прикрытием либеральной фразеологии использовать популярность идей французских просветителей для обоснования и укрепления бюрократической машины крепостнического государства, усиления могущества крепостников. http://vive-liberta.narod.ru/ref/ref2.htm#kat_ii

Ж

Жорес, Жан (1859—1914) — видный деятель международного социалистического движения, руководитель правого, реформистского крыла французской социалистической партии, историк и выдающийся оратор. Активно выступал против милитаризма и войны. 31 июля 1914 г. в обстановке развертывания первой мировой войны пал жертвой террористического акта, совершенного реакционерами в связи с его решительными выступлениями против милитаристской политики правительства. <http://vive-liberta.narod.ru/ref/ref1.htm#jnjr>

К

Калигула, Гай Цезарь (12—41) — римский император (37—41), стремился сделать свою власть неограниченной, требовал оказания ему божеских почестей. Сумасбродный деспотизм Калигулы вызвал организацию заговора; в начале 41 года он был убит преторианцами.

Каракала, Марк Аврелий Антонин (186—217) — римский император (211—217), отличался исключительной жестокостью; в 217 году был убит преторианцами.

Карл IX (1550—1574) — французский король (1560—1574) из династии Валуа. Согласился на организованное Екатериной Медичи совместно с Гизами массовое избиение гугенотов в Париже и других городах Франции в ночь на 24 августа 1572 г. («Варфоломеевская ночь»).

Карлейль, Томас (1795—1881) — английский реакционный буржуазный философ, историк и публицист. Основные труды: «Сартор Резарус» (1833—1834), «История французской революции» (1837), «Чартизм» (1840), «Герои и героическое в истории» (1841), «Прошедшее и настоящее» (1843). «Письма и речи Оливера Кромвеля» (1845), «Современные памфлеты» (1850). Проделал эволюцию от резкой критики буржуазного строя с позиций феодального социализма с утверждением «культы героев» до отказа от критики капитализма и перехода в лагерь реакции. Призывал к установлению открытой диктатуры крупной буржуазии, к террору против рабочих. Идеи Карлейля используются идеологами современной реакционной буржуазии. <http://vive-liberta.narod.ru/ref/ref2.htm#tomcarl>

Кине, Эдгар (1803—1875) — французский мелкобуржуазный политический деятель и историк, участник февральской революции 1848 года. Во время июльского восстания 1848 года выступил против рабочих, был глубоко враждебен Парижской Коммуне, но осуждал террор версальцев. В многочисленных исторических работах выступал как противник клерикализма и иезуитов. Осуждал якобинцев за их демократическую политику.

Коммод (161—192) — римский император (180—192). Для его правления характерно усиление абсолютистских тенденций; убит в результате заговора.

Кондорсе, Жан Антуан, де (1743—1794) — маркиз, французский ученый, философ, просветитель, экономист, социолог, политический деятель. Сотрудничал в «Энциклопедии наук, искусств и ремесел». В написанном им «Эскизе исторической картины прогресса человеческого разума» защищал идею естественного равенства всех людей и наций, отстаивал буржуазно-демократические свободы и клеймил войну между народами, увековечивая в то же время частную собственность, имущественное неравенство и эксплуатацию. В связи с активной борьбой против якобинцев был арестован и в марте 1794 года в тюрьме покончил с собой. <http://vive-liberta.narod.ru/ref/ref2.htm#cnd>

Корде, Шарлотта (1768—1793) — участница контрреволюционного заговора во Франции во время Французской буржуазной революции конца XVIII века. С целью организации террористических актов против вождей революции приехала в Париж. Под предлогом разоблачения контрреволюционного заговора 13 июля 1793 г. обманным путем проникла к Жану Полю Марату и убила его. Казнена по приговору революционного трибунала. http://vive-liberta.narod.ru/revol_fem/revol_fem_1.htm#ChC

Кропоткин, Петр Алексеевич (1842—1921) — один из главных деятелей и теоретиков анархизма. Пытался обосновать анархистскую теорию с помощью лженаучной философии Г. Спенсера и О. Конта. Выступал против марксистской диалектики и учения о классовой борьбе. Был подвергнут резкой критике в ряде работ В.И.Ленина и И.В.Сталина. Незадолго до смерти, в 1920 году обратился с письмом к европейским рабочим, в котором, признавая историческое значение Октябрьской революции, призывал рабочих воспрепятствовать военной интервенции против Советской России. <http://vive-liberta.narod.ru/ref/ref2.htm#kropot>

Кунов, Генрих (1862—1936) — немецкий правый социал-демократ, апологет германского империализма, ревизионист и фальсификатор марксизма, историк, социолог и этнограф. Во время первой мировой войны — социал-шовинист. Враждебно выступал против Советской России. Теоретически и практически способствовал утверждению в Германии фашистской диктатуры. В нашей библиотеке: «Политические кофейни: парижские силуэты времен Великой французской революции» (<http://www.diary.ru/~vive-liberta/p71864548.htm>), «Борьба классов и партий» (http://vive-liberta.narod.ru/journal/revol_gazet.htm#kunow).

Л

Ламартин, Альфонс, де (1791—1869) — французский поэт, историк и политический деятель. Основные труды: «Поэтические размышления» (1820), «Новые поэтические размышления» (1823), «Поэтические и религиозные созвучия» (1830), «Жослен» (1836), «Падение ангела» (1838), «История жирондистов» (1847). Проделал эволюцию во взглядах: от отвлеченного романтического протesta против противоречий и зол буржуазной цивилизации к защите основ буржуазного общества. Во время революции 1848 года — министр иностранных дел и фактический глава временного правительства. Пропагандировал лицемерную идею примирения классов в буржуазной республике, боролся с требованиями рабочих масс, подготовил подавление июньского восстания парижского пролетариата. <http://vive-liberta.narod.ru/ref/ref1.htm#alam>

Ларошфуко, Франсуа, де (1613—1680) — герцог, французский писатель-моралист. Основные труды: «Мемуары» (1662), «Размышления или Сентенции и максимы о морали» (1665). Был одним из вождей Фронды. В своих «Размышлениях», отражая распад морали феодального общества, развивал взгляды о порочности человеческой природы, эгоизме, корысти и честолюбии как о побудительных мотивах всех человеческих поступков.

Лафайет, Мари Жозеф Поль (1757—1834) — деятель Французской буржуазной революции конца XVIII века и революции 1830 года. Участвовал в войне американских колоний за независимость от Англии. В 1780 году — генерал американской армии. Вернувшись во Францию в 1789 году, был избран в Генеральные штаты (впоследствии Национальное Собрание). В 1789 году был назначен начальником Национальной гвардии. Напуганный народными выступлениями, стал сближаться с контрреволюционерами, служил интересам крупной буржуазии, предательская политика которой беспощадно разоблачалась Жаном Полем Маратом. 17 июля 1791 г. Лафайет руководил расстрелом народной демонстрации. После низвержения монархии пытался двинуть войска против революционного Парижа. Потерпев неудачу, бежал в Голландию, попал в руки австрийцев и пробыл в заключении до 1797 года. Вернувшись во Францию, политической роли при Наполеоне I не играл. Реставрацию Бурбонов встретил сдержанно. Принял участие в июльской революции 1830 года, способствовал переходу короны к Луи Филиппу Орлеанскому. <http://vive-liberta.narod.ru/ref/ref1.htm#lf>

Лепелетье, де Сен-Фаржо, Луи Мишель (1760—1793) — деятель Французской буржуазной революции конца XVIII века. Будучи избран в Конвент, поддерживал якобинцев. Сторонник французских просветителей, предложил план создания национальных общедоступных школ на средства, полученные от налога на богачей. Автор проекта уголовного кодекса Франции 1791 года. Голосовал в Конвенте за казнь короля. Накануне казни, 20 января 1793 г. был убит роялистами. <http://vive-liberta.narod.ru/ref/ref1.htm#LSF>

Ле Шапелье, Исаак Рене Ги (1754—1794)—деятель Французской буржуазной революции конца XVIII века. Автор принятого 14 июня 1791 г. антирабочего закона о запрещении собраний и союзов лиц одной и той же профессии. В период якобинской диктатуры казнен за участие в заговорщической деятельности. <http://vive-liberta.narod.ru/ref/ref2.htm#LCh>

Ломброзо, Чезаре (1835—1909) — итальянский криминалист, создатель антропологической школы в буржуазном уголовном праве. В основе теории Ломброзо лежит учение о «преступном человеке» — личности, отягощенной врожденными пороками, склонностью к преступлениям. Создал лженаучную «школу» психофизических признаков «врожденного преступника». Теория Ломброзо как крайне реакционная взята на вооружение современной буржуазной биокриминологией, пытающейся выдать преступность, порождаемую самой сущностью капиталистического строя, за явление, обусловленное природными качествами человека, обосновывающей таким путем применение бесчеловечных мер «социальной безопасности»— уничтожение «неполноценных» национальных меньшинств, стерилизацию, кастрацию.

Людовик XVI (1754—1793) — французский король (1774—1792) из династии Бурбонов. По приговору Конвента был признан виновным в заговоре против свободы нации и безопасности государства и гильотинирован 21 января 1793 г. <http://vive-liberta.narod.ru/ref/ref1.htm#lxvi>

M

Мабли, Габриэль Бонно, де (1709—1785) —аббат, французский мыслитель XVIII века. Сторонник идеи утопического коммунизма. Сторонник теории естественного права. Считал народ источником политической власти. Резко критиковал современный ему строй, основанный на частной собственности, являющейся причиной неравенства. Предложил программу уравнительных мероприятий. Особенно известен своей проповедью народного суверенитета и коммунизма. <http://vive-liberta.narod.ru/ref/ref2.htm#mably>

Мазарини, Джюлио (1602—1661) — деятель французского абсолютизма, кардинал (с 1647 г.), первый министр Франции (с 1643 г.). Крупный дипломат. Активно боролся с начавшимся в 1648 году движением Фронды. Его правление ознаменовалось жестоким подавлением ряда крупных народных движений, ростом налогового гнета, укреплением центрального государственного аппарата, усиливением роли финансовых воротил.

Мария Антуанетта (1755—1793) — французская королева. С самого начала французской буржуазной революции конца XVIII века возглавила контрреволюционные заговоры роялистов. Побуждала иностранные державы к интервенции с целью подавления революции. В результате народного восстания 10 августа 1792 г. была арестована. Во время якобинской диктатуры предана суду Революционного трибунала и по его приговору в октябре 1793 года гильотинирована. http://vive-liberta.narod.ru/revol_fem/revol_fem_1.htm#MA

Мармонтель, Жан Франсуа (1723—1799) — французский писатель. С 1763 года—член Французской академии наук. Представитель умеренного крыла буржуазного просвещения XVIII века. Основные труды: «Нравоучительные рассказы» (1761), «Велизарий» (1765), «Иники» (1777), «Элементы литературы» (1787), «Мемуары» (1804). Во время Французской буржуазной революции конца XVIII века занял реакционные позиции, защищал свергнутый революцией монархический строй.

Мелье Жан (1664—1729) — французский философ-материалист, утопический социалист. После его смерти было обнаружено его «Завещание», опубликованное полностью в 1864 году. В нем Мелье подверг резкой критике общественные отношения, эксплуататорский строй и религию современной ему Франции. Считал частную собственность, сословное неравенство главным злом, а религию — гнусной басней, выдуманной попами для удержания народа в повиновении. Требовал установления общества, в котором люди сообща владеют всеми благами земли и в равной мере пользуются ими. Противопоставляет христианскому миросозерцанию материализм. Несмотря на метафизичность материализма Мелье и утопичность его коммунизма, революционно-демократический дух, пронизывающий «Завещание», резко выделяет его из среды утопической литературы XVIII века.

Мирабо, Оноре Габриэль Рикетти, граф де (1749—1791) — деятель Французской буржуазной революции конца XVIII века. В 1789 году был избран в Генеральные штаты депутатом от третьего сословия. В Генеральных штатах, превратившихся в Учредительное собрание, выдвинулся как крупный оратор. Представлял интересы либеральных кругов дворянства и верхушки буржуазии. Издавал газеты «Журналь дез эта женеро», «Летр а ме коммтан», «Курьер де Прованс». Превратившись в штатного агента королевского двора, маскировал свою контрреволюционную деятельность двурушническими речами. В 1790 году был разоблачен Жаном Полем Маратом. После смерти Мирабо и падения монархии его предательская деятельность была установлена документально.

Монтескье, Шарль Луи, барон де Секонда (1689—1755) — граф, идеолог французской либеральной буржуазии, просветитель XVIII века. Основные труды: «Персидские письма» (1721), «Рассуждение о причинах величия и падения римлян» (1734), «О духе законов» (1748). Выдающийся мыслитель своего времени. Стремился раскрыть естественные закономерности развития общественных явлений, их связь, их общность и особенности. Доказывал, что законодательство различных стран обусловлено географическими условиями, экономикой, религией и политикой данного общества. В дальнейшем географическое направление в буржуазной социологии послужило идеологическим оправданием колониальной политики империалистических государств. Основоположник теории разделения властей на законодательную, исполнительную и судебную. Утверждал, что эти власти должны находиться в руках различных государственных органов и уравновешивать друг друга. Эта теория служила идеологическим оружием в борьбе шедшей к власти

буржуазии против феодальной монархии. Считал наилучшим строем конституционную монархию. Его учение нашло отражение в конституционных актах Франции XVIII века (Декларация прав человека и гражданина 1789 г., конституция 1791 г.). <http://vive-liberta.narod.ru/ref/ref2.htm#mnt>

Мор, Томас (1478—1535) — один из основоположников утопического социализма, выдающийся английский мыслитель-гуманист, государственный деятель. Социалистические идеи изложены в произведении «Золотая книга, столь же полезная, как забавная, о наилучшем устройстве государства и о новом острове Утопии» (1516). Сурово обличал социальные несправедливости, нищету народных масс, обезземеливание крестьян, вызванное развитием капиталистических отношений. Частная собственность — причина всех зол. Описывает идеальный общественный порядок, будто бы установленный на не существующем острове Утопии, где господствует общественная собственность, всеобщая обязанность трудиться, распределение продуктов по потребности, всеобщее образование. Управление государством основано на демократических принципах. В Утопии сохраняется рабство. Мор не ставит вопрос о пути перехода к такому обществу. Несмотря на историческую ограниченность, это произведение сыграло большую роль в развитии социалистических идей.

Морелли (годы рождения и смерти не известны) — выдающийся французский представитель утопического коммунизма XVIII века. Основные труды: поэма «Базилиада» (1753) и «Кодекс природы, или истинный дух ее законов» (1755). Требовал ликвидации частной собственности, классовых различий, неравенства, эксплуатации и установления общественной собственности. Считал коммунизм соответствующим естественным природным качеством человека. Коммунизм должен заменить собой как строй разумный существующий ныне неразумный строй, основанный на частной собственности. Несмотря на то, что Морелли не видел революционных путей переустройства общества, идеалистически понимал историческое развитие общества, а его коммунизм носил утопический характер, в целом взгляды Морелли имели значение для развития социалистических идей.

Н

Неккер, Жак (1732—1804) — французский политический деятель. Стоял во главе финансового ведомства в 1776—1781 годах, в августе 1788 и в июне 1789 года. Стремился свести революционное движение к спокойной реформе. Потерпев неудачу, вышел в отставку. <http://vive-liberta.narod.ru/ref/ref3.htm#nek>

Нерон, Клавдий Цезарь (37—68) — римский император (54—68), характерен крайней жестокостью в расправах со своими политическими противниками. В результате ряда восстаний сенат низложил его и объявил вне закона. Нерон бежал из Рима и по дороге покончил с собой.

П

Прудон, Пьер Жозеф (1809—1865) — один из основоположников мелкобуржуазного социализма и анархизма. Основные труды: «Что такое собственность?» (1840), «Система экономических противоречий, или философия нищеты» (1846), «Государственный переворот, как показ социальной революции» (1852). Был подвергнут резкой критике в трудах К.Маркса и Ф.Энгельса за увековечивание системы частной собственности, осуждение революционных выступлений пролетариата и проповедь мирного разрешения социальных проблем.

Р

Радищев, Александр Николаевич (1749—1802) — великий русский революционный писатель. В книге «Путешествие из Петербурга в Москву», проникнутой пламенной любовью к униженной, угнетенной крепостничеством и самодержавием родине и к русскому народу, призывал народ к революции. Разделяя естественно-правовую теорию, Радищев создал самостоятельную революционную концепцию политического и исторического развития России, открыто настаивал на уничтожении крепостничества и самодержавия. Автор ряда работ по уголовному праву. <http://vive-liberta.narod.ru/ref/ref2.htm#rad>

Ришелье, Арман Жак, Дю Плесси (1585—1642) — герцог и кардинал, французский государственный деятель. Содействовал созданию централизованного государственного аппарата. При Ришелье во Франции сложилась в существенных чертах система абсолютизма.

Робеспьер, Максимилиан (1758—1794) — виднейший политический деятель Французской буржуазной революции конца XVIII века. Вождь якобинцев. Будучи депутатом Учредительного собрания и Конвента, занимал в них крайне левую позицию. В Конвенте вместе с Маратом возглавил ожесточенную кампанию якобинцев против жирондистов. После падения Жиронды и установления якобинской диктатуры стал во главе правительства. Однако проявил ряд колебаний в вопросе о заработной плате и т.д., что ослабило его связи с беднейшими слоями рабочих масс Парижа и крестьянства. Этим воспользовалась крупная спекулянтская буржуазия. Потеряв влияние, был объявлен большинством Конвента вне закона и казнен 28 июля 1794 г. <http://vive-liberta.narod.ru/ref/ref1.htm#MR>

Ру, Жак (1752—1794) — политический деятель Французской буржуазной революции конца XVIII века, вождь «бешеных». В связи с выступлениями «бешеных» против революционного правительства Робеспьера был предан суду Революционного трибунала. Предвидя смертный приговор, покончил с собой. <http://vive-liberta.narod.ru/ref/ref1.htm#JR>

Руссо, Жан Жак (1712—1778) — знаменитый французский писатель, выдающийся социолог и моралист. Основные труды: «Содействовало ли возрождение науки и искусств очищению нравов» (1750), «Рассуждение о происхождении и основах неравенства между людьми» (1754), «Новая Элоиза» (1761), «Эмиль или о воспитании» (1762), «Об общественном договоре» (1762), «Исповедь» и «Мечты одинокого путника» опубликованы посмертно. Выразитель интересов революционной части мелкой буржуазии. Сформулировал естественно-договорную теорию, имевшую в то время прогрессивное, революционное значение, особенно в той части, где Руссо провозглашал основой государственной власти народный суверенитет. Вместе с тем Руссо не шел дальше требования установления буржуазно-демократической республики и введения уравнительной мелкой частной собственности. <http://vive-liberta.narod.ru/ref/ref1.htm#jjrss>

Т

Тьер, Луи Адольф (1797—1877) — историк, французский политический деятель, злейший враг демократии и рабочего класса. Принимал участие в подавлении рабочих восстаний 1834 года в Париже и Лионе. В революцию 1848 года — депутат Национального Собрания, с 13 февраля 1871 г. глава исполнительной власти. 18 марта 1871 г. руководил кровавым подавлением Парижской Коммуны. <http://vive-liberta.narod.ru/ref/ref2.htm#thiers>

Тэн, Ипполит Адольф (1828—1893) — известный французский критик, теоретик искусства и историк. После Парижской Коммуны 1871 года написал несколько реакционных книг по истории французской революции. Работа «Происхождение современной Франции» (1876—1893) представляет собой реакционную фальсификацию Французской буржуазной революции конца XVIII века, основанную на грубо тенденциозном подборе документов. <http://vive-liberta.narod.ru/ref/ref1.htm#it>

Ф

Франклин, Бенджамин (1706—1790) — североамериканский политический деятель, публицист, экономист и физик. Как физик прославился доказательством того, что молния представляет собой электрическое явление. Один из основателей общей теории электричества.

Фридрих II (1712—1786) — прусский король (1740—1786), проводил агрессивную политику, для чего создал сильную армию, в которой практиковались телесные наказания, тупая военная муштра. Был разбит русскими войсками в Семилетней войне. После посещения его Вольтером, был злой и беспощадно высмеян последним.